

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2020 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

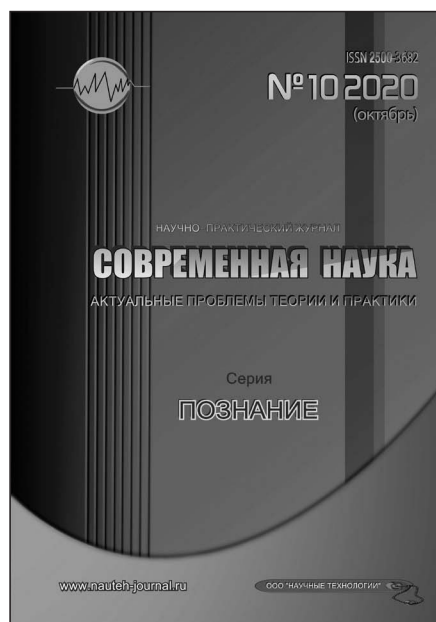
Подписано в печать 25.10.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 10 (октябрь) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Бейсова Ж. – К вопросу об историко-культурной эволюции Акмолинска (от Акмолы до Целинограда: культурное, хозяйственно-экономическое, архитектурное наследие города)

Beissova Zh. – To the matter of a historical and cultural Akmolinsk evolution: of the (from Akmola to Tselinograd: cultural, economic, architectural city heritage). 5

Закирзянов А.М. – Трагикомедия Т. Миннуллина “Обет” на театральной сцене

Zakirzyanov A. – “The vow” tragicomedy by T. Minnullin on the theatre stage 11

Психология

Бартуль Е.С., Писаревский К.Л. – Понятие мотивационно-потребностная сфера личности в психологических исследованиях

Bartul E., Pisarevsky K. – The concept of motivational-need sphere of personality in psychological research 15

Горбачев И.В. – Психологическое благополучие военнослужащих в современных исследованиях: подходы, противоречия и перспективы

Gorbachev I. – Psychological well-being in moderns studies: approaches, controversies, prospects 21

Ермушева А.А. – Клинические и психологические модели патологических кожных ощущений

Ermusheva A. – Clinical and psychological models of pathological skin sensations. 25

Зекерьяев Р.И. – Психологические особенности социально-психологических установок в структуре ценностно-смысловой сферы личности с различными уровнями интернет-активности

Zekeryaev R. – Psychological features of socio-psychological attitudes in the value-sense sphere’s structure of a personality with different levels of internet activity 32

Исакова Т.В. – Влияние типа привязанности на формирование личности и особенности построения межличностных отношений взрослого человека

Isakova T. – The influence of the type of attachment on the formation of the personality and peculiarities of the construction of interpersonal relationships of the adult. 39

Коновалова А.В. – Обзор современных психологических программ преодоления академической прокрастинации студентов в условиях обучения в ВУЗе. Роль преподавателей в психокоррекционном процессе

Konovalova A. – Review of modern psychological programs for overcoming academic procrastination of students in a university study environment. The role of teachers in the psychocorrectional process. 45

Куц А.В., Воробьева К.И. – Особенности волевой регуляции студентов в процессе адаптации к инокультурной среде

Kuts A., Vorobieva K. – Specific features of the volitional regulation in the process of foreign students’ adaptation to the cross-cultural environment. 51

Литвякова О.С., Белопольская Н.Л. –

Оригинальный «Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР) как средство выявления критериев оценки качества терапевтической ремиссии больных алкоголизмом

<i>Litvyakova O., Belopolskaya N.</i> – Original «Quality assessment in remote and inaccessible regions» (OOCRUTR) as a means of identification of criteria for assessing the quality of therapeutic remission of alcoholic patients 57	Ракова Е.К. – Модель психологической компетентности педагога дошкольного образования <i>Rakova E.</i> – Model of psychological competence of preschool teacher..... 93
Маст С.В. – Первичная психолого-педагогическая профилактика аддиктивного поведения подростков: проблемы, перспективы их решений <i>Mast S.</i> – Primary psychological and pedagogical prevention of addictive behavior of adolescents: problems, prospects for their solutions 63	Трофимова А.К., Черноризов А.М., Иванова Г.Е., Силина Е.В. – Особенности биоэлектрической активности мозга у перенесших инсульт пациентов с тревожно-депрессивными расстройствами <i>Trofimova A., Chernorizov A., Ivanova G., Silina E.</i> – Peculiarities of bioelectric brain activity in stroke patients with anxiety-depressive disorders..... 96
Мачуха А.М., Васильева О.С. – Понимание и психологическое содержание конструкта личностной зрелости <i>Machukha A., Vasilyeva O.</i> – Understanding and psychological content of the construct of personal maturity 69	Ушанова Н.В. – Факторы и условия формирования детской жестокости <i>Ushanova N.</i> – Factors and conditions for the formation of child cruelty 100
Назаревич О.С. – Исследование креативности как компонента психологической готовности студентов дефектологических специальностей к работе в условиях инклюзии <i>Nazarevich O.</i> – Research of creativity as a component of psychological readiness of students of defectological specialties to work in conditions of inclusion..... 74	Цветкова Н.А., Покровская С.В. – О факторах, определяющих индивидуальные реакции жителей мегаполиса на режим самоизоляции <i>Tsvetkova N., Pokrovskaya S.</i> – Features of the inquiry for psychological help in the emergent situation of the COVID-19 pandemic..... 105
Никольская А.В., Костригин А.А. – Социально-психологические особенности установок населения по отношению к различным формам неравенства в обществе <i>Nikolskaya A., Kostrigin A.</i> – Social-psychological characteristics of the attitudes of the population in relation to various forms of inequality in society ... 79	Философия
Потапова Е.В., Рудакова Я.В., Калиновская К.С. – Исследование особенностей мышления при решении клиповых и понятийных задач студентов высшей школы <i>Potapova E., Rudakova Ya., Kalinovskaya K.</i> – Study of the peculiarities of thinking with respect to video and conceptual challenges university students 88	Равочкин Н.Н. – Трансформация сущности политико-правовых институтов в контексте Постсовременности <i>Ravochkin N.</i> – Political and legal institutions essence transformation in the Postmodernity context 108
	Сиверцев Е.Ю. – Древняя Греция: человек, общество, судьба и самоубийство <i>Sivertsev E.</i> – Ancient Greece: man, society, fate, and suicide..... 113
	Информация
	Наши авторы. Our Authors..... 117
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 118

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ АКМОЛИНСКА (ОТ АКМОЛЫ ДО ЦЕЛИНОГРАДА: КУЛЬТУРНОЕ, ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРОДА)

Бейсова Жанар

Аспирант, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва
zhanna_10@mail.ru

TO THE MATTER OF A HISTORICAL AND CULTURAL AKMOLINSK EVOLUTION: OF THE (FROM AKMOLA TO TSELINOGRAD: CULTURAL, ECONOMIC, ARCHITECTURAL CITY HERITAGE)

Zh. Beisova

Summary: The article is a short historical and political review of the power's structure and features, the Akmola's formation-steps, its further renaming and the birthing to Tselinograd; the first prerequisites and transformations preceding of the new city formation, and a new capital. Analysis, study and generalization were used as study methods for systematic and resume historical progress of Akmola. The personality of the modern city makes by cultural and historical heritage objects defining its face. They are an important asset to the town's introduction. The main thesis and materials of the article can be used in the university-teaching of the Kazakhstan history course, special courses in culturology, social history, and city history.

Keywords: a communicator-town, "memory places", power, cultural evolution, cultural space, historical and cultural development.

Аннотация: В статье приводится краткий историко-политический обзор: структура власти, ее состав и особенности, становление Акмолы, дальнейшее переименование и рождение Целинограда; первые предпосылки и трансформации, предшествующие становлению нового города и новой столицы. В исследовании использованы методы анализа, изучения и обобщения для систематизации и резюмирования исторического прогрессирования Акмолы. Индивидуальность современного города, определяя его лицо, создают объекты культурного и исторического наследия, выступая важным активом самоидентификации. Основные тезисы и материалы статьи могут быть использованы в вузовском преподавании курса истории Казахстана, спецкурсов по культурологии, социальной истории и истории городов.

Ключевые слова: город-коммуникатор, «места памяти», власть, культурная эволюция, культурное пространство, историко-культурное развитие.

Города сыграли важнейшее значение в становлении всех человеческих цивилизаций. Именно в городах создавались благоприятные условия для общения и взаимодействия, объединения усилий по достижению общих целей, являясь оптимальной средой развития, как отдельного человека, так и всего коллектива его жителей. Накапливая новые знания и инновации, города превращались в центры, и экономически и административно связывая локальные системы поселений [1].

Изучение проблемы развития отдельных городов необходимы для разработки общих проблем истории Казахстана. На материалах истории города прослеживаются черты и особенности социально-экономического развития региона.

Интерес к истории города усиливается благодаря современным процессам, связанным с изменениями в социально-политической и экономической жизни госу-

дарства.

Степень изученности проблемы

Проблемы историко-культурного развития города Акмолинска были изучены дореволюционными исследователями, в которых содержатся описание географических условий, уклада и хозяйственной деятельности местного населения, заметки о городском быте и внешнем облике городов. В своих трудах русские исследователи казахского края XVII-XIX вв. Ф. Трошин и М. Трошин, С. Ремезов, И. Шангин описывают древние города Сары-Арки и Дешт-и-Кипчака, рассказывают о Приишимских степях и памятниках древности Акмолинской области [2, 3].

Предыстория города и его окрестностей представлена работами В.С. Волошина, В.Г. Коченова, Э.Р. Усмановой [4]. Ученые исследуют древние памятники эпохи камня и бронзы на территории Акмолинской области. История

основания Акмолинской крепости и начальный этап её строительства и становления изучались российскими авторами Е.Н. Евсеевым и М.А. Плетневой [5, 6].

История становления Акмолинска в первые десятилетия после основания представлена в исследованиях Н.Ж. Агубаева. Его работа отличается глубиной исследования социально-экономических проблем, богатством и разнообразием источников, анализом проблем развития городского самоуправления и общественно-политической жизни провинциального Акмолинска XIX века. Ученый раскрывает предпосылки и факторы постепенного перерастания крепости в хозяйственное поселение, показывая значение Акмолы как торгового центра казахской степи [7, 8].

1. Структура власти

Самые ранние следы человеческой деятельности на территории современной Астаны датируются бронзовым веком. В более позднее время через эту местность проходили караванные пути. Неудивительно, что вскоре здесь появилась ставка кыпчакских султанов — Бозок. Позже она разрослась до размеров средневекового городища, просуществовавшего до эпохи Казахского ханства [9, 10].

Новый этап в истории города начался в 30-е годы XIX-го века. Султаны Среднего жуза из Карпыкской и Кундыкской волостей обратились к царскому правительству с просьбой защитить их земли от набегов кокандцев и разбойничьих шаек, промышлявших в этом районе. С этой целью, а также для защиты торговых караванов в 1830 году было принято решение построить приказ (укрепление) в урочище Ак-Мола. Эта важная миссия была поручена человеку, уважаемому среди местного населения, герою Бородинского сражения, награжденному орденом св. Анны II степени за успехи в развитии дружественных русско-казахских отношений – полковнику Федору Кузьмичу Шубину. Фактически именно он стал отцом-основателем поселения, которое через две сотни лет превратилось в столицу Казахстана. Прибыв в степь с небольшим отрядом, Шубин основал приказ [11].

Старшим султаном региона был избран Конур-Кульджа Кудаймендин, потомок хана Семеке, также сыгравший немалую роль в основании Акмолинска [12]. Для строительства была сформирована команда из 52-х человек под началом инженера-подпоручика Попова. Сначала было построено только несколько саманных казарм и деревянных домов. Позже появился дом окружного приказа и дома для чиновников. Для обороны приказа было построено сомкнутое полевое укрепление. Та крепость находилась в районе современных улиц Желтоксан и Кенесары. Остатки фортов и башен укрепления простояли вплоть до 20-х годов XX-го века [13].

26 сентября 1862 года Акмолинск получил статус города. Само словосочетание «Ак мола» имеет два варианта перевода — «белая благодать» и «белая могила». Имеется несколько версий происхождения названия города. По одной из них в его окрестностях находился мавзолей, почитаемого бия Нияза. По другой – регион являлся центром развития сельского хозяйства и производства молочных продуктов. Благодаря выгодному расположению на пути торговых перевозок между Средней Азией и Сибирью молодой город становится привлекательным с точки зрения коммерции. Сюда прибывали переселенцы из различных областей России и Украины, а сельское население области селилось вблизи городских стен [14].

Довольно интересную постановку проблемы эволюции города представили французские исследователи-постмодернисты. Хотя в целом они сосредотачивают свое внимание на репрессивных функциях структур власти, но, тем не менее, они обратили внимание на важные аспекты проблемы. В частности, они заметили, что современная культура – это культура власти дисциплинарных пространств, формирующих личность человека.

Культура по своей сути – это тоталитарная система ограничений, контроля и запретов, система дисциплинарных пространств, осуществляющих процедуры подчинения [15]. Это система власти, захватывающая все стороны жизни. Дисциплинарное пространство культуры строит человека, организует по определенным законам с самого раннего детства и продолжает делать это всю его жизнь. Поведение людей строго упорядочено, мышление четко систематизировано, эмоции и чувства заранее заданы. Если не действуют процедуры подчинения, используются процедуры исключения.

«Право на город» («le droit a la ville»), как понятие, предложил и разработал ровно 50 лет назад в самый разгар революционных событий в Европе в 1968 г. французский философ Анри Лефевр [16, 17]. Он считал, что «Право на город» является самым попираемым правом человека за всю мировую историю. И если в области политических, социальных или экономических прав на длинной дистанции мы видим очевидный прогресс, то территориальные права обычных горожан, как правило, остаются за гранью публичного внимания. Парадоксально то, что это загадочным образом чаще всего не осознают сами жители и категорически не хотят учитывать муниципальные власти.

2. Социально-культурное развитие

Культурная эволюция – это эволюция поведения и способностей человека. Чтобы понять специфику развития человечества, оценить его возможности, необходимо понять особенности как биологической, так и культурной эволюции [18].

А между тем современная философия города отталивается от принципиально иного — «права на город» его жителей, которое означает в первую очередь совместный партнерский труд властей и горожан именно с социальными и антропологическими смыслами городов. А в таких общественных условиях, т.е. когда есть партнерский труд, формулируются такие проблемы, решить которые только лишь с помощью кисти и краски вряд ли удастся [19].

К концу 60-х годов XIX-го века население Акмолинска уже достигло 5 тысяч человек. В городе развивалась кустарная промышленность, появились кирпичные и кожевенные предприятия. Предприимчивые жители строили ветряные мельницы для производства муки. Развивалось и образование. Было открыто 3 городских и 12 церковно-приходских школ, а также несколько сельскохозяйственных училищ.

Согласно переписи населения, 1897 года в Акмолинске было 9707 жителей, в том числе русских — 4619 (47,58 %), казахов — 3020 (31,11 %), татар — 1035 (10,66 %), мордвы — 223 (2,30 %), немцев — 205 (2,11 %), евреев — 173 (1,78 %), украинцев — 101 (1,04 %), других национальностей — 331 (3,41 %) [14, 20].

К началу Первой мировой войны население города приблизилось к 12 тысячам человек. В город приезжали купцы, чтобы открыть свое дело. Численность торговцев превышала тысячу человек. Некоторые из них становились весьма зажиточными. Так, видный представитель купеческой династии Василий Кубрин в 1907 году построил шикарный особняк в стиле модерн. Этот дом до сих пор является одной из самых интересных исторических достопримечательностей столицы. Сейчас в нем расположено посольство Украины в Казахстане [21].

Согласно переписи населения 1926 года в Акмолинске было 1 211 379 жителей, в том числе казахов — 430804 (35,56%), русских — 394114 (32,53%), украинцев — 321338 (25,78%) [22].

Акмолинск занимал центральное месторасположение в степи. Данное обстоятельство способствовало развитию ярмарочной и стационарной торговли. В городе проходили ярмарки: Константиновская — крупнейшая в регионе и Дмитровская (осенняя). Наибольшее значение имела Константиновская, на которую приезжали все крупные скотопромышленники Западной Сибири и европейской части России. Так как в Акмолинске оканчивался Петропавловско-Акмолинский почтовый тракт и начинался Акмолинско-Туркестанский верблюдо-караванный путь, то необходимо было платить гильдийную пошлину. Поэтому данная ярмарка имела огромное значение для Акмолинской области: все чаще и чаще караваны, держащие путь в Петропавловск, стали сбывать

товары акмолинским купцам, так как это было более выгодно [23].

В предвоенный период город становится центром железнодорожного строительства. В 39-м году начались работы по прокладке железной дороги Акмолинск-Карталы. Она стала частью стратегической Сталинско-Магнитогорской магистрали, созданной для доставки карагандинского угля на крупные предприятия Южного Урала. Акмолинск становится городом железнодорожников и начинает интенсивно застраиваться. В годы Великой Отечественной войны (ВОВ) в город передислоцируют промышленные предприятия из прифронтовых регионов. Число жителей росло за счет эвакуированных людей и представителей народов, депортированных в Казахстан [24].

В Акмолинск были депортированы ингуши и чеченцы, балкары, карачаевцы, немцы и др. Акмолинский горком партии и исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся решали вопросы трудового и хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев, регламентировали призыв в армию, распределяли скот и выдавали пособия переселенцам с Северного Кавказа, открывали для них образовательные и культурные учреждения. Отдельно решался вопрос эвакуированных граждан с оккупированных территорий СССР. Только за первый год в Акмолинскую область прибыло около 30 тысяч человек, то есть число эвакуированных было равно населению довоенного Акмолинска [25]. Понятно, что это требовало от властей серьезных организационных и экономических усилий. Прибывших обеспечивали жильем и медицинской помощью, устраивали на работу.

3. Хозяйственно-экономическое развитие

Процессы жизни города и феномены роста городов, урбанизированных регионов осмысляются и разнообразно описываются, с различных позиций и точек зрения. В этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что для каждой из названных позиций ее специфические средства замещают реальный мир и многообразие города. Город подменяется теми или иными профессиональными объектами, предметами знания и мышления, характерными для данной социокультурной позиции. Город представляется как «все-что-угодно».

Конечно, философская рефлексия давно отметила эту специфику предметно-ориентированного сознания и мышления. Однако, в данном случае, мы имеем дело с чем-то большим, нежели с ошибкой формальной онтологизации содержания профессионального знания. Если «город» есть все, то он может представляться как все. В феноменальности городской жизнедеятельности и мыследеятельности можно найти эмпирические характеристики и ситуации, соответствующие любым

профессионально-предметным идеализациям. Ничто не препятствует формальной онтологизации и натурализации; не возникает ситуации парадокса и противоречия в отнесении различных знаний к объекту; проблематизация становится заторможенной [26].

В начале XX века Акмолинск поставлял массу товаров для казахов не только Акмолинского, но и Атбасарского, Каркаралинского уездов. Промышленность, несмотря на разнообразные природные богатства, была развита слабо, что являлось следствием отсутствия удобных путей сообщения и отдаленность от железной дороги.

В 1900 г. в Акмолинской области работало 18 золотых приисков с 598 рабочими, добыто 1449 пудов песка, золота получено 20 футов 67 золотниками, (1 фунт = 32 лотам = 96 золотникам = 9216 долям = 409,5124 г). Горные продукты свозились в Акмолинск, золотники золота продавали в 1900 г. по 2р.50 коп. – 3 р.80 коп. Оттуда они уже отправлялись по почте в центр России. Имелся мыловаренный, кожевенный, маслособойный, пивомедоваренный и пряничные заводы, казенный винный склад, много кузниц и склад [27].

В городе находилось уездное казначейство, почтово-телеграфная контора, аптека, две церкви (одна каменная) и мечеть, городское трехклассное училище, женская прогимназия, две начальные школы, городская публичная библиотека (Пушкинская). За городом располагалась низшая сельскохозяйственная школа с опытным полем и садом. Город мало чем отличался от других городов Казахстана того периода. Каменные строения находились только на главной площади, улицы были немощеные и изредка освещались керосиновыми фонарями, имелось небольшое количество извозчиков. Гостиниц не было.

Акмолинск начала XX века, в силу объективных факторов, стал постепенно играть все большую роль в развитии экономики и торговли края и вовлечении в общероссийский капиталистический рынок. Город возникший, как город-крепость, становится постепенно не только административным, но и торговым центром. Это способствовало увеличению численности населения региона. На характер города также существенное влияние оказывали географические факторы, социально-экономическая структура районов, внутренний и всероссийский рынок товаров [28].

4. «Места памяти» в т.ч. архитектура

Вопросы коллективной культурной памяти сегодня принадлежат к модным темам западной историографии. В последнее время во многих европейских странах, и в США, вышли исследования, посвященные изучению особенностей культурной памяти, а так же «case studies» о

политическом культе смерти, исторических праздниках и национальных памятниках. Такие исследования проводились и в России. Основателем данного направления по праву считается семитомный труд «Les lieux de memoire», опубликованный во Франции в 1980 – 90-х годах под руководством Пьера Нора. Идея книги нашла последователей в разных европейских странах, в частности, в Германии. Проект Нора – честолюбивая попытка описать топографию коллективной памяти Франции. Его работа – объемное собрание больше ста статей разных авторов, каждая из которых посвящена одному «месту памяти».

«Места памяти» Пьера Нора не являются местами в узком, географическом понимании этого слова. В томах его издания можно найти статьи про французский национальный флаг (Триколор), про Марсельезу, про Жанну д'Арк, французское вино, французскую национальную библиотеку и т.д. [29].

Греческим термином «*topos*» можно лишь приблизительно описать то, что здесь имеется в виду под названием «*lieu. Lieux de memoire*» Нора определяет как «места, на которых складывается память [сообщества]». Самая главная функция мест памяти – сохранять память группы людей. Местами памяти могут стать люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые «окружены символической аурой». Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой мест памяти является то, что они могут нести разные значения. И эти значения могут меняться. Иными словами, Нора представляет место памяти как самостоятельный, независимый феномен.

Исследователи *lieux de memoire* обращают внимание не столько на материальное или историческое ядро места памяти, сколько на его отражение в сознании и форме его восприятия. Так труд Нора про Верден описывает не знаменитую битву Первой мировой войны, а воспоминания о ней. В центре большинства работ рассматривается вопрос получения определенным местом памяти того, или иного символического значения, его трансформации с течением времени. Соответственно, данное направление можно назвать «вторичной историей» [30].

Источниками для изучения мест памяти являются тексты, картины и предметы, которые дают информацию об определенном событии, человеке или идее. Источниками могут стать, например, памятники исторической мысли, газетные статьи об открытии памятников, политические доклады, прочитанные на исторических юбилеях, живопись, раскрывающая исторические сюжеты, а так же обыденные предметы повседневности.

Считается, что формирование в сознании «мест памя-

ти» – общий феномен процессов развития «мы-групп». Идея общего героического прошлого принципиально важна для самосознания этнических меньшинств, религиозных групп, городов, регионов и даже классов. Она играет важную роль в формировании национальной идеологии.

«Места памяти» для Акмолинска этого периода – Дмитровская и Константиновская ярмарки. Именно в этом аспекте город Акмолинск выступал коммуникатором для городов и селений Западной Сибири XIX века [31].

Выводы

История города Акмолинска начинается с сентября 1862 года, когда военное поселение Акмола было преобразовано в город Акмолинск. Город возник как город-крепость, но постепенно перерастает в город-коммуникатор. Формируются структуры власти, захватывающие все стороны жизни горожан. На характер города оказывали существенное влияние географические факторы, социально-экономическая структура окружающих его районов, внутренний и всероссийский рынок товаров.

Благодаря удачному месторасположению в степи Акмолинск стал центром развития ярмарочной и стационарной торговли: Константиновская ярмарка была крупнейшей в регионе, на которую приезжали все крупные

скотопромышленники Западной Сибири и европейской части России. Отдельного внимания заслуживает и Дмитровская (осенняя).

Акмолинск в начале XX века, в силу объективных факторов, стал постепенно играть все большую роль в развитии экономики и торговли края, а так же в вовлечении региона в общероссийский капиталистический рынок. Теперь это не просто город-крепость, и не только административный центр, но и центр торговли, быстрыми темпами наращивающий численность населения.

В XX веке город-коммуникатор становится городом-железнодорожником. Увеличение товарной нагрузки на железнодорожный узел содействовало построению нескольких объектов, увеличивающих грузоперевозки через станцию. Особенно возросло значение города-железнодорожника в годы ВОВ.

Переформатирование режимов памяти связано с появлением новых героев и переосмыслением трагических событий недавней истории: установление советской власти, коллективизация, репрессии, голод, война. Через территорию Казахстана проложены особые маршруты травматической памяти для депортированных народов, сосланных, эвакуированных. Новейшая история города написана не только историческими событиями, но частными человеческими историями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпысбаева Г.А. Астана в новое и новейшее время / Под редакцией Х.М. Абжанова. – Астана: Астана полиграфия, 2018.
2. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. – Алма-Ата, 1966.
3. Кастанье А.И. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. – 2-е изд. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2007.
4. Головачев П. Экономическая география Сибири. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914.
5. Евсеев Е.Н., Плетнева Т.А. Как был основан Целиноград // История СССР. – 1967. – №2. – С. 209-210.
6. Евсеев Е.Н., Досанов Д. Целиноград. – Алма-Ата: Казахстан, 1971.
7. Касымбаев Ж.К., Агубаев Н.Ж. История Акмолы: XIX – нач. XX вв.: исследования, источники, комментарии. – Алматы: Жеты-Жаргы, 1998.
8. Касымбаев Ж.К. История Акмолы (1832-1917гг.). – Алма-Ата: Атамур, 1995.
9. Акишев А.К., Хабдулина М.К. Из средневековой истории Астаны // Музеи Казахстана. – 2004. – № 1(4). – С. 34-38.
10. Акишев К.А. Городище Акжол // Астана. – 2001. – № 1. – С. 38-41.
11. Байхадамова Г.М. К вопросу о новой столице Казахстана / Г. М. Байхадамова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 2(44). – Ч. 1. – С. 86-88. doi: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.44.104>
12. Турчанинов И.В. Города Азиатской России / Азиатская Россия. Т.1 : Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914.
13. Дубицкий А.Ф. Акмола-город славный. – Акмолинск: Обл. изд-во, 1959.
14. Жаркенова А. Социально-демографическое развитие населения Северного Казахстана во второй половине XIX-начале XX в. Автореферат дис... доктора ист. наук. спец. 07.00.03 – Всеобщая история. Минск, Республика Беларусь, 2017.
15. Виноградова И.В. Дисциплинарное пространство культуры // Философия XX века: школы и концепции. / Научная конференция к 60-летию философского факультета СПбГУ, 21 ноября, 2000.
16. Вершинина И.А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – №2. – С. 48-60. doi: [10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60).
17. Шихардин Н.В. Право на город // Вестник Курганского государственного университета. – 2017. – №1 (44). – С. 112-115.
18. Сущность культурной эволюции и ее отличие от биологической: Электронная онлайн библиотека [Электронный ресурс URL: <https://banauka.ru/6038.html> (дата обращения: 09.07.2020)].

19. Мастеница Е.Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования. – 2011. – №3. – С. 128-147.
20. Конаратбаева Ж.М., Абдулеулы Б., Тусупбекова М.Ж. Топосистема города Астаны как отражение Социально-исторических процессов XIX-начала XX вв. // Материалы Международной научно-практической конференции. / Тюркская ономастика от истоков до современности. Казань, 11–14 октября, 2018. – С. 127-312.
21. История Казахстана: народы и культуры : учеб. пособие / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000.
22. «Говорят архивы...» / сост: Б.С. Актайлак, М.А. Темирбаева, А. Каменулы. – Астана: Идеал-ИС-2009, 2015.
23. Государственный архив г. Астаны. Ф.362. Оп.5. Д.51
24. Кусаинов М.К. Акмолинцы – на фронте и в тылу. – Астана: Сарыарка, 2010.
25. Кан Г.В. История Казахстана : учеб. пособие. – Алматы: Аркаим, 2002.
26. Бурлина Е.Я., Илливицкая Л.Г. Хронотопия города в аспектах теории и практической диагностики // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – №5. – С. 230-234.
27. Жумасултанов А.Ж. Казахстан в экономическом сотрудничестве народов СССР. (1928-1958 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1977.
28. Ордабаев С.И. Казахстан: страна и люди, природа, история, экономика, культура. – М.: Парад, 2017.
29. Сабанчиев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1 (43). – С. 33-38. doi: dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38.
30. Мустафаева Ф.М. Зарождение концепции «Места памяти» Пьера Нора // Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / Современная наука: проблемы, идеи, тенденции. Прага. 11 февраля, 2019. – С. 561-565.
31. Ордабаев С.И. Казахстан: страна и люди, природа, история, экономика, культура / С.И. Ордабаев. – М.: Парад, 2017.

© Беисова Жанар (zhanna_10@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ТРАГИКОМЕДИЯ Т. МИННУЛЛИНА “ОБЕТ” НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Закирзянов Альфат Магсумзянович

Д.филол.н., доцент, ГУ «Институт языка, литературы
и искусства имени Г. Ибрагимова» Академии наук
Республики Татарстан (г. Казань)
Alfat_zak@mail.ru

“THE VOW” TRAGICOMEDY BY T. MINNULLIN ON THE THEATRE STAGE

A. Zakirzyanov

Summary: This article analyses “The vow” play by Tufan Minnullin, which was staged in Kazan in K. Tinchurin theatre. At the junction of centuries, the author was one of the leading authors, who defined the peculiarities of tatar literary drama development. In the tragicomedy “The vow”, which occurred one of T. Minnullin’s last works, the author reveals constant philosophical and moral questions of being. According to the stage incarnation and analysis of the play, the aim of the article is to show artistic and aesthetic finds of the author, the director’s concept of reporting the main idea to the audience, and revealing the peculiarities of artistic searches, which can be seen in the actors’ playing. The full and detailed analyses help to see the ways of artistic searchers in modern tatar drama literature and theatre.

Keywords: tatar theatre; Tufan Minnullin; play; interpretation; actor; idea; image.

Аннотация: В статье анализируется спектакль, поставленный в Казани на сцене театра им. К. Тинчурина по пьесе Т. Миннуллина “Нэзер” / “Обет”. На стыке веков драматург был одним из ведущих авторов в области татарской сценической литературы, во многом определившим особенности процесса её развития. В трагикомедии “Обет”, ставшей одним из последних его произведений, драматург обращается к непреходящим философским и нравственным вопросам бытия. Целью является, исходя из анализа и оценки сценического воплощения спектакля “Обет”, определение художественно-эстетических находок драматурга, раскрытие режиссерской концепции донесения основной идеи до зрителя и выявление своеобразия творческих поисков, отраженных в игре артистов. Обстоятельный анализ и оценка данного спектакля позволит также выявить пути творческих поисков в современной татарской драматургии и театре.

Ключевые слова: татарский театр; Туфан Миннуллин; спектакль; интерпретация; артист; идея; образ.

Введение

В духовной жизни народа театральное искусство занимает чрезвычайно важное место. Тем более возрастает его роль и значение в национальной культуре в современных условиях глобализации и информатизации. С одной стороны, когда в обществе наблюдается снижение интереса к чтению книг, театр служит своеобразным каналом распространения идей и мыслей литераторов в обществе посредством сценического языка, а с другой стороны, кто же осмелится отрицать важнейшую роль театра в сохранении и отстаивании национального языка [1]. В настоящее время действуют и успешно работают в Татарстане десять татарских театров, в Башкортостане – три и в городе Оренбурге один татарский театр. В их репертуаре представлены, конечно же, и татарская классика, в определенной мере и образцы литературы других народов, но основное место занимают современные произведения. В татарской драматургии конца XX – начала XXI века активно творили такие авторы, как Р. Батулла, Р. Хамид, З. Хаким, М. Гилязев, Д. Салихов, И. Зайниев, Аманулла, Г. Каюмов, Р. Сагди, Х. Ибрагим, Б. Салахов и др. Среди них Туфан Миннуллин (1935-2012) занимает особое место. Он получает широкое признание благодаря обращению к своеобразным, не шаблонным сюжетам, основанным на весьма серьезных темах и проблемах бытия, выбору

сильных духом, ярких и оригинальных национальных героев, поиску новых путей, изобразительных средств и приемов раскрытия их перед своими зрителями и читателями. Многочисленные произведения драматурга, в частности, “Ай булмаса йолдыз бар” / “Когда нет луны, то есть звезды” (1974), “Өлдөрмештэн Әлмәндәр” / “Альмандар из Альдермышы” (1975), “Әниләр һәм бәбиләр” / “Мамы и младенцы” (1982), “Моңлы бер жыр” / “Грустная песня” (1984), “Шәжәрә” / “Родословная” (1994), “Саташу” / “Сумасшествие” (2001), “Мулла” / “Священнослужитель” (2006), “Төш” / “Сон” (2010) и другие пьесы с успехом были поставлены в России и за рубежом на сцене театров братских тюркских народов [2, с. 218]. Одним из особенностей этих произведений является “рассмотрение понятия судьбы как некоей цепи событий и перемен, родившихся вследствие активности культурных сил, наравне с понятиями будущего и исторического прошлого” [5, с. 97]. Ставшая одним из последних произведений литератора трагикомедия “Нэзер” / “Обет” (2010), поставленная в Оренбурге, в Нижнекамске и в Казани, снискала любовь зрителей. Спектакль, поставленный на сцене театра им. К. Тинчурина, в жизни республики обрел звучание значительного культурного события. С одной стороны, эта постановка помогает как бы проникнуть внутрь и осознать особенности творчества Т. Миннуллина, то, с другой стороны, она позволяет определить пути художественного поиска, идущего в татарских театрах. Основной **целью**

данной статьи является, определение художественно-эстетических находок драматурга, раскрытие режиссерской концепции донесения основной идеи до зрителя и, опираясь на методы анализа и оценки сценического воплощения спектакля “Обет”, выявление своеобразия творческих поисков, отраженных в игре артистов. В связи с этим выделяются задачи определить: жанровое своеобразие драматического текста и его отражение в изобразительных средствах и приемах; особенности донесения заложенной в содержание пьесы идейно-эстетической мысли до зрителя (в результате анализа деятельности режиссера и игры артистов); эстетические и стилиевые отличия, присущие театру им. К.Тинчурина.

Методы исследования

Наше исследование опирается на выработанные отечественной наукой методы анализа театрального искусства, в частности, спектакля. Исходя из поставленной цели были использованы культурно-исторический, проблемно-тематический и системный методы изучения искусства, в совокупности позволяющие воспринимать спектакль в единстве формальных и содержательных компонентов, интерпретировать его как часть культурно-исторической действительности.

Обсуждение и результаты

В течение сезона 2019-2020 года Татарский государственный театр им. К.Тинчурина порадовал своих зрителей премьерными спектаклями. Среди них особый успехнискал спектакль, поставленный по пьесе Т.Миннуллина “Обет”, неизменно идущий с аншлагом. Режиссер спектакля – Зиннур Сулейманов, художник – Анастасия Шамова, композитор и аранжировщик – Нияз Валиев, хореографы – Ренат и Татьяна Мифтаховы, а песни написала актриса Зульфия Валиева. З. Сулейманов – режиссер, который живет и творит в Республике Башкортостан. Его свойства истинного профессионала проявляются в искренней любви к театру, артистам, зрителям, в посвящении своего таланта без остатка искусству, в умении не только руководить артистами, но и сформировать из них команду своих единомышленников. Он завоевал всеобщее признание тем, что помимо артистов легко находит общий язык со всеми, кто участвует в подготовке спектакля, выслушивает мнение других, а самое главное, одобрительно относясь к желаниям и стремлениям каждого, приветствуя и поощряя личную инициативу, умеет мастерски направлять их в нужное русло. Режиссерские находки З. Сулейманова в ходе поиска новых приемов донесения идей и мыслей Т. Миннуллина до каждого зрителя свидетельствуют о его тонком художественном вкусе, мастерском оперировании авторским текстом и отличном владении секретами сценического искусства.

Спектакль, поставленный по трагикомедии Т. Мин-

нуллина “Обет”, привлекает внимание истинно народным духом, поучительными жизненными событиями, отражающими татарский дух и национальное бытие. В основу сюжета заложено следующее событие: деревенские парни Хисматулла и Хикматулла, выросшие по соседству, женятся в один и тот же день, а вскоре уходят на войну. Беспощадный молох войны, явная угроза гибели толкают парней на довольно странный шаг. Они принимают обет: *“если оба вернемся живыми, то поменяемся женами. (...) Не навсегда, а только на неделю”*. Оказываясь, Хикматулле его ясновидящая бабушка сказала: *“коли даешь обет, то пока не исполнишь его, жизнь твоя не оборвется”*. Желание выжить в той чудовищной бойне столь велико, что Хикматулле очень хочется верить в силу данного обета: *“Может и наша жизнь не оборвется. Может, живыми вернемся в деревню”*. Парни выжили на войне, однако впереди их ждет судьба, полная поучительных событий, одновременно и горькая, и сладкая...

Т. Миннуллин обращается к известной литературной форме, используемой им во многих произведениях: один из участников, намекая на будущие события, по ходу действия дает некоторые комментарии. Что в свою очередь усиливает жизненность происходящих событий и явлений, поэтому зрители воспринимают их как реальные, волнуются и переживают за судьбу героев.

В спектакле участвует всего четверо героев: Магира (Гульчачак Хафизова), Загира (Зульфия Валиева), Хисматулла (Рустем Гайзуллин), Хикматулла (Ирек Хафизов). Но ведь это какие герои, мало того, что автор наделяет каждого из них особым характером, ярким качеством, отличающим его от остальных, так в свою очередь и артисты создают чрезвычайно поучительные, неповторимые образы. В первом действии перед зрителями предстают вполне обычные деревенские парни и девушки. Парни вроде бы даже слегка похожи друг на друга, да и характерами особо не различаются, пока только наряды девушек и их кокетливые жесты непохожи меж собой. В противоречивых событиях последующих актов, конечно же, то или иное качество каждого из них проявится наиболее выпуклым образом.

Вернувшийся с войны живым и невредимым Хисматулла довольно сильно изменился, даже постарел как будто. Герой Р. Гайзуллина сдержанный, спокойный, тяготы войны умили его пыл. Однако деревенская простота никуда не делась – даже не задумываясь о последствиях, он рассказывает жене об обете, который они дали с Хикматуллой, пытаясь объяснить смысл их странного шага. А вот Магира в исполнении Г. Хафизовой раскрывается всей своей женской сутью – отчаянная, решительная и очень темпераментная. Её движения энергичны, взгляд излучает любовь, в ней сквозит желание обнять и приласкать мужа. Женщина, которая некогда признавалась в своей излишней стеснительности, говоря, что в юности

“даже от пристального взгляда парней мне становилось щекотно”, теперь со словами *“вот ведь, мой костер, тлевший четыре года, вдруг вспыхнул”,* падает в объятия мужа. Момент прихода Загиры к ним, чтобы повидаться с Хисматуллой и расспросить его о своем муже, напоминает картину столкновения огня и воды. Истосковавшая по мужу Магира вне себя от счастья встречи с ним, а героиня З.Валиевой не в силах скрыть душевную боль, вызванную сумятицей чувств, где перемешались тоска, страхи, ожидание и стремление сохранить хотя бы проблески надежды на возвращение мужа. Режиссер и артисты, очень тонко уловив черты женской психологии, характерные действия и поступки, в отдельные моменты не подчиняющиеся никакой логике, вниманию зрителя предлагают эмоционально насыщенный эпизод, позволяющий в переживаниях героев ощутить горечь войны и боль утрат.

С возвращением в деревню Хикматуллы спустя десять лет после окончания войны события ускоряются, внутренний конфликт нарастает. Он, оказавшись во вражеском плену, сначала терпит страдания и муки в немецких концлагерях, а после войны его отправляют в лагерь, расположенный на золотых приисках вблизи Магадана. Хикматулла, сильно исхудавший и больной, еле добирается до своей деревни. Герой Ирека Хафизова раскрывается как вконец изможденный, потерявший вкус к жизни человек. В игре артиста, его отрывистых репликах сквозит злость на советскую систему, обида и сожаление за напрасно прошедшие годы молодости, чувство горечи от потерянного здоровья. В эти мгновения И. Хафизов будто и не играет роль, а перевоплощается в своего героя, поэтому зритель потрясенно слушает его слова, обращенные к жене Загире с безмерной жалостью: *“Ты единственная красавица в этом мире, а счастья у тебя нет”*.

Хотя прошло довольно много времени, однако Хикматулле не удастся поправить здоровье, и его жена Загира вянет на глазах. И Хисматулла, живущий по соседству, ослабнув здоровьем, валится с ног. Именно тогда Магира вспоминает о давнем обете, данном мужчинами. Гадалка из села Барыш причину всех болезней видит в неисполнении обета. Любящая жена и мать шестерых детей Магира требует выполнения обета. И мужчины вынуждены на неделю поменяться женами... Именно в этот момент и раскрывается трагикомическая суть спектакля. На одной чаше весов, угроза потерять мужей, желание во что бы то ни стало вернуть им здоровье, а на другой – по собственной воле уложить своего мужа в постель с другой женщиной... Блестяще показывая, насколько это болезненно и трудно особенно для женщин, артисты заставляют зрителей испытывать то сильное потрясение, то смеяться от души. В народе не зря бытует выражение *“мужа отдавать, что душу отдавать”*. К тому же, еще надо вынести и бремя стыда перед односельчанами.

Кульминацией событий в спектакле становится разговор–объяснение мужей с женами друг друга. Загира в исполнении З.Валиевой, играющей роль женщины, не познавшей вдоволь мужской ласки, перед зрителями раскрывается совершенно иной. Ее девичьи чувства к Хисматулле вспыхивают вновь, она ощущает себя настоящей женщиной, и не в силах совладать с бурными порывами, она истово любит и вызывает ответную любовь. Показать подобную картину зрителю, конечно, задача не из легких, поскольку помимо жизненности она должна служить отражением чистых и незапятнанных чувств, не имеющих ничего общего с бесстыдством. Своим темпераментом и актёр Р.Гайзуллин завоевал аплодисменты зрителей. Манера держаться и речь артиста сами по себе раскрывают характер героя. Природа одарила его силой и темпераментом, однако он хорошо понимает, что должен вести себя в рамках определенных морально-этических правил. Глубоко понимая душевное состояние своих героев, З. Валиева и Р. Гайзуллин рожают пример сохранения человечности и искренности во взаимоотношениях даже в этих условиях. Режиссер, художник, хореограф, мастер по свету на высоком профессиональном уровне отобразили акт подчинения великому инстинкту, подаренному человеку природой, движением белых теней за завесой, символизируя чистоту и наслаждения.

Встреча Магиры и Хикматуллы еще более пронзительна. Между ними есть взаимное притяжение и близость, они и не скрывают этого. Под действием пробудившихся чувств, Хикматулла распаивает душу перед ней: *“Любил я тебя, Магира. До смерти любил. Ведь сколько раз признавался, но ты не поняла меня. Кроме Хисматуллы никого не видела и не слышала. Любил я. Хотел было перейти вам дорогу, но ведь и Хисматулла был моим другом”*. Исповедуясь перед Магирой, мужчина осознает, что именно чувство любви, желание пообщаться с близкими людьми придают ему сил и вселяют уверенность. За ту самую неделю герой И. Хафизова претерпевает разительные духовные перемены. Артист своей игрой убедительно раскрывает состояние человека, впервые познавшего, что на свете есть женщина, всей душой понимающая и чувствующая его. С одной стороны, это как бы умиротворяет его, а с другой стороны, будучи больным человеком, он не желает стать обузой для своих близких и уходит из дома. Затем сообщается о трагической смерти Хикматуллы. Печальная участь героя И.Хафизова звучит как укор бедствиям войны, сталинскому режиму и несправедливому обществу.

В последнем действии, узнав о беременности Загиры, инициативу в свои руки берет Магира и решает все по уму-разуму: *“Нам придется делить Хисматуллу меж собой. Не сердись, Загира, я не могу отдать его насовсем. Мне еще самой хочется спать в мужских объятиях. Тебе тоже хочется, наверно. Ты ведь толком так и не по-*

знала женское счастье. Хисматуллы, слава Богу, хватит нам обеим. Вон сидит, облизывается, как масляный кот. Вот выведет меня из себя, прогоню его к тебе. Пусть не шастает тайком по задворкам. Посреди бела дня через калитку войдет в твой дом. Согласна со мной? Что же ты плачешь? Не плачь, я же не плачу. Думаешь, мне легко". Зрители же, то огорчаясь, то радуясь следят за разборкой между женщинами, а потом видя, к чему идет дело, можно сказать, облегченно вздыхают. Без сомнения, эта поучительная история послужит поводом для многих по-новому взглянуть на свою жизнь, крепко задуматься о странностях бытия. Спектакль завоевал симпатии зрителей динамичной игрой артистов, жизненностью явлений, эпизодов и мизансцен, поставленных режиссером, прекрасным музыкальным сопровождением, изяществом танцевальных движений. За событиями, где тесно переплелись трагичные и комичные явления, раскрываются нравственные и философские ценности, лежащие на иной, еще незнакомой плоскости, что и побуждает зрителей к размышлениям и спорам о жизненных

коллизиях и игре артистов в этом спектакле.

Заключение

Проанализировав спектакль, поставленный театром им. К.Тинчурина по пьесе Т.Миннуллина "Обет", можно прийти к следующим выводам: 1) драматург посредством чрезвычайно поучительных событий и явлений обращается к серьезным нравственным и философским вопросам бытия; 2) относительно драматического текста в спектакле можно отметить, что в событиях доминирует реализм, весьма удачно переплетающийся с мелодраматическими приемами; что в свою очередь значительно усиливает сентиментальность, чувственность, романтическую образность; 3) с помощью синтеза комедийных и трагических жанров режиссер добивается более глубокого раскрытия философского содержания и воздействия на зрителя; 4) в этом спектакле игра артистов, творческие поиски художника и хореографа, сплавляясь воедино, служат познанию ценностей общечеловеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загидуллина Д.Ф. Татарская литература и национальный театр: одна дорога на двоих // Театр XXI века и вызовы времени: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра / под ред. Э.М. Галимовой. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 4-13.
2. Закирзянов А.М., Хабутдинова М.М. Новое прочтение женской темы в спектакле "Без луны, звезда нам светит" по одноименной пьесе Т. Миннуллина (2015) (реж. Р.Р. Фазлыев) // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1 (43). С. 217-220.
3. Зливко С.Д., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Кодификация узуальных и речевых особенностей употребления иноязычных неологизмов // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 3-3. С. 151-159.
4. Магсумов Т.А. Культурно-образовательная среда провинциального города в фокусе локальной истории: по страницам работ сочинских краеведов // В мире научных открытий. 2013. № 11 (47). С. 143-149.
5. Шамсутова А.А. Мифологема Судьбы в пьесах Т.Миннуллина // Новые тенденции в развитии современной татарской литературы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. С.90-99.
6. Magsumov T.A. Periodicals as a source on the history of secondary vocational schools of late imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения. 2014. № 1 (1). С. 12-20.

© Закирзянов Альфат Магсумзянович (Alfat_zak@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

THE CONCEPT OF MOTIVATIONAL-NEED SPHERE OF PERSONALITY IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

*E. Bartul
K. Pisarevsky*

Summary: The article reviews the main research on the topic of motivational-need sphere of a person. In the historical perspective, the existing theories of motivation of foreign and Russian researchers are considered. The characteristic of such concepts as motive, motivation and motivational sphere of personality is given. The emphasis is placed on the need for further research of the motivational - need sphere of the individual in the changing value system of modern society.

Keywords: motive, motivation, personality motivation, needs, human behavior.

Бартуль Екатерина Сергеевна

Аспирант, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
bartul.k@mail.ru

Писаревский Константин Леонидович

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», г. Москва,
starway48@yandex.ru

Аннотация: В статье сделан обзор основных исследований на тему мотивационно – потребностной сферы человека. В исторической перспективе рассмотрены существующие теории мотивации зарубежных и российских исследователей. Дается характеристика таких понятий как мотив, мотивация и мотивационная сфера личности. Сделан акцент на необходимости дальнейшего исследования мотивационно-потребностей сферы личности в условиях изменяющейся системы ценностей современного общества.

Ключевые слова: мотив, мотивация, мотивация личности, потребности, поведение человека.

Поведением живого мира управляют потребности, которые живые организмы удовлетворяют благодаря контакту с внешней средой. Оно детерминируется двумя основополагающими факторами: внешними стимулами, которые вызывают произвольные или автоматические реакции, и внутренними инстинктивными состояниями, которые обуславливают желание в удовлетворении той или иной потребности. Именно благодаря этим факторам и возникают формы и способы реагирования животных на те или иные стимулы.

Жизнедеятельность человека определяет более широкие формы поведения и взаимодействия с окружающей средой. Не смотря на то, что поведение человека также зачастую подчиняется вышеизложенной форме поведения и сводится к реакции на стимулы и удовлетворению сиюминутных потребностей, оно является намного шире. Как верно подмечали древние философы, внешние обстоятельства и мотивы могут управлять человеком только тогда, когда он сам позволяет им это.

На протяжении многих веков философов и ученых интересовал вопрос о движущих силах в природе личности человека. Высказывались различные предположения и гипотезы о том, что заставляет человека действовать в той или иной форме. До сих пор не прекращаются дискуссии представителей биологизаторских и социологизаторских концепций, внутри которых каждая из сторон защищает свою точку зрения относительно движущих сил природы человека. Не смотря на то, что предложено

и разработано достаточное количество теорий, исследование мотивационно-потребностной сферы до сих пор является одной из актуальных проблем в современной психологии мотивации. Актуальность темы обуславливается динамично развивающиеся и меняющиеся условия жизни и развития человека, что приводит к возникновению новых стимулов поведения и потере ценности старых, неактуальных.

Важно также отметить, что развитие сознания человека тесным образом связано с его потребностями. Представители психологических концепций и ряда других наук, которые исследуют природу человека, признают ведущую роль потребностей в жизни людей, считая их основным источником, который дает энергию для эффективной и продуктивной жизнедеятельности. «Потребности представляют собой основной источник жизненной активности личности, основное ее проявление и важнейший дифференцирующий момент в характеристике личности», - пишет известный отечественный психофизиолог В.Н. Мясищев [3].

В трудах отечественных и зарубежных психологов существуют множество теорий, рассматривающих мотивационную сферу человека. Если обратиться к истории вопроса, то к числу первых психологических теорий можно отнести концепции западных психологов, которые занимались изучением природы личности человека. Например, психоаналитическая концепция, основателем которой был Зигмунд Фрейд рассматрива-

ла бессознательное личности, включающее в себя природные инстинкты либидо и мартидо, как основополагающий мотивационный фактор, который в дальнейшем определяют поведение человека. З. Фрейд, будучи сторонником биологизаторских теорий мало уделял внимание социальному, обозначая его как среду, внутри которой происходит реализация биологически-обусловленной направленности личности. Даже потребность в творчестве по своей природе автор относит к защитному механизму сублимации психологических инстинктов, который мотивировал человека на создание нового. Таким образом, с точки зрения Фрейда основные потребности человека сводятся к удовлетворению базовых инстинктов, и свобода выбора поведения сводится практически к минимуму.

Последователи З. Фрейда рассматривали природу потребностей человека шире. Например К. Юнг, исследуя природу личности вводит такие понятия как «самость», «интроверсия», «экстраверсия и «архетипы», обозначая в них мощную мотивационную энергию, которая направляет человека не только на удовлетворение своих базовых потребностей, но и к творческой, духовной реализации. Юнг, в контексте своей теории указывал на то, что творческое начало заложено в человеческой природе, и основная задача человека заключается в том, чтобы встретиться со своей самостью, то есть раскрыть личностный потенциал во всей его полноте и единстве личности.

Представители гуманистического направления, такие как К. Роджерс, А. Маслоу также рассматривали в качестве побудительных мотивов выбора и деятельности личности потенциал, заложенный природой в самом человеке. К. Роджерс изучал природу человека целостно. Внешняя среда, по его утверждению, может обеспечить только условия для раскрытия личностного потенциала, но, сформировать его она не сможет. Он говорил о том, что доверившись «внутреннему Я» и создав благоприятные внешние условия, будет происходить конгруэнтный процесс развития и саморазвития личности человека.

В это же время представители поведенческих и когнитивных подходов (Д. Уотсон, Б. Скиннер, У. Найсер) рассматривали мотивационные процессы через призму поведенческих навыков с одной стороны и когнитивных установок с другой, не объединяя в своих теориях эти явления. В поведенческих теориях мотивация состояла из комплекса простых и сложных реакций (речь идет о схеме «стимул – реакция - подкрепление»), формируемых в процессе социализации человека. В когнитивном подходе описываются побудительные процессы через когнитивные установки (конструкты), предусматривающие процессы прогнозирования, оценки, приписывания, интерпретации, ожидания и другие, определяющие ведущую роль сознания в детерминации поведения че-

ловека.

Вопрос о мотивации, является наиболее первостепенным в концепции А. Маслоу. Он полагал, что личность человека мотивирована на поиск и удовлетворение личных целей, благодаря чему мотивационные процессы являются краеугольным камнем гуманистической теории личности.

А. Маслоу описывал человека следующими словами: «тот, кто постоянно стремится к удовлетворению своих желаний», и, несмотря на это, нечасто достигает состояния полного и завершённого удовлетворения. Отсутствие желаний и потребностей недолговечно. Если одна из потребностей с точки зрения А. Маслоу удовлетворена, то другая всплывает на поверхность и направляет внимание и усилия человека. После ее удовлетворения появляется следующая потребность. Таким образом, жизнь человека происходит в постоянном удовлетворении потребностей, и это непрерывный процесс. [4].

А. Маслоу пишет: «Человек считает абсолютной, наивысшей ценностью, синонимом самой жизни ту потребность из иерархии потребностей, желание удовлетворить которую доминирует в нём в данное время» [4]. Такие потребности, которые надо удовлетворить «в данное время» служат» ступенями лестницы, ведущей к единой конечной цели».

По А. Маслоу, потребность можно считать основной, если она соответствует одновременно следующим показателям:

1. испытывающий в чём-то потребность индивид постоянно жаждет её удовлетворения;
2. неудовлетворённость потребности приводит к заболеванию индивида;
3. удовлетворение имеет психотерапевтический эффект, излечивая индивида от болезни, вызванной дефицитом удовлетворения потребности;
4. недопущение дефицита предотвращает заболевание;
5. у здоровых (удовлетворённых) людей низшие потребности не проявляются, а проявляются потребности высшего порядка [2].

Таким образом, А. Маслоу разработал концепцию иерархии фундаментальных потребностей, в которой он выдвинул гипотезу, что все потребности человека врожденные, или инстинктоидные, организованы в единую иерархическую систему, где одна потребность имеет приоритет над другой. В соответствии с его теорией человеческие потребности последовательно располагаются от низших (физиологических) потребностей организма (в еде, сне, сексе и др.) до высших. К потребностям низшего уровня он относил биологическую составляющую, отвечающую за выживание человека, в потребно-

стях среднего уровня, видел социальную составляющую, отвечающую за социальную адаптацию и реализацию. К высшим потребностям он относил те, которые обеспечивают сущностную самореализацию человека. Теория мотивации А. Маслоу является одной из наиболее тщательно описанных и обоснованных, имеет большое значение для психологии с точки зрения понимания того, что является объединяющим общим для человека. В то же время к этой теории есть вопросы, связанные с индивидуальными особенностями человека, влиянием культурной и психологической среды формирования потребностей.

Одним из авторов теорий мотивации, который нередко упоминается в психологической литературе, является Дэвид Макклелланд, – американский психолог, профессор. Изучая человеческие побуждения, он выделил три группы первостепенных мотивов, которые побуждают человека к действию:

- мотив достижения,
- мотив причастности (партнерства),
- мотив власти.

В основе его теории, лежало утверждение о том, что мотивы не являются чем-то фиксированным и статичным. Они формируются в процессе онтогенеза человека, и по мере его развития приобретают все более сложные и иерархичные структуры.

Также как и А. Маслоу, Д. Макклелланд поддерживал идею о том, что биологические потребности, лежат в нижней части иерархической пирамиды, и составляют базисную основу, обеспечивающую выживание человека. Однако вместе с тем, существуют и другие формы потребностей, которые также обеспечивают не только биологическое выживание, но и социальную реализацию человека, среди себе подобных. Автор полагал, что люди имеют целый комплекс мотивов и они по своему составу являются смешанными, однако он вывел гипотезу о том, что определенная часть людей в своем поведении имеет выраженный однонаправленный вектор мотивации. И бессознательно управляемый этим вектором, человек находит наиболее подходящие формы реализации себя в социальном контексте и своей профессиональной деятельности. На основании этих векторов формируются руководители, сотрудники, исследователи и т.д. [8].

Дальнейшие труды Д. Макклелланда основывались на компетентностной теории личности и дополняли его ранние исследования. Рассматривая наличие определенных качеств «компетенций», он внес огромный вклад в теоретико-методологические исследования, связанные с подбором профессиональных кадров. Говоря о вкладе Макклелланда в теорию изучения потребностей и мотивации личности, важно отметить, что влияние его идей распространилось и на другие сферы, включая социологию, экономику, религию и политику. Макклел-

ланд считал, что обществу и государству следует формировать человека с правильным типом мотивационной потребности и стремлением реализовать планы, чтобы добиваться успеха [1].

В трудах российских авторов понятие мотивации также рассматривалось различными исследователями. Одним из первых является Иван Петрович Павлов и его теория условно-рефлекторного поведения. Согласно его концепции, основой мотивации животного мира является два вида рефлексов, безусловные и условные. Если первые передаются генетически, переходя из поколения в поколения, то вторые являются частью приобретенного опыта, формирующегося в результате многократного повторения взаимодействия живого организма со внешней средой.

В середине 20 века, понятие мотивации с позиции «теории установки», рассматривал Дмитрий Николаевич Узнадзе. Его позиция отражала идею о том, что основополагающим источником активности и деятельности человека является реализация той потребности организма, которая на данный момент не реализована. Через свою теорию Д.Н. Узнадзе попытался объяснить активность и поведение живого организма в его контакте с внешней реальностью. В основе такого взаимодействия автор видел установку, которая и предопределяет рациональные или иррациональные формы поведения. Установка - это готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или реагирования в определенном направлении.

Узнадзе подчеркивает, что установка возникает при соблюдении двух элементарных условий:

- потребность должна быть актуальной в текущий момент времени;
- присутствие ситуации, внутри которой происходит удовлетворение или неудовлетворение данной потребности.

Согласно теории Д.Н. Узнадзе, установка в структуре личности человека является первичным, целостным и недифференцированным состоянием, которое находится ниже уровня сознания, и является основополагающим фактором, формирующим человеческое поведение. Автор выделяет различные классификации установок, в зависимости от времени возникновения, от особенностей угасания установки, от категории носителя установки [7].

Также среди российских ученых следует выделить А.Н. Леонтьева и его теорию деятельностного происхождения мотивационной сферы личности человека. Согласно его теории, мотивационно-потребностная сфера личности, как и реализация психологических потребностей, имеет свои корни в практической деятельности. Леонтьев отмечает, что между содержанием самой

деятельности и непосредственно строением мотивационной сферы человека проявляются определенные отношения, изоморфизма, т. е. взаимного согласия, а в основе динамических изменений мотивационной сферы личности, находится подчиняющееся социальным законам развития система деятельности. Можно смело утверждать, что данная концепция вносит ясность в происхождение и динамику мотивационной сферы человека. Леонтьев раскрывает механизмы, благодаря которым происходит формирование и изменение мотивации, происходит преобразование ее в иерархическую структуру, формируется специфика деятельности и возникновение операций. В соответствии с теорией деятельности, можно вывести ряд законов которые описывают изменение в мотивационной сфере личности, а также особенности формирования новых потребностей, мотивов и целей. Согласно А.Н. Леонтьеву, направленность побуждению придает материальный или нематериальный объект, вместе с чем «опредмечивание потребности», как выразился А.Н. Леонтьев, придает этому побуждению смысл.

Важно подчеркнуть, что мотивом деятельности является не сам предмет, а то субъективное значение, которое человек вкладывает, интерпретируя его значение. Благодаря этому появляется ясность, связанная с рассуждением о «сдвиге мотива на цель», когда стимулирует деятельность уже не желание иметь тот или иной предмет, а выполнение самого действия, получение удовольствия от непосредственного процесса

Исследуя понятие трудовой деятельности, Леонтьев указывает на то, что она общественно мотивирована и, хотя, материальное вознаграждение является немаловажным мотивирующим фактором, смысл непосредственного труда для человека создается «смыслообразующими мотивами», то есть такими мотивами, которые окрашивают непосредственно саму деятельность личностным смыслом. Деньги, являясь побудительным мотивом, только как функция стимулирования, и условно называются «мотивом-стимулом», который не имеет главной функции, которую имеет непосредственно сам труд - функция смыслообразования. [5].

Автор культурно исторической концепции Л.С. Выготский говорил о наличии у человека низших и высших психических функций, благодаря которым и формируются различного рода потребности. Низшие психические функции обеспечивают удовлетворение базовых потребностей, которые присущи не только человеку, но и всему животному миру, в то же время высшие психические функции являются чисто человеческими новообразованиями, и формируются сугубо в социальном контексте. Эти потребности развиваются параллельно и управляют поведением человека на всех уровнях его организации и деятельности, т.е. существует тройственный

характер удовлетворения потребностей посредством материального и нематериального стимулирования.

Л.И. Божович выдвигает предположение о том, что материальные предметы, которые постоянно удовлетворяют различного рода потребности, как бы содержат в себе эту потребность. На основании данного суждения они и приобретают способность мотивировать поведение и деятельность человека даже в тех ситуациях, когда соответствующая потребность не была предварительно актуализирована. Таким образом, предметы, в концепции Л.И. Божович, являются лишь мотиваторами потребностей, а не действий или деятельности. Без оживления потребности под воздействием предмета активность человека проявиться не может.

Большой интерес представляет концепция известного отечественного социолога В.А. Ядова, который сформулировал диспозиционную концепцию социального поведения личности. Основная суть теории состоит в том, что личность человека обладает комплексной системой диспозиций (личных предрасположенностей), регулирующих его поведение и деятельность на разных уровнях социальной действительности. С точки зрения Ядова В.А., диспозиции личности представляют собой зафиксированные в социальном опыте предрасположенности, благодаря которым происходит оценка и восприятие окружающей действительности, включающую, собственную активность индивида и действия других. Диспозиции образуются на стыке потребностей, интересов и ситуаций, имеющих сложную структуру [6].

Автор выделяет четыре уровня потребностей, ситуаций и соответствующих им диспозиций:

1. Элементарные фиксированные установки, сформированные на основе витальных потребностей и формирующиеся простейших ситуациях в условиях семейного окружения, и в самых низших «предметных ситуациях»;
2. Более сложные диспозиции, формируемые на основе потребности человека в социальном общении в малой группе. Соответственно, второй уровень составляют социальные фиксированные установки или аттитюды, которые по сравнению с элементарной фиксированной установкой имеют сложную трехкомпонентную структуру (когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты);
3. Базовые социальные установки, характеризующие общую направленность интересов личности в определенную сферу труда или досуга;
4. Система ценностных ориентаций, которые регулируют поведение и деятельность личности в наиболее значимых ситуациях ее социальной активности, в каких выражается отношение личности к целям жизнедеятельности, к средствам удовлетворения этих целей, т.е. к обстоятельствам

жизни личности, детерминированным общими социальными условиями, типом общества, системой его экономических, политических, идеологических и культурных принципов.

Таким образом, в концепции В.А. Ядова рассматривается иерархическая система диспозиционных образований – готовности личности к действию в определенных условиях и для удовлетворения определенных потребностей. Помимо аттитудов, в регуляцию поведения и деятельности личности здесь включены и другие диспозиционные образования (первичные установки, базовые социальные установки и ценностные ориентации), действующие на разных уровнях ситуации (или в разных условиях деятельности).

В общей психологии мотивационно - потребностная сфера рассматривается с нескольких ракурсов. Первый, с позиции психологической структуры деятельности, где мотив или система мотивов это то, что побуждает человека к осуществлению деятельности и придает этой деятельности вектор направления, а второй, как отдельная система, выполняющая ряд важных для человека задач и функций. Принято разделять понятие мотива, мотивации и мотивационной сферы личности.

Если говорить о первом, то мотив рассматривается как то, что побуждает человека к деятельности или проявлению себя в определенных жизненных сферах. К мотивам можно отнести мысли, чувства, осознанные или неосознанные желания, связанные с различного рода потребностей. В психологии существует довольно широкое количество взглядов на сущность мотива, как психологического феномена. К ним относятся:

- мотив как то, что побуждает человека к совершению определенного рода действия или ряда действий, для достижения желаемого результата (И.А. Джидарьян, В. Н. Мясищев и др.).
- мотив как то, что удовлетворяет человеческую потребность, в которой содержится активное стремление индивида к изменению окружающей среды с целью удовлетворения своих нужд. (Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов).
- мотив как то, что встроено в систему личности и становится устойчивой характеристикой человека с такими особенностями как: предпочтения, склонности, установки, ценности, мировоззрение, идеалы (М. Мадсен, Х. Мюррей, Дж. Аткинсон, К. К. Платонов, В.С. Мерлин, М.Ш. Магомед-Эминов и др.).
- мотив как то, что вызывает положительное эмоциональное состояние, приводящее к чувству удовлетворенности, и выступает как один из факторов, влияющих на продолжение деятельности (В.Г. Асеев, А.Г. Ковалев, П.М. Якобсон и др.).

Совокупность внутренних и внешних мотивов, потребности и цели - являются основными составляющими мотивационной сферы человека.

Если говорить о «мотивации», то она является более широким и объемным понятием чем «мотив». В современной психологии этот термин используется в нескольких значениях:

- комплекс факторов (потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и многое другое), которые определяют поведение человека и являются достаточно устойчивым базисом личности.
- характеристика непосредственно самого процесса, который запускает и регулирует поведенческую активность личности человека на заданном уровне.

Таким образом, мотивацию можно рассмотреть, как динамический процесс, который происходит на физиологическом и психологическом уровнях, определяющих направленность поведения человека, в результате которого происходит удовлетворение определенного вида потребностей. Мотивация включает в себя комплекс факторов, обладающих побуждающей силой и стимулирующих активность личности к которым относятся мотивы, потребности, стимулы и объясняет целенаправленность действия, организованность и устойчивость целостной деятельности, направленной на достижение определенной цели.

Мотивационная сфера личности — это иерархическая система мотивов личности. Структура мотивационной сферы очень сложная. При этом мотивация выстраивается в определенную иерархию не только внутри каждого вида деятельности, но и происходит ранжирование мотивации различных видов деятельности. Мотивационная сфера, как и другие структурные образования личности, проявляется во множестве качеств. От особенностей преобладающих мотивов зависит, какие именно свойства и качества личности будут формироваться легче, быстрее, а какие — с большими трудностями, медленнее. [5].

К важнейшим характеристикам мотивационной сферы личности относятся:

- множественность (совокупность однородных и разнородных мотивов измеряемых с помощью количественных и качественных показателей);
- структурность (наличие определенных видов мотивов, выстроенных в структуру);
- иерархичность («главенствования» различных групп мотивов в соответствии с определенным порядком соподчиненности, ранжирования);
- сила (показатель непреодолимого стремления личности оценивается по степени и глубине осознания (понимания, «присвоения», «принятия») по-

- требности и мотива, по его интенсивности);
- устойчивость мотивов (проявляется в длительном сохранении действенности мотивации или большинства составляющих мотивов);
- их определенность (мотивационная сфера людей различаются содержанием и структурой мотивации, иерархией, силой и устойчивостью мотивов);
- динамичность (изменении силы, как отдельных мотивов, так и мотивации в целом).

Подводя итоги, следует отметить, что мотивационно-потребностная сфера является одной основополагающих тем, изучаемых в структуре личности человека. Если посмотреть шире, и это то, что отличает представителя вида хомо-сапиенс от всего другого животного мира. Руководствуясь ценностями, мотивами и потребностями, человек выходит пределы своей личности, создавая свою индивидуальность, неповторимость. Он проявляет себя в труде и работе, раскрывая свой творческий потенциал и познавая себя как субъекта деятельности.

Однако, несмотря на весь объем полученных теоретических и эмпирических данных связанных с исследованием мотивационно-потребностной сферы личности, до сих пор остается ряд открытых вопросов, на которые до сих пор нет однозначного ответа. Примером одного из таких вопросов может быть дискуссия по поводу того откуда возникает у человека потребность в духовности, в религии, что его мотивирует на высшие или так называемые высшие чувства такие как (благородство, альтруизм, безусловная любовь, доброта и т.д.). Эти ответы лежат на границе психологических и других отраслей знаний. Более того, важно отметить, что полное исследование мотивационно – потребностной сферы личности не достижимо, по причине того, что меняющиеся социальные условия жизни индивидов необратимо влекут за собой изменения в мотивационной сфере.

Таким образом, не смотря на весь полученный объем знаний связанный с темой мотивации личности, данная сфера остается той отраслью знаний, которая требует более глубокого и тщательного научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: 2007. - 672 с.
2. Корнеев С.С. Психология потребностей, их дуальность и гармоничное развитие личности. //Вестник ДВГАЭУ, 1999г., С. 112-120.
3. Мясичев В.Н. Проблемы потребностей в системе психологии. // Ученые записки ЛГУ. Психология и педагогика. Л.: 1957. № 244, 2. С. 3-23.
4. Маслоу А. Психология бытия. М.: «Рефл-бук» – К.: «Ваклер», 1997
5. Маклаков А.Г., Общая психология. — СПб.: Питер, 2001. — 592
6. Социальная психология. Теория и практика [Текст]: учебник для бакалавров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям / Н.А. Корягина, Е.В. Михайлова ; Фак. психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшая шк. экономики нац. исслед. ун-т. - Москва : Юрайт, 2014.
7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: М.: Смысл, 2003 – 860с.
8. Леонтьев А.Н. Потребности. Мотивы. Эмоции // Психология мотивации и эмоций. Хрестоматия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо, 2002. С. 57-65.
9. Горская Н.Е. Теоретические подходы к исследованию структуры мотивации личности. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 1. С.217-221.

© Бартуль Екатерина Сергеевна (bartul.k@mail.ru), Писаревский Константин Леонидович (starway48@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПОДХОДЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Горбачев Иван Вадимович

Адъюнкт, Военный университет МО РФ
ivan.gorbachev.090390@inbox.ru

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN MODERNS STUDIES: APPROACHES, CONTROVERSIES, PROSPECTS

I. Gorbachev

Summary: Traditionally, military psychology focuses on psychological states directly related to deployment. Last years, increased attention to more complex constructs, such as psychological well-being, becomes evident in professional literature. The article analyzes contemporary approaches and studies of military personnel's psychological well-being as well as influencing factors. It is concluded that psychological well-being is a multidimensional construct, influenced by variety of factors, among which social support is of a special importance.

Keywords: military personnel, psychological well-being, military psychology, stress, social support.

Аннотация: Традиционно, военная психология сосредоточена на изучении психологических состояний, связанных с непосредственным несением службы. В последнее время, однако, больше внимания уделяется более сложным конструктам, таким как психологическое благополучие. В статье анализируются современные подходы и исследования психологического благополучия военнослужащих и факторов его формирования. Сделан вывод о многоаспектном характере психологического благополучия и многообразии влияющих на него внутренних и внешних факторов, среди которых особую роль играет социальная поддержка.

Ключевые слова: военнослужащие, психологическое благополучие, военная психология, стресс, социальная поддержка.

Введение

Изучение особенностей психологических процессов в разных социальных группах и контекстах – важное условие развития психологической науки, обеспечивающее не только ее теоретическую полноту и глубину, но и практическую применимость результатов исследований. Одной из наиболее специфических социальных групп, изучение которой представляет особую значимость для развития психологической теории и практики, являются военнослужащие. Военная сфера обладает целым рядом специфических черт, делающих ее уникальным объектом анализа. К ним относятся, прежде всего: высокий уровень стресса, физических и психологических нагрузок, потребность в психологической устойчивости, высокий уровень ответственности и необходимость принятия быстрых решений жизни и смерти. Военные институты характеризуются вовлечением индивидов в легальное насилие, исключительной ролью жестких социальных иерархий, а также, как правило, высокой степенью социальной замкнутости в рамках небольших, преимущественно гендерно однородных группах, зачастую сопровождающейся высокой мобильностью, влияющей в том числе на повседневную жизнь членов семей военнослужащих.

Учитывая исключительную роль морально-психоло-

гического состояния на способность военнослужащих выполнять свои профессиональные обязанности, не удивительно, что военная психология является одной из самых старых отраслей психологической науки (см., напр. [1]). Однако если на ранних этапах основное внимание исследователей уделялось, прежде всего, вопросам психологической подготовки к несению военной службы, а также психологическим вопросам ее несения и выполнения боевых задач, то в более поздние периоды значительно вырос интерес к изучению более сложных и интегральных проблем, таких как психологическое благополучие.

В настоящее время проблема психологического благополучия военнослужащих является одной из важных проблем военной психологии. Анализ содержания ведущего профильного академического журнала *Military Psychology* показал, что с 1989 года в нем было опубликовано более 800 статей, в той или иной степени посвященных данной проблеме. При этом только за последние 5 лет (с 2015 года) в журнале было опубликовано 246 исследований психологического благополучия, что показывает растущий интерес к ней. В данной статье мы анализируем современные тенденции и подходы к изучению психологического благополучия военнослужащих, а также оценке факторов его развития.

Концептуализация психологического благополучия военнослужащих

С точки зрения психологической науки, проблема психологического благополучия военнослужащих носит двоякий характер. С одной стороны, такое благополучие рассматривается как необходимое самостоятельное требование, предъявляемое к военным институтам современным обществом. С другой стороны, психологическое благополучие рассматривается как важный фактор и условие успешного выполнения военнослужащими своих профессиональных обязанностей, а также адаптации к условиям несения службы. В терминах эмпирического исследования, это означает, что психологическое благополучие может выступать в качестве как зависимой, так и независимой переменной. Внутренняя сложность проблемы также выражается в том, что современные исследования дифференцируют психологическое благополучие для различных категорий военнослужащих (курсантов, призывников, контрактников, ветеранов, рядовых, офицеров, участвующих в боевых операциях или находящихся в местах постоянной дислокации, служащих в разных родах войск и т.п.). Важным новым элементом для современных исследований стало включение в анализ психологического благополучия членов семей военнослужащих, которое рассматривается как неотъемлемая часть общей проблемы благополучия в вооруженных силах [2].

Несмотря на широкое использование в литературе и исследованиях, понятие психологического благополучия не является консенсусным, в том числе в военной психологии. Достаточно часто при концептуализации благополучия (well-being) исследователи ссылаются на два общих подхода, которые условно называются гедонистическим и эвдемонистическим [3; 4]. В первом случае благополучие связывается с удовольствием, счастьем и удовлетворенностью жизнью, во втором – с достижением цели и обретением смысла жизни. При этом исследователи не всегда проводят различие между благополучием как общей категорией и психологическим благополучием как одним из его компонентов. Нередко они отождествляются на том основании, что различные аспекты благополучия отражают, прежде всего, субъективное восприятие индивида. Однако другие специалисты настаивают на разграничении конкретных видов благополучия: эмоционального, социального, экономического, психологического, физического, ментального. В этом случае, психологическое благополучие связывается с такими субъективными состояниями как принятие себя, личностный рост, ощущение осмысленности жизни, автономия, гармоничные отношения с окружающим миром и другими людьми [2, p.283-284]. Другие специалисты дополняют список такими свойствами как психологический капитал, счастье, потенциал, способность к достижению целей, удовлетворенность жизнью и др. [3, p.127].

На практике отсутствие единого понимания психологического благополучия выражается в конструировании сложных многомерных индексов, охватывающих различные компоненты, предлагаемые исследователями. В ряде случаев эти индексы носят универсальный характер и применяются для изучения психологического благополучия в различных социальных группах и профессиональных контекстах, позволяя, в частности, сравнивать благополучие в военной и гражданских сферах. Например, О.Ю. Зотова и Л.В. Карапетян использовали 9 универсальных индикаторов для сравнительной оценки психологического благополучия различных социальных групп, включая военнослужащих: внутренние позитивные (установки в отношении собственной жизни, личного прошлого и будущего, чувство защищенности), внешние позитивные (личные отношения с друзьями, семьей и коллегами, профессиональная деятельность и ее результаты), а также негативные индикаторы (пессимизм, несчастливость, зависть) [3].

Более специализированные исследования предполагают учет специфики военной сферы при трактовке и оценке субъективного благополучия. Наиболее концептуально разработанной специфической моделью психологического благополучия военнослужащих на сегодняшний день можно считать модель С. Боулза и П. Бартона, которая рассматривает благополучие как объект воздействия со стороны стрессоров различной природы и исходит из противопоставления двух основных сфер жизнедеятельности военнослужащего: служебного и личного (семейного) [4]. Более конкретно, модель выделяет три области благополучия: работа (служба), личная (семейная) жизнь, а также область их пересечения. Каждая из областей благополучия включает в себя специфический набор стрессоров.

Для области «Работа» (служба) это: риск ранения или смерти, проблемное лидерство (негативный опыт взаимодействия с командирами), постоянные изменения дислокации, отделение от семьи. Для области «Личная жизнь» это: семейное насилие, развод, финансовые трудности. Для области пересечения службы и личной жизни это: конфликт между требованиями службы и семьи, перемещение семьи, реинтеграция в нормальную жизнь после операций, психологические и физические боевые травмы. Общетеоретическая модель, предложенная Боулзом, Бартоном и их коллегами, предполагает трансформацию специфических требований в рамках трех названных областей благополучия, в соответствующие им адаптивные реакции. Характер этой трансформации и успешность адаптации и достижения благополучия определяется доступностью психологической и социальной поддержки, которую предоставляют различные субъекты: члены семьи, командиры, инструкторы и др.

Несложно видеть, что данная теоретическая модель исходит из примата внешних факторов психологического благополучия, которые являются потенциальным объектом целенаправленного воздействия и интервенций. Это отличается от позиции ряда других специалистов, которые обращают внимание на необходимость изучения личностных факторов психологического благополучия [5]. На наш взгляд, данное концептуальное противоречие отражает прагматику военной психологии как прикладной дисциплины. Личностные диспозиционные факторы лишь в малой степени зависят от целенаправленных воздействий на институциональном уровне, и их учет проявляется, прежде всего, на этапах привлечения к военной службе и отбора для выполнения заданий. В отличие от них, роль внешних факторов в большей мере контролируется органами военного командования, а потому является привлекательным объектом воздействия, социальных и психологических интервенций на системном уровне.

Факторы психологического благополучия: эмпирические результаты и рекомендации

Теоретические и концептуальные модели, задавая общие направления исследований, сами по себе не дают ответ на вопрос о значимости конкретных факторов, от которых оно зависит и управление которыми способно повысить психологическое благополучие военнослужащих и членов их семей. Эмпирические исследования позволяют дать научно обоснованный ответ на вопрос о значимости отдельных факторов психологического благополучия для различных категорий военнослужащих.

Несмотря на то, что влияние специфичных для военной сферы стрессоров исследуется достаточно широко, традиционно оно не связывается с психологическим благополучием как сложным многоаспектным конструктом и ограничивается оценкой уровня стресса как главным показателем психологического здоровья. Например, военные психологи из США на выборке из более чем 3 тыс. военнослужащих установили негативное влияние на уровень депрессии и посттравматического стресса двух факторов, связанных с непосредственным участием в миротворческих операциях: их длительности и отсутствия предыдущего опыта участия [6]. В свою очередь, канадские специалисты показали, что участие в операциях оказывает негативное влияние на благополучие не только самих военнослужащих, но и членов их семей [7]. Важным компенсирующим фактором при этом становится социальная поддержка внутри семьи.

В некоторых исследованиях зафиксированы важные долговременные эффекты личностных факторов на благополучие военнослужащих. К числу черт личности, которые, как предполагается, оказывают позитивное

влияние, относятся, прежде всего, оптимизм, экспрессивность и самоконтроль [5]. Согласно данным исследования испанских специалистов, самым существенным фактором благополучия военнослужащих является их психологический капитал, который включает в себя уверенность в собственных силах и возможностях достижения успеха, настойчивость в достижении цели, способность преодолевать трудности и препятствия [8].

Важную роль в обобщении эмпирических свидетельств относительно роли различных факторов сыграла работа британских специалистов С. Брукс и Н. Гринберга. Они проанализировали данные множества исследований и определили комплекс факторов психологического благополучия военнослужащих, не связанных с непосредственным участием в боевых операциях [9]. Две главные категории факторов – это отношения с окружающими и роле-специфичные стрессоры.

В домене «Отношения с окружающими» позитивное влияние на психологическое благополучие оказывают эффективное лидерство и поддержка со стороны командиров, а также социальная поддержка и интеграция в малых группах (товарищество, служебные коллективы, семья). Негативное влияние на благополучие оказывают харассмент и другие формы дискриминации.

В домене «Роле-специфичные стрессоры» идентифицированы следующие факторы, которые могут принимать как негативное, так и позитивное значение:

- четкость роли и ролевые конфликты;
- обязательства, в том числе чрезмерные, дисбаланс между затрачиваемыми усилиями и получаемым вознаграждением;
- требования выполняемых служебных задач и уровень служебной нагрузки;
- семейные проблемы и конфликт интересов службы и семьи;
- другие ролевые факторы (автономия, участие в принятии решений, физические условия несения службы).

Кроме того, позитивное влияние на благополучие оказывают физические нагрузки и состояние физического здоровья, ролевая идентификация, а также доверие в отношении организации.

Таким образом, эмпирические исследования подтверждают, что психологическое благополучие является сложным интегральным эффектом от действия множества внутренних и внешних факторов. И хотя точная роль и композиция условий оптимального психологического и социального состояния военнослужащих еще нуждается в изучении, текущий уровень знаний позволяет определить некоторые направления для создания

благоприятных условий.

Прежде всего, в профессиональном сообществе достигнут широкий консенсус относительно исключительной важности социальной поддержки для психологического благополучия военнослужащих и членов их семей. Важно, что источниками социальной поддержки могут и должны выступать различные субъекты. Однако особое значение, с учетом специфической ролевой системы военных институтов, играет поддержка со стороны непосредственных командиров и других вышестоящих военнослужащих. Как полагают специалисты, именно создание условий для обеспечения социальной поддержки всеми вовлеченными субъектами становится одной из ключевых функций специализированных психологических и социальных служб, как военных психологов, так и независимых специалистов, определяющей их ценность в современных вооруженных силах (см. [4]). Однако другие факторы, выявленные в эмпирических исследованиях, также очерчивают направление возможных интервенций и организационной работы, направленной на повышение психологического благополучия военнослужащих.

Заключение

Психологическое благополучие военнослужащих привлекает возрастающее внимание психологов, отражая не только академический интерес к более дифференцированному изучению различных профессиональных групп, но и растущее осознание необходимости формирования комплекса социально-психологических условий в военной сфере, который обеспечивает ее эффективное функционирование и отражает современные требования к качеству жизни. Несмотря на то, что выявление факторов психологического благополучия является целью многих исследований, на сегодняшний день проблема психологического благополучия в такой специфической сфере как военная еще не имеет однозначной и надежной концептуализации, консенсусной теоретической модели, а также универсального диагностического инструментария. Интеграция различных методологических и концептуальных решений и проведение комплексных исследований, учитывающих многоаспектность психологического благополучия и разнообразие как действующих факторов, так и категорий военнослужащих, становится насущной задачей дальнейшего развития теоретической и прикладной военной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ухач-Огорович Н.А. Военная психология. Киев: Типография С.В.Кульженко, 1911.
2. Kumar A., Kumar U. Familial pathways to soldier effectiveness. In: *Military Psychology: Concepts, Trends and Interventions* / Ed. by N.Maheshwari, V.V.Kumar. Los-Angeles: Sage, 2016. P.283-297.
3. Zotova O.Yu., Karapetyan L.V. Occupation as a factor of personality subjective well-being // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. Vol. 8. No.2. P.126-136.
4. Bowles S.V. Bartone P.T., Ross D. et al. Well-Being in the Military. In: *Handbook of Military Psychology: Clinical and Organizational Practice* / Ed. by S.V. Bowles, P. Bartone. Cham: Springer, 2017. P.213-238.
5. Златина А.А. Психологическое благополучие военнослужащих // *Международный журнал медицины и психологии*. 2020. Том 3. №2. С.97-102.
6. Adler A.B., Huffman A.H., Bliese P.D., Castro C.A. The impact of deployment length and experience on the well-being of male and female soldiers // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2005. Vol.10. No.2. P.121-137.
7. Skomorovsky A. Deployment stress and well-being among military spouses: the role of social support // *Military Psychology*. 2014. Vol.26. No.1. P.44-54.
8. Hernandez-Varas E., Encinac F.J.L., Suarez M.M. Psychological capital, work satisfaction and health self-perception as predictors of psychological wellbeing in military personnel // *Psicothema*. 2019. Vol.31. No.3. P.277-283.
9. Brooks S.K., Greenberg N. Non-deployment factors affecting psychological wellbeing in military personnel: literature review // *Journal of Mental Health*. 2018. Vol.27. No.1. P.80-90.

© Горбачев Иван Вадимович (ivan.gorbachev.090390@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛИНИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПАТОЛОГИЧЕСКИХ КОЖНЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Ермушева Анастасия Алексеевна

Ассистент, Первый МГМУ им. И.М.Сеченова
(Сеченовский Университет) (Москва)
aermusheva@gmail.com

CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL MODELS OF PATHOLOGICAL SKIN SENSATIONS

A. Ermusheva

Summary: The complexity of empirical study of psychological mechanisms of pathological bodily sensations is associated with attention to particular aspects of this pathology in different approaches: clinical-descriptive, psychoanalytic, cognitive-behavioral, and psychology of corporeality. The interest of clinicians in the subjective nature of patients' complaints and the need to find a link between various psychological aspects form the topicality of continuing to research the problem. The study of mediation of pathological skin sensations in psychodermatological disorders seems promising, as it makes possible to take into account the ideas on the individualisation and the meaning of bodily experience in psychology of corporeality, the role of insufficient ability to effectively process painful experience using symbolic and language means in psychoanalysis and the participation of cognitive processes in the experience of pathological bodily sensations in cognitive-behavioral approach.

Keywords: pathological bodily sensations, medically unexplained symptoms, psychodermatological disorders, psychology of corporeality.

Аннотация: Сложность эмпирического исследования психологических механизмов патологических телесных ощущений вызвана сфокусированностью на отдельных аспектах этой патологии в различных подходах: клинико-описательном, психоаналитическом, когнитивно-поведенческом и психологии телесности. Интерес клиницистов к субъективной природе жалоб пациентов, а также необходимость соотнесения различных психологических аспектов формирует актуальность продолжения изучения проблемы. Представляется перспективным развитие исследований патологических кожных ощущений при психодерматологических расстройствах в аспекте их опосредования, что позволяет реализовать их изучение с учетом индивидуализированности и значения телесного опыта с позиций психологии телесности, роли недостаточной способности к эффективной переработке болезненных переживаний с помощью символических и языковых средств в рамках психоаналитического подхода и участия когнитивных процессов в переживании патологических телесных ощущений в рамках когнитивно-поведенческого подхода.

Ключевые слова: патологические телесные ощущения, медицински необъяснимые симптомы, психодерматологические расстройства, психология телесности.

Патологические телесные ощущения являются часто встречающимися психопатологическими феноменами, при обращении к врачам общей практики у 40-49% пациентов выявляются жалобы такого рода[27]. При этом в 10-58% случаев причинами для обращения за первичной консультацией в общемедицинские службы являются жалобы, связанные с состоянием кожи[20]. В лечении патологических телесных ощущений значительные трудности обусловлены их стойкостью, у 55% пациентов медицински необъяснимые симптомы сохраняются в течение полугода[36]. Особенности представлений пациентов о симптомах как проявлениях скорее физического, чем психического неблагополучия[42] и поиск их биологических объяснений[49] также приводят к трудностям их исследования и коррекции. Патологические кожные ощущения при психодерматологических расстройствах могут рассматриваться как более частный случай патологических телесных ощущений. В современных публикациях предпринимаются попытки объяснения психологических механизмов патологических телесных ощущений, в том числе кожных, однако неоднородность и некоторая фрагментарность освещения проблемы связана с вниманием скорее к отдельным аспектам этой патологии в рамках различных подходов (клинико-описательного, психоаналитического, когнитивно-поведенческого и психологии телесности).

Наибольшее внимание в исследованиях патологических кожных ощущений в рамках клинико-описательного подхода уделяется зуду. В исследованиях механизмов психогенного зуда как одного из «медицински необъяснимых дерматологических симптомов» изучаются как биохимические, так и психопатологические аспекты[24]. Активно исследуются нейронные механизмы зуда: общность ощущений зуда и боли, основывающаяся на значительном совпадении между периферическими медиаторами и рецепторами; центральные нейрональные пути, не связанные с ноцицептивными рецепторами, рецепторы, специфические для зуда, и медиаторы, участвующие в восприятии зуда[39]. Значительное внимание уделяется интенсивности этого ощущения, тогда как его другие качества исследованы в меньшей степени[22]. В исследованиях сенсорного и аффективного компонентов зуда показано, что именно аффективный компонент является предиктором психологических осложнений заболевания и снижения качества жизни пациентов[59]. При этом значимость психологической и психиатрической коморбидности подчеркивается в практически ориентированных исследованиях организации помощи пациентам в психодерматологических клиниках[25].

В исследовании телесных ощущений как проявлений дерматозов отдается предпочтение визуально-аналого-

вым шкалам[58], электрофизиологическим показателям, а также особенностям химически вызванных ощущений у человека и животных[37]. При этом субъективная реальность этих ощущений остается относительно малоизучена. Встречаются исследования того, как пациенты характеризуют зуд и другие телесные ощущения, однако в основном они проводятся при истинных дерматозах – например, при атопическом дерматите[22]. Вместе с тем, отмечается нарастание интереса к восприятию и субъективным оценкам кожных ощущений, поскольку происходит накопление данных об их расхождении с объективными показателями даже при истинных дерматозах[40], что также открывает перспективы изучения патологических телесных ощущений.

В рамках клинико-описательного подхода отмечается особая роль патологических кожных ощущений в становлении психических расстройств, реализующихся в пространстве кожного покрова[11], или психодерматологических расстройств, характеризующихся типичным выявлением самоиндуцированных и соматоформных кожных нарушений, напоминающих клинические проявления дерматологической патологии при отсутствии объективных проявлений какого-либо известного дерматоза[26]. К этим расстройствам относятся дерматозойный бред, синдром ограниченной ипохондрии, синдромы импульсивных и компульсивных эксфолиаций.

При дерматозойном бреде выявляются идеи заражения кожными паразитами или какими-либо живыми или неживыми патогенами, несмотря на их отсутствие по результатам объективных исследований[44], они ассоциированы с тактильными галлюцинациями, дополняемыми зрительными (иногда слуховыми и обонятельными) иллюзиями или галлюцинациями[11]. В диагностических критериях описывается разнообразие патологических кожных ощущений, включающих зуд, ползание, пощипывание и покалывание[30, 38]. У пациентов имеются значительные повреждения кожных покровов как результат их борьбы с мнимыми паразитами[32, 34]. В аспекте патогенеза обсуждаются нарушения interoцепции, неправильная обработка и интерпретация воспринимаемых ощущений как способствующие формированию галлюцинаций[35].

При синдроме ограниченной ипохондрии коэнестезиопатии включают зуд по типу интрадермальной дизестезии, идиопатические алгии, тактильные иллюзии и телесные фантазии, ассоциированные со сверхценными образованиями с картиной ипохондрической одержимости[54]. Фрагменты кожи и подкожной клетчатки, привлекаемые пациентами из соответствующих ощущениям областей, воспринимаются как чужеродные объекты и патологические, не свойственные живым тканям образования. При этом пациенты испытывают определенные, отчетливые и неизменные патологические теле-

сные ощущения лишь в ограниченной области[21].

При синдромах импульсивных и компульсивных эксфолиаций пациенты сообщают о навязчивых и непреодолимых импульсах к расчесыванию[29] с ощущениями зуда по типу интрадермальной или эпидермальной дизестезии[11]. Расстройства характеризуются различными манипуляциями (расчесыванием, сдиранием, сдавливанием), производимыми с кожей[34]. Физические следы эксфолиаций располагаются в легкодоступных для пациентов местах – лицо, руки, верхняя часть спины[60]. Клинические исследования указывают как на компульсивную, так и импульсивную природу заболевания[46]. По результатам исследования особенностей перцепции выявляется склонность пациентов к избеганию ощущений в сочетании с высокой сенсорной чувствительностью[28].

Таким образом, в исследованиях клинико-описательного подхода фиксируется интерес к субъективной природе жалоб пациентов, специфике и распространенности патологических кожных ощущений, а также их роли и значении в клинической картине психодерматологических расстройств, что однако нуждается в дополнениях со стороны психологических исследований вследствие многообразия и разнородности факторов, обуславливающих медицински необъяснимые симптомы.

Началу обсуждения механизмов патологических кожных ощущений в рамках психоаналитического подхода послужило введение З. Фрейдом[17] механизма конверсии, по которому в качестве символического выражения желания возникает истерический симптом, способный проявляться как психосенсорное нарушение. Однако для выделения нюансов дискуссии вокруг патологических кожных ощущений следует отметить, что в психоаналитических работах обсуждаются особая связь психики с кожей и ее роль в становлении самосознания и развития психической жизни. Понятие «Я-кожа» отражает, как на ранних этапах развития Я ищет опоры и поддержки в коже тела, что представляет как бы гомологичность функций Я и телесной оболочки ограничивать, контейнировать и организовывать[1]. Развитие представлений о себе базируется на ранних ощущениях с поверхности тела, кожа обеспечивает раннее взаимодействие между внутренним и внешним[52]. Кожа рассматривается как средство коммуникации между матерью и младенцем, будучи посредником для физического контакта, успокоения удерживающего и удерживаемого, а также для передачи запаха, прикосновения, вкуса и тепла – ощущений, способных быть источником удовольствия и близости[8]. Также кожа – орган-мишень для фантазий и страхов, что может использоваться в разворачивании психопатологических симптомов, и тогда кожная поверхность становится «местом аварийной разрядки»[16]. В зрелом возрасте при невозможности

пережить и прочувствовать психологически значимые события могут актуализироваться патологические ощущения, являющиеся возвратом к более ранним способам реагирования с помощью «примитивных психических сообщений»[5].

Основным направлением работ психоаналитиков в области психодерматологии становится установление связи между кожными ощущениями и вытесненными желаниями[2]. Зуд рассматривается как конверсионный симптом, «специфический зуд у специфической личности»[2, с. 44]. У пациентов с кожными проблемами, ассоциированными с психическими расстройствами, обсуждаются трудности формирования зрелой идентичности, патология привязанности, недостаточная сформированность различий между внутренним и внешним и слабость возможностей обработки информации[55].

При обобщении данных литературы отмечается сохраняющаяся актуальность представлений о роли в образовании патологических кожных ощущений недостаточной способности взрослого человека к эффективной переработке болезненных для него переживаний с помощью символических и языковых средств. Однако следует отметить, что ретроспективная природа некоторых измерений в современных исследованиях, выполненных в парадигме психодинамического подхода, подвергается критике и признается уязвимой в отношении ошибок припоминания и малой численности выборок[19].

В рамках когнитивно-поведенческого подхода основное внимание исследователей сосредоточено на идеаторной и поведенческой составляющих психических расстройств, сопровождающихся жалобами на патологические телесные ощущения. Патологические телесные ощущения расцениваются как один из факторов формирования предположений о наличии заболевания при ипохондрии[50]. На модели соматоформных и ипохондрических расстройств описаны когнитивные механизмы, способствующие повышению тревоги о здоровье и фиксации патологических телесных ощущений: соматосенсорная амплификация, атрибутивный стиль, особенности точности и чувствительности телесного восприятия. В отношении соматосенсорной амплификации приводятся критические замечания о невозможности выделения ее как независимого фактора и единственного объяснительного механизма, обсуждаются корреляции феномена со степенью выраженности тревоги, депрессии, негативной аффективности и нейротизма[33]. В исследованиях атрибуции соматических ощущений был выделен особый органо-сенситивный атрибутивный стиль, связывающий соматические симптомы в большой степени с тяжелыми заболеваниями и недооценивающий или игнорирующий естественные и нормальные причины[45]. В отношении роли интра-

цептивной точности и чувствительности предполагается, что жалобы на патологические телесные ощущения могут быть следствием меньшей точности интрацептивного восприятия или необъективной интрацептивной чувствительности[51].

Несмотря на значительный интерес к факторам патологических телесных ощущений, немногие представления о перечисленных механизмах рассматривались применительно к патологическим кожным ощущениям. В дерматологической клинике в качестве факторов, усиливающих патологические кожные ощущения, рассматриваются такие психологические особенности, как преобладание эмоций негативного характера, повышение уровня тревоги и предрасположенность к неадаптивным стратегиям совладания со средовыми воздействиями и самой ситуацией болезни[57]. У пациентов с патологическими кожными ощущениями как правило, отмечается снижение толерантности к телесным ощущениям вообще и к зуду, в частности. Выявляются изменения в процессах обработки информации: чрезмерно повышенное внимание к кожным ощущениям, интерпретационные ошибки и склонность к их катастрофизации. Предрасположенность к негативным интерпретациям патологических кожных ощущений способствует повышению интенсивности зуда и формированию установки на беспомощность. Большее внимание к возникновению ощущений значимо связано с более высокими показателями интенсивности переживаний зуда[56]. В отношении психогенного зуда рассматривается возможность исследования действия механизма соматосенсорной амплификации[43].

Наряду с идеаторной составляющей, значительное внимание уделяется поведению пациентов с психодерматологическими расстройствами, сопровождающимися жалобами на патологические кожные ощущения. Зачастую используется поведенческое определение зуда как сенсации, которая вызывает стремление к расчесыванию[23]. Расчесывание же определяется как универсальный, неосознаваемый и автономный ответ на патологические кожные ощущения[57]. Этот ответ вызывает временное облегчение, что закрепляет поведенческую реакцию и способствует формированию патологического цикла «зуд-расчесывание-зуд»[39]. Закрепление такой поведенческой реакции в крайних формах может приводить к появлению расчесов в ответ на любой стрессор, не обязательно ощущение зуда[57].

Для психотерапевтического воздействия на патологические кожные ощущения и сопровождающие их действия разрабатываются когнитивно-поведенческие методы, направленные, прежде всего, на изменения привычек пациентов[29, 53]. При этом следует отметить, что в теоретических моделях и практических рекомендациях мало внимания уделяется особенностям кожных

ощущений пациентов, скорее побуждениям к расчесыванию.

Таким образом, в рамках когнитивно-поведенческого подхода накоплены данные о разнообразных когнитивных и поведенческих аспектах психических расстройств, сопровождающихся жалобами на патологические телесные ощущения. Однако в литературе отмечается необходимость соотнесения когнитивных механизмов и поведенческих аспектов друг с другом и невозможность сведения наблюдаемых психологических особенностей к какому-либо единичному фактору.

В отечественной психологии телесности с опорой на положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского телесность понимается как следствие смыслового, эмоционально-ценностного отношения, понятийного определения и объяснения, действенно-практического обращения с телесными явлениями[7], в том числе телесными ощущениями. Телесные впечатления формируются в результате активного восприятия и организации интрацептивных ощущений с участием процессов опосредования. К этим процессам относится категоризация телесных ощущений, в результате которой ощущения из зыбких и неопределенных оформляются в более конкретные, получают свою локализацию, интенсивность, модальность, соотносятся с культурными, перцептивными и языковыми эталонами[12]. Так, переживания телесных ощущений зависят от преобладающих в культуре медицинских воззрений, в частности от доминирующего в настоящем времени «ипохондрического» дискурса, обслуживаемого средствами массовой информации[4]. Модификация и порождение необходимых для подтверждения мифа болезни ощущений происходят через выбор и усвоение соответствующих означаемых, в зависимости от предположений и ожиданий человека, меняется и актуальный набор категорий[14].

Субъективное влияние на телесные ощущения проявляется в отношении к телесным явлениям в структуре потребностей, мотивов и ценностной ориентации человека. Смысловое опосредование может проявляться в том, что интрацептивные ощущения и телесные функции становятся средствами выражения не собственных природных потребностей, а других, не связанных с ними напрямую. Достижение состояния здоровья, проявляющееся в соответствующих телесных ощущениях, связывается с потребностью в самореализации у пациентов с расстройствами личности, в клинической картине которых присутствует развернутый ипохондрический синдром[3]. Личностный смысл рассматривается как дополнительный фактор риска формирования телесных ощущений при выполнении задачи на саморегуляцию в ситуации истинной и ложной биообратной связи[6].

Исследования особенностей когнитивной перера-

ботки и опосредования феноменов телесности предоставляют сведения о нарушениях при различных формах патологии - как соматических, так и психических расстройствах. С помощью семантических методов были выявлены особенности словарей интрацептивных ощущений при онкологических (рак желудка) и кардиологических (инфаркт миокарда) заболеваниях: в структуре словаря четко выделяется центральный блок категорий, соответствующий ощущениям, обусловленным конкретными, физическими симптомами соматической болезни, вокруг которых группируются все остальные интрацептивные признаки, как физические, так и эмоциональные. Для соматоформных, ипохондрических и шизотипических расстройств, протекающих в отсутствие объективно диагностируемого соматического заболевания, характерно значительное расширение словаря, метафоричность в описаниях, меньшая ясность и плохая локализованность ощущений, характеристика болезни за счет «интрацептивно переживаемых эмоциональных состояний»[12]. При исследовании пациентов с синдромом раздраженного кишечника показано, что тяжесть симптомов заболевания у пациентов была в большей степени связана с нарушением восприятия внутренних телесных ощущений: в описании болезненного состояния в лексиконе пациентов было значительно больше слов, относящихся к языку не телесных ощущений, а к сфере эмоциональных состояний[9]. В качестве предикторов риска соматизации обсуждаются выявленные при соматоформных расстройствах расширение объема интрацептивного словаря обычного самочувствия, увеличение в нем конкретных и психических дескрипторов, чрезмерное использование метафор в описании внутренних телесных ощущений, уменьшение преобладания психических дескрипторов над телесными[10]. Результаты исследований своеобразия нарушений в области телесного восприятия показали, что у пациентов с соматоформными расстройствами на модели зрительно-тактильной и визуально-кинестетической иллюзий выявляются ригидность и измененность мультисенсорной интеграции[47]. В целом, жалобы на телесные ощущения могут рассматриваться как проявления общего дистресса и соотносятся с жалобами на психическое состояние даже у условно здоровых испытуемых[31].

Перспективность продолжения исследования опосредования телесного опыта при патологических кожных ощущениях иллюстрируется результатами психологического исследования телесного опыта болезни пациентов с психодерматологическими синдромами. Так, были выявлены особенности словаря болезненных ощущений, ассоциированные с психопатологическими характеристиками каждого из психических расстройств, реализующихся в пространстве кожного покрова (дерматозойный бред, синдром ограниченной ипохондрии, синдромы импульсивных и компульсивных экскораций, соматоформный зуд)[15].

Следует дополнить, что проблематика исследований психологических аспектов функционирования кожи в психологии телесности связана с объективацией границ телесности: кожная оболочка – это «место», где заканчивается человеческое тело и начинается окружающая среда[13]. Внешняя и внутренняя границы телесности связаны между собой, и эта связь проявляется в форме адаптационно-регуляторных феноменов, характерных для больных с разной направленностью инвазивного воздействия и степенью тяжести патологии. Так, на примере псориаза и атопического дерматита были выявлены отличительные особенности границ телесного образа «Я»[18].

Таким образом, в отечественной психологии телесности исследуются механизмы патологических телесных ощущений в аспекте их опосредования и означения с учетом сложности типологического описания телесного опыта пациентов с различной патологией – как соматическими, так и психическими расстройствами.

Итак, анализ литературы выявляет сложность взаимодействия и множественность факторов, участвующих в возникновении патологических телесных ощущений. Интерес клиницистов к субъективной природе жалоб пациентов на патологические кожные ощущения, а также необходимость соотнесения различных психологических аспектов этих телесных феноменов формирует актуальность продолжения исследований. Представляется перспективным развитие исследований патологических кожных ощущений при различных психодерматологических расстройствах в аспекте их опосредования, что позволяет реализовать их изучение с учетом индивидуализированности и означения телесного опыта с позиций психологии телесности, роли недостаточной способности к эффективной переработке болезненных переживаний с помощью символических и языковых средств в рамках психоаналитического подхода и участия когнитивных процессов в переживании патологических телесных ощущений в рамках когнитивно-поведенческого подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анзье Д. Я-кожа. Ижевск: ERGO, 2011. 302 с.
2. Психология и психопатология кожи: тексты. / Сост. и науч. ред. С.Ф. Сироткин, М.Л. Мельникова. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. 384 с.
3. Виноградова М.Г., Ермушева А.А., Шабанова А.А. К проблеме исследования познавательной деятельности при расстройствах личности // Сб. мат. V Международной научно-практической конференции «Психология и педагогика в системе гуманитарного знания». М., 2013. С. 36-42.
4. Рассказова Е.И., Гульдун В.В., Тхостов А.Ш. Психологическое содержание «ипохондрического дискурса»: связь ценности заботы о здоровье с отношением к телу, болезни и лечению // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т.9, № 2. С. 60–70.
5. Макдугалл Дж. Театры тела: Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств. М.: «Когито-Центр», 2013. 215с.
6. Рассказова Е.И., Мигунова Ю.М., Азиатская Г.А. Чувствительность к обратной связи и соматизация: провокация телесных ощущений при истинной и ложной биологической обратной связи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11, № 1. С. 18–27.
7. Николаева В.В., Арина Г.А. Клиническая психология телесности: принципы культурно-исторического анализа предмета // Психосоматика: телесность и культура. /Под ред. В.В. Николаевой. М.: Академический Проект, 2009. С. 49-72.
8. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб.: Б.С.К.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1997. 193с.
9. Полуэктова Е.А., Курбатова А.А., Рупчев Г.Е., Шептулин А.А., Ивашкин В.Т. Роль эмоциональных расстройств, личностных особенностей и нарушения интрацептивных ощущений в формировании соматических симптомов у больных с синдромом раздраженного кишечника // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2013. Т.23, № 6. С. 20-28.
10. Рупчев Г.Е. Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на модели соматоформных расстройств): дис ... канд. психол. наук. М., 2000. 128 с.
11. Смулевич А.Б., Романов Д.В., Львов А.Н. Дерматозойный бред и ассоциированные расстройства. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 208с.
12. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287с.
13. Тхостов А.Ш., Бескова Д.А. Телесность как пространственная структура // Психология телесности между душой и телом. / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. С. 236-252.
14. Тхостов А.Ш., Елшанский С.П., Рупчев Г.Е. Объем и категориальная структура словаря внутренних ощущений при разных заболеваниях // Ежегодник Российского психологического общества. 2003. Т. 7. С. 563–565.
15. Тхостов А.Ш., Виноградова М.Г., Ермушева А.А., Романов Д.В. Психологические аспекты патологических телесных ощущений при психических расстройствах, реализующихся в пространстве кожного покрова // Психические расстройства в общей медицине. 2014. № 1. С. 14-25.
16. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект, 2004. 848 с.
17. Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 1. СПб: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2005. 454с.
18. Штрахова А.В., Харисова А.Р. Телесный образ «Я» и его границы у больных с атипичными дерматитами. Сообщение 2 // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Т.7, № 1. С. 102-112
19. Besiroglu L., Akdeniz N., Agargun M.Y., Calka O., Ozdemir O., Bilgili G.S. Childhood traumatic experiences, dissociation and thought suppression in patients with 'psychosomatic' skin diseases // Stress and Health. 2009. № 25. p. 121–125.

20. Cassal C., Ferrão Y. Psychiatric Diseases // *Dermatology in Public Health Environments: A Comprehensive Textbook*. Eds. Rangel Bonamigo R., Dornelles S.I.T. Springer International Publishing Switzerland, 2018. p. 1035-1055.
21. Dai W., Yu S., Liang J., Zhang M. Nummular headache: Peripheral or central? One case with reappearance of nummular headache after focal scalp was removed, and literature review // *Cephalalgia*. 2013. N 33(6). p. 390–397.
22. Dawn A., Papoiu A.D.P., Chan Y.H., Rapp S.R., Rasette N., Yosipovitch G. Itch characteristics in atopic dermatitis: results of a web-based questionnaire // *British Journal of Dermatology*. 2009. N 160(3). p. 642–644.
23. Feramisco J.D., Berger T.G., Steinhoff M. Innovative Management of Pruritus // *Dermatologic Clinics*. 2010. N 28. p. 467–478.
24. Ferreira B.R., Pio-Abreu J.L., Reis J.P., Figueiredo A. Medically unexplained dermatologic symptoms and psychodermatology // *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2018. N 32(12). p. e447-e448.
25. Goyal N., Shenoi S., Prabhu S.S., Sreejayan K., Munoli R., Rai S. Psychodermatology liaison clinic in India: a working model // *Tropical Doctor*. 2018. N 48(1). p. 7-11.
26. Gupta M.A., Gupta A.K. Self-induced dermatoses: a great imitator // *Clinics in Dermatology*. 2019. N 37(3). p. 268-277.
27. Haller H., Cramer H., Lauche R., Dobos G. Somatoform disorders and medically unexplained symptoms in primary care: a systematic review and metaanalysis of prevalence // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2015. N 112. p. 279–287.
28. Houghton D.C., Alexander J.R., Bauer C.C., Woods D.W. Abnormal perceptual sensitivity in body-focused repetitive behaviors // *Comprehensive Psychiatry*. 2018. N 82. p. 45-52.
29. Jafferany M., Patel A. Skin-picking disorder: a guide to diagnosis and management // *CNS Drugs*. 2019. N 33(4). p. 337-346.
30. Katsoulis K., Rutledge K.J., Jafferany M. Delusional infestation: a prototype of psychodermatological disease // *International Journal of Dermatology*. 2020. N 59(5). p. 551-560.
31. Khrushchev, S., Rasskazova, E., Tkhostov, A., and Guldán, V. Somatic and mental complaints in the normative population: General “ill-being” or somatic “mask” of mental problems? // *European Psychiatry*. 2018. N 48(S1). p.259.
32. Koblenzer C.S. Cutaneous manifestations of psychiatric disease that commonly present to the dermatologist – diagnosis and treatment // *The International Journal of Psychiatry in Medicine*. 1992. N 22. p. 47–63.
33. Krautwurst S., Gerlach A.L., Gomille L., Hiller W. Health anxiety - An indicator of higher interoceptive sensitivity? // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2014. N 45. p. 303-309.
34. Krooks J.A., Weatherall A.G., Holland P.J. Review of epidemiology, clinical presentation, diagnosis, and treatment of common primary psychiatric causes of cutaneous disease // *Journal of Dermatological Treatment*. 2018. N 29(4). p. 418-427.
35. Lai J., Xu Z., Xu Y., Hu S. Reframing delusional infestation: perspectives on unresolved puzzles // *Psychology Research and Behavior Management*. 2018. N 11. p. 425–432.
36. Lamahewa K., Buszewicz M., Walters K., Marston L., Nazareth I. Persistent unexplained physical symptoms: a prospective longitudinal cohort study in UK primary care // *British Journal of General Practice*. 2019. N 69(681). p. e246-e253
37. LaMotte R.H., Dong X., Ringkamp M. Sensory neurons and circuits mediating itch // *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. N 15(1). p. 19–31.
38. Levin E., Gieler U. Delusions of Parasitosis // *Seminars in Cutaneous Medicine and Surgery*. 2013. N 32. p.: 73-77.
39. Lloyd D.M., McGlone F.P., Yosipovitch G. Somatosensory pleasure circuit: from skin to brain and back // *Experimental Dermatology*. 2015. N 24(5). p. 321-324.
40. Magin P.J., Pond C.D., Smith W.T., Watson A.B., Goode S.M. Correlation and agreement of self-assessed and objective skin disease severity in a cross-sectional study of patients with acne, psoriasis, and atopic eczema // *International Journal of Dermatology*. 2011. N 50. p. 1486–1490.
41. Marcus D.K., Gurley J.R., Marchi M.M., Bauer C. Cognitive and perceptual variables in hypochondriasis and health anxiety: a systematic review // *Clinical Psychology Review*. 2007. N 27(2). p. 127-139.
42. McAndrew L.M., Friedlander M.L., Phillips L.A., Santos S., Helmer D.A. Concordance of illness perceptions: The key to improving care of medically unexplained symptoms // *Journal of Psychosomatic Research*. 2018. N 111. p. 140-142.
43. Misery L., Dutray S., Chastaing M., Schollhammer M., Consoli S.G., Consoli S.M. Psychogenic itch // *Translational Psychiatry*. 2018. N 8. p. 52. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5830411/> (дата обращения: 20.08.2020).
44. Moriarty N., Alam M., Kalus A., O'Connor K. Current Understanding and approach to delusional infestation // *American Journal of Medicine*. 2019. N 132(12). p.1401-1409.
45. Neng J.M.B., Weck F. Attribution of somatic symptoms in Hypochondriasis // *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2015. N 22 (2). p. 116–124.
46. Oliveira E.C.B., Fitzpatrick C.L., Kim H.S., Gulassa D.C.R., Amaral R.S., Cristiana N.M., Hayashiuchi A.Y., McGrath D.S., Tavares H. Obsessive–compulsive or addiction? Categorical diagnostic analysis of excoriation disorder compared to obsessive–compulsive disorder and gambling disorder // *Psychiatry Research*. 2019. N 281. p. 112518.
47. Perepelkina, O., Romanov, D., Arina, G., Volel, B., Nikolaeva, V. Multisensory mechanisms of body perception in somatoform disorders // *Journal of Psychosomatic Research*. 2019. N 127. p. 1–8.
48. Rief W., Barsky A.J. Psychobiological perspectives on somatoform disorders // *Psychoneuroendocrinology*. 2005. N 30. p. 996–1002.
49. Riem M.M.E., Doedéeb E.N.E.M., Broekhuizen-Dijksman S.C., Beijer E. Attachment and medically unexplained somatic symptoms: The role of mentalization // *Psychiatry Research*. 2018. N 268. p. 108-113.
50. Salkovskis P., Warwick H. Making Sense of Hypochondriasis: a Cognitive Model of Health Anxiety. // Asmundson G.S.G., Taylor S., Cox B.J. (Eds). *Health Anxiety: Clinical and Research Perspectives on Hypochondriasis and Related Conditions*. Chichester: Wiley, 2001. p. 46-64.
51. Schaefer, M., Egloff, B., & Witthöft, M. Is interoceptive awareness really altered in somatoform disorders? Testing competing theories with two paradigms of heartbeat perception // *Journal of Abnormal Psychology*. 2012. N 121(3). p. 719-724.

52. Schmidt M. Psychic skin: psychotic defences, borderline process and delusions // *Journal of Analytical Psychology*. 2012. N 57. p. 21–39.
53. Schuck K., Keijsers G.P.J., Rinck M. The effects of brief cognitive-behaviour therapy for pathological skin picking: A randomized comparison to wait-list control // *Behaviour Research and Therapy*. 2011. N 49. p. 11–17.
54. Smulevich A.B., Lvov A.N., Romanov D.V. Hypochondriasis Circumscripta: A Neglected Concept with Important Implications in Psychodermatology // *Acta Dermato-Venereologica*. 2016. N 96(217). p. 64–68.
55. Ulnik J. *Skin in psychoanalysis*. London: Karnac Books, 2008. 302 p.
56. van Laarhoven A.I.M., Kraaijaat F.W., Wilder-Smith O.H., Evers A.W.M. Role of Attentional Focus on Bodily Sensations in Sensitivity to Itch and Pain // *Acta Dermato-Venereologica*. 2010. N 90. p.: 46–51.
57. Verhoeven E.W.M., Klerk S., Kraaijaat F.W., Van de Kerkhof P. C. M., De Jong E. M. G. J., Evers A. W. M. Biopsychosocial mechanisms of chronic itch in patients with skin diseases: a review // *Acta Dermato-Venereologica*. 2008. N 88. p. 211–218.
58. Yosipovitch G. Assessment of Itch: More to be Learned and Improvements to be Made. // *Journal of Investigative Dermatology*. 2003. N 121(6). p. xiv–xv.
59. Zachariae R., Zachariae C.O.C., Lei U., Pedersen A.F. Affective and Sensory Dimensions of Pruritus Severity: Associations with Psychological Symptoms and Quality of Life in Psoriasis Patients // *Acta Dermato-Venereologica*. 2008. N 88. p.121–127.
60. Zhu T.H., Nakamura M., Farahnik B., Abrouk M., Reichenberg J., Bhutani T., Koo J. Obsessive-compulsive skin disorders: a novel classification based on degree of insight // *Journal of Dermatological Treatment*. 2017. N 28(4). p. 342–346.

© Ермушева Анастасия Алексеевна (aermusheva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Первый МГМУ им. И.М.Сеченова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ

Зекерьяев Руслан Ильвисович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
ruslan51291@mail.ru

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ATTITUDES IN THE VALUE-SENSE SPHERE'S STRUCTURE OF A PERSONALITY WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ACTIVITY

R. Zekeryaev

Summary: In this article presented the analysis' results of scientific literature research devoted to the study of the value-semantic sphere; described the psychological characteristics of socio-psychological attitudes in the structure of the value-semantic sphere of the individual; revealed the essence of a number of socio-psychological attitudes such as orientation to the process, orientation to the result, orientation to altruism, orientation to egoism, orientation to work, orientation to money, orientation to freedom, orientation to power; presented analysis' results of study of the person's Internet activity level's influence on the psychological characteristics a person's socio-psychological attitudes.

Keywords: value-semantic sphere of personality, socio-psychological attitudes, goals in life, life process, life performance, external locus of control, internal locus of control, Internet activity.

Аннотация: В статье представлены результаты анализа научно-исследовательской литературы, посвященной изучению ценностно-смысловой сферы личности; описаны психологические особенности социально-психологических установок в структуре ценностно-смысловой сферы личности; раскрыта сущность ряда социально-психологических установок, таких как ориентация на процесс, ориентация на результат, ориентация на альтруизм, ориентация на эгоизм, ориентация на труд, ориентация на деньги, ориентация на свободу, ориентация на власть; представлен анализ исследования влияния уровня интернет-активности личности на психологические особенности социально-психологических установок личности.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера личности, социально-психологические установки, ориентация на процесс, ориентация на результат, ориентация на альтруизм, ориентация на эгоизм, ориентация на труд, ориентация на деньги, ориентация на свободу, ориентация на власть, интернет-активность.

Введение

На данном этапе развития научной мысли изучение особенностей процесса формирования ценностно-смысловой сферы личности представляет собой актуальную проблему в психологической науке. Принято считать, что основными факторами, детерминирующими психологические особенности конструирования системы ценностей и смыслов, является процесс социализации личности в процессе ее развития. Необходимо также отметить, что ценностно-смысловая сфера, выступая ядром в структуре личности, определяет ее направленность, регулирует ее социальное поведение, а также находится в непрерывном развитии. Ценностные и смысловые образования обладают характером динамичности и неустойчивости, модифицируясь и адаптируясь под влиянием внешних условий, окружающего социума, условий деятельности и т.д. Значительные изменения психологических особенностей формирования ценностно-смысловой сферы личности начали возникать с внедрением в человеческую жизнь сети Интер-

нет. Система гиперреальности, которая выступает еще одним институтом социализации, является носителем социальных и культурных норм и ценностей. Входя в виртуальную среду сети Интернет, человек перенимает ее навязываемые ею нормы, ценностные ориентации, личностные смыслы, интернализируя их в свою ценностно-смысловую сферу, в частности в систему социально-психологических установок личности. При этом остаются открытыми вопросы, связанные с психологическими особенностями влияния процесса интернет-социализации личности на систему личностных ценностей и смыслов.

Целью статьи является анализ результатов исследования психологических особенностей социально-психологических установок в структуре ценностно-смысловой сферы личности с различными уровнями интернет-активности.

Основное изложение материала.

В психологии под ценностно-смысловой сферой личности понимается сложный комплекс ее норм и убеждений, мотивационных особенностей, мировоззрения, целей, социальных установок под влиянием социокультурной среды, в которой она вступает в социальное взаимодействие. Смысловые и ценностные ориентации при этом выступают в качестве регулятора поведения человека и основы для принятия им решений.

Анализ системы ценностей и смыслов позволяет определить, что она включает в себя психологические особенности осознания личностью своего субъективного внутреннего мира и внешней объективной реальности. Ценностно-смысловая сфера является комплексом характеристик, таких как субъективность (основанная на личном опыте), осознанность, комплексность, иерархичность и т.д. Эти свойства детерминируют особенности ее динамики с помощью ряда таких механизмов, как рефлексия, интернализация, экстернализация, индивидуализация, адаптация и т.д. При этом ценностно-смысловая сфера выступает в роли личностного конструкта, который определяет характер внутренних социокультурных ориентиров на определенный образ жизни.

Процесс формирования и трансформации системы ценностей и смыслов детерминировано взаимосвязью внутренних субъективных и внешних объективных процессов. При этом наблюдается перманентная динамика как личностных ценностных образований, так и социальных смыслов и ценностей. Изменение ценностно-смысловой сферы является внутренним стремлением личности к определенному стилю жизнедеятельности, каким-либо целям и перспективам. Также оно обуславливает выбор поведенческих паттернов в процессе социального взаимодействия и деятельности, что детерминирует психологические особенности саморегуляции системы отношений личности к себе и своей жизни. Динамика развития системы ценностей и смыслов личности может рассматриваться также как внутриличностный процесс, цель которого представляет собой ценностно-смысловое определение человеком себя самого в процессе своей социализации в обществе, поведения, деятельности.

Рядом ученых, исследовавших ценностно-смысловую сферу личности, была отмечена двойственность ее ценностей. С одной стороны, в ее основе лежит социальная обусловленность в виду того, что она формируется в ходе социокультурного взаимодействия человека с обществом и достижения им в нем определённого статуса. С другой стороны, в основе ценностно-смысловой сферы лежат индивидуальные особенности личности, заключающиеся в ее потребностях, направленности, интересах, поведенческих паттернах и т.д. При этом система ценностей и смыслов включает в себе набор установок, которые интегрируясь в сознание личности, создают систему субъективного оценивания явлений объективной

реальности. Исследователи так же отмечали иерархичность структуры ценностно-смысловой сферы личности, отмечая, что она представляет собой вертикаль смыслов и ценностей, упорядоченных от прагматичных и конкретно-ситуативных до экзистенциально-абстрактных [10; 11].

Э.В. Галажинский, изучая ценностно-смысловую сферу, отмечал, что она может детерминировать процесс творческой самореализации в условиях сложившейся ситуации. По мнению ученого, развитие системы ценностей и смыслов является способом разрешения противоречий между субъективной картиной мира и реальной объективной социальной ситуацией. В данном процессе происходит также самодвижение личности, а также ее самоосуществление и самореализация. При этом Э.В. Галажинский отмечал, что характеристиками этих явлений могут выступать эмоциональная устойчивость, спонтанность, креативность, ответственность, лабильность поведенческих паттернов, чувствительность и компетентность во времени [5].

Ряд ученых в исследованиях природы ценностно-смысловой сферы выделяли смыслообразование как основной фактор формирования личностных смыслов, осознанность которых зачастую имплицитна. В этом свойстве исследователи видели отличие смыслов от ценностей, которые выступают в роли базовых формирующих единиц в сознании личности. При этом личностные смысловые структуры всегда связаны с универсальными ценностями, которые определяют смысл жизни человека, а также модифицируют его интернальную и экстернальную реальность его личности. Исследователи также отмечают деятельность как специфический процесс конструирования ценностно-смысловой сферы. При этом делается особый акцент на односторонней детерминации ценностей и смыслов, при которой ценностные конструкты способствуют формированию системы смыслов личности [2; 3].

Н.Н. Васягина, исследуя ценностно-смысловую сферу личности, особое внимание уделяла социокультурным особенностям самодетерминации человека. По ее мнению, данный процесс является неявной включенностью личности в познаваемый окружающий мир, которая также определяет факторы активности человека. При этом наблюдается взаимовлияние между системой ценностей и смыслов, принадлежащих социуму, в котором функционирует человек, и субъективных ценностных образований самой личности. Ученая также определяла, что развитие личности является двухуровневым, а также включает в себя понимание личности как субъекта социального взаимодействия и личности в проявлении ее самоидентичности. Такой подход позволяет дифференцировать факторы, формирующие личность: самосознание, базовые качества и ценностно-смысловая сфера [4].

Ряд исследователей объяснял феномен ценностно-смысловой сферы личности как одного из элементов психики, детерминирующего отношение человека к себе самому и окружающим людям, а также выступающего в роли регулятора поведения в социуме. Ученые отмечали, что система ценностей и смыслов позволяют фильтровать поступающие из окружающей среды информационные потоки, выбирая из них те, которые представляют какую-либо значимость для личности. Также, по мнению исследователей, ценностно-смысловая сфера выступает ведущим фактором, детерминирующим целеполагание и обеспечивающим процесс конструирования осмысленной и системной картины окружающего социального мира [1; 8; 9].

Д.А. Леонтьев, изучая ценностно-смысловую сферу личности отмечал, что она может проявляться в трех взаимосвязанных формах. Первая из них включает в себя социокультурные ценности и представления об идеалах, сформированные общественным сознанием. Вторая – проявляется в объективированном воплощении первой формы в виде результатов творческой деятельности в искусстве. Третья – является системой мотиваций личности, которая детерминирует деятельность человека с целью реализации своих целей социально-одобряемыми способами. Данные формы являются иерархичными и односторонне направленными: личность в ходе социализации интериоризирует ценности и смыслы, которые потом предметно воплощаются в результатах ее деятельности и формируют новые социальные нормы и идеалы [6].

На данном этапе развития общества, одним из факторов, детерминирующим трансформации в структуре ценностно-смысловой сферы личности является интернет-активность личности. Данное явление обусловлено тем, что система гиперреальности является одним из ведущих институтов социализации, а значит оказывает прямое влияние на систему ценностей и смыслов личности.

А.И. Лучинкина в своих исследованиях выделила 4 группы пользователей по уровню интернет-активности, которая характеризуется количеством времени, проводимом в ресурсах системы гиперреальности. К пассивным пользователям исследовательница относил людей, которые входят в виртуальное пространство не более двух раз в неделю, при этом время их пребывания там составляет менее одного часа за сессию. Деятельность таких пользователей характеризуется низким стремлением к контактам с другими пользователями в виртуальных сообществах, а также отсутствием мотивации использовать сеть Интернет для поиска информации. Ученая также отмечала, что реальное пространство для пассивных пользователей обладает большей ценностью и значимостью по сравнению с виртуальным, а мотива-

ция нахождения в системе гиперреальности находится на низком уровне. По мнению А.И. Лучинкиной к ситуативным пользователям можно отнести людей, которые находятся в сети Интернет ежедневно по 1-2 часа. При этом, по мнению исследовательницы, для таких людей процесс виртуального социального взаимодействия является значимым только в условиях наличия свободного времени и необходимости, но сама деятельность в системе гиперреальности отличается разнообразием и широтой используемого инструментария. А.И. Лучинкина отмечала, что активными пользователями можно считать людей, которые ежедневно проводят в виртуальной среде 3-7 часов и занимаются разнообразной деятельностью. Ученая отмечала, что для них свойственно одновременно выполнять несколько задач и находится онлайн сразу в нескольких ресурсах для общения. А.И. Лучинкина к чрезмерно-активным пользователям относил людей, которые ежедневно находятся в виртуальной среде более 7 часов, одновременно находятся на нескольких ресурсах и выполняют разные виды деятельности. По мнению исследовательницы для чрезмерно-активных пользователей характерно наделять систему гиперреальности более высокой значимостью, нежели реальное пространство [7].

В ходе исследования влияния уровня интернет-активности личности на ее ценностно-смысловую сферу приняло участие 100 человек, среди которых 50 мужчин и 50 женщин. Возрастные границы не устанавливались. Участники были привлечены с помощью рассылки приглашений к участию в исследовании.

В ходе исследования была использована методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потёмкиной (для определения психологических особенностей социально-психологических установок личности респондентов), а также задан вопрос о количестве времени, проводимом в сети интернет (для определения уровня интернет-активности респондентов)

В ходе анализа полученных результатов было выявлено, что в выборке оказались респонденты из каждой группы по критерию интернет-активности (рис. 1).

Далее в ходе исследования была определена степень выраженности каждой из социально-психологических установок личности.

Шкала «Ориентация на процесс» определяет степень значимости для респондента того, чтобы дело, которым он занимается, представляло для него интерес. При выраженности данной шкалы для испытуемого характерно отсутствие размышлений над целью и ее достижением, так как основное значение для него имеет непосредственно процесс выполнения работы. В случае, когда

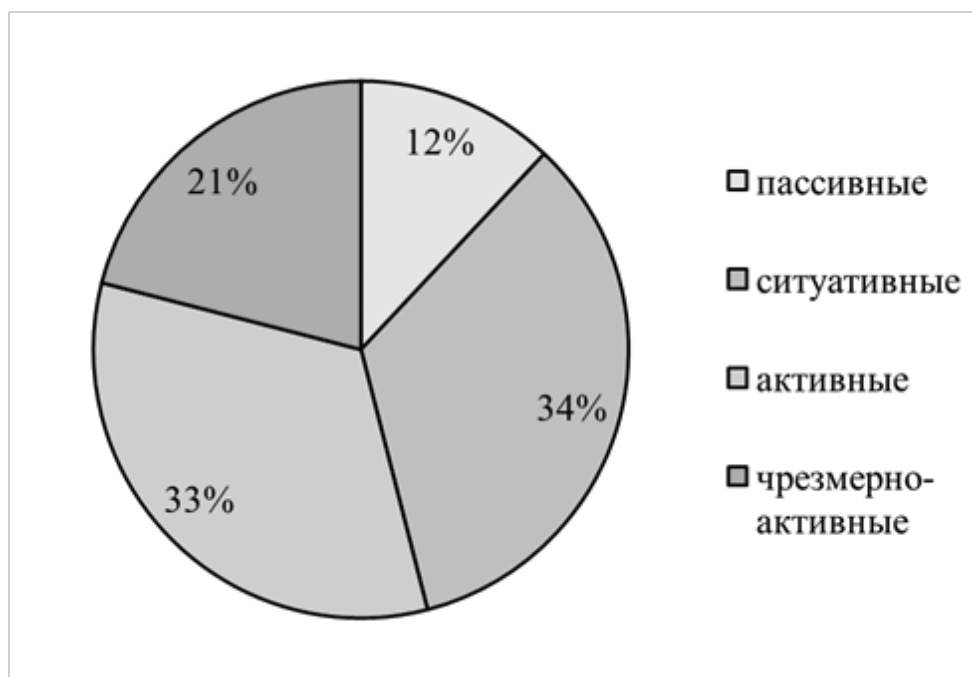

Рис. 1. Распределение респондентов по уровню интернет-активности

деятельность не представляет для респондента интерес, он склонен бросать его. Однако следует отметить, что при выраженности данной шкалы респонденту легче дается выполнение заданий, где необходима концентрация на самой работе. Также для таких испытуемых характерно предпочтение процессуальной направленности результату, так как они зачастую мотивируются именно интересом к самой деятельности, а не к ее цели.

Шкала «Ориентация на результат» определяет степень значимости цели деятельности, как социально-психологической установки. При высоких ее показателях для респондента важным является достижение цели работы вопреки возникающим факторам, которые затрудняют этот процесс. Однако необходимо отметить, что для таких испытуемых характерно пренебрежение «экологичностью» процесса деятельности в пользу достижения заранее намеченного результата.

Шкала «Ориентация на альтруизм» отображает степень готовности человека в работе принимать решения и совершать действия у пользу других людей, пренебрегая своими интересами. Респонденты с высокими показателями по данной шкале склонны уступать другим людям, но при этом также отмечается то, что в данном процессе они могут навязывать свое понимание и гиперболизировать значимость своих действий.

Шкала «Ориентация на эгоизм» отображает степень сосредоточенности на собственных интересах и готовность пренебречь желаниями и потребностями других людей. У респондентов с высокими показателями по данной шкале отмечается готовность в ситуации не-

предельности действовать в согласии с собственными целями, при этом цели других людей ими зачастую сознательно игнорируются и не берутся во внимание.

Шкала «Ориентация на труд» показывает степень готовности использовать свободное время для выполнения поставленной работы, как социально-психологической установки. У респондентов с высокими показателями по данной шкале отмечается тенденция получать удовольствие от проделанной работы. При этом необходимо отметить, что результативность работы не представляет для испытуемого ценности, но для него значимо социальное одобрение его деятельности от общества. Для таких испытуемых также характерна готовность работать даже при отсутствии материальной выгоды от результатов деятельности.

Шкала «Ориентация на деньги» отображает степень выраженности стремления к улучшению собственного финансового благосостояния, как социально-психологической установки. У респондентов с высокими показателями по данной шкале отмечается высокая самооценка денег, при которой они не рассматриваются как инструмент для достижения каких-либо других целей. Также для таких испытуемых характерна мотивация высокой оплаты труда больше, чем интересом к самой деятельности.

Шкала «Ориентация на свободу» показывает степень значимости свободы, как социально-психологической установки. Для респондентов с высокими показателями по данной шкале свобода является самооценной, а ограничения любого рода воспринимаются как преграда,

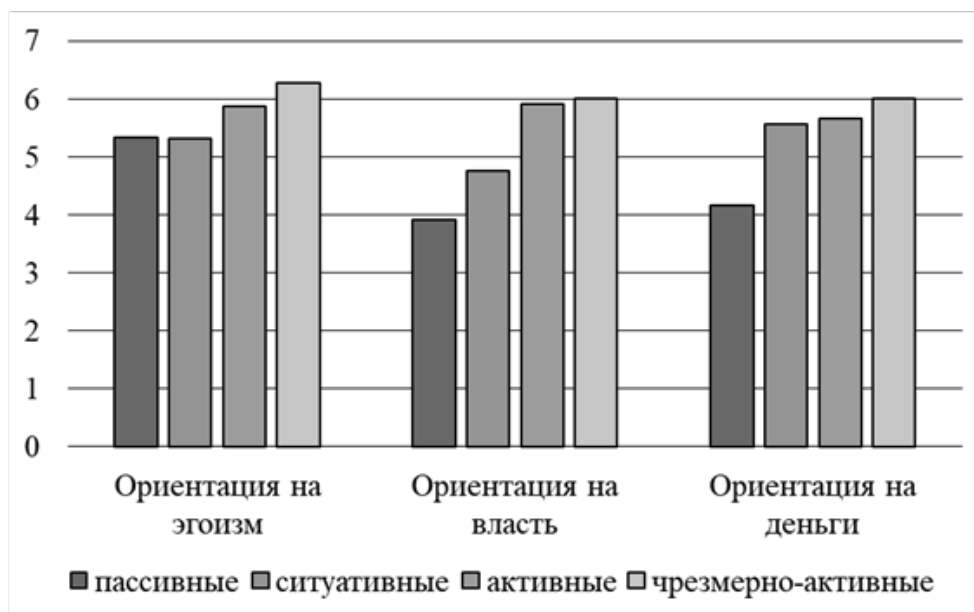

Рис. 2. Динамика шкал «Ориентация на эгоизм», «Ориентация на власть» и «Ориентация на деньги» при росте показателя интернет-активности

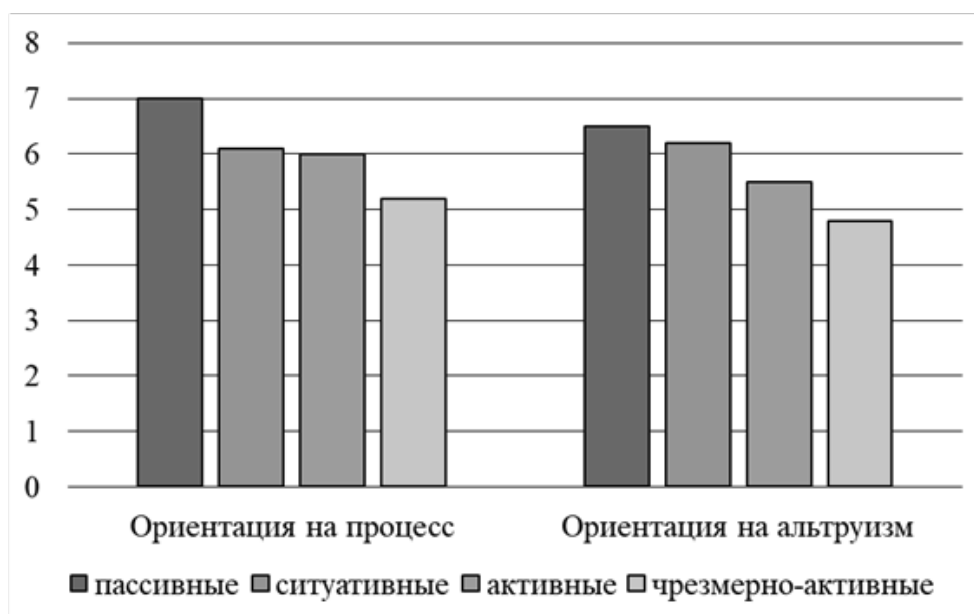

Рис. 3. Динамика шкал «Ориентация на процесс» и «Ориентация на альтруизм» при росте показателя интернет-активности

которую нужно преодолеть. Такие испытуемые для обеспечения своей свободы готовы пренебрегать другими своими интересами, чтобы отстоять свою автономность.

Ориентация «На власть» отображает степень значимости власти, как социально-психологической установки. У респондентов с высокими показателями по данной шкале отмечается желание контроля над другими участниками процесса социального взаимодействия. Для таких испытуемых представляет ценность высокий статус и авторитет, позволяющие влиять на социум и других

людей.

В ходе анализа результатов исследования было выявлено, что по мере роста уровня интернет-активности респондентов повышается выраженность ряда социально-психологических установок, таких как «Ориентация на эгоизм», «Ориентация на власть» и «Ориентация на деньги». Исходя из этого, можно отметить наличие зависимости между уровнем интернет-активности и данных компонентов ценностно-смысловой сферы личности. Таким образом, можно отметить, что с ростом уровня

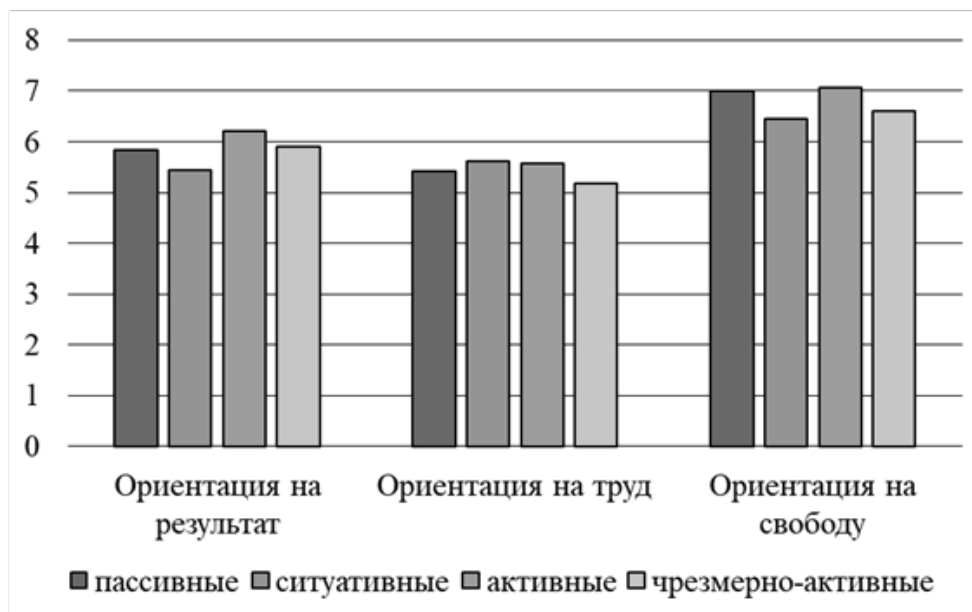

Рис 4. Динамика шкалы «» при росте показателя интернет-активности

интернет-активности у респондентов повышается желание достигать статуса для получения власти над другими людьми, повышать уровень собственного благосостояния и ориентироваться в первую очередь на собственные потребности и цели в ущерб другим участникам социального взаимодействия (рис. 2).

Также в ходе анализа результатов исследования было выявлено, что по мере роста уровня интернет-активности респондентов снижается выраженность ряда социально-психологических установок, таких как «Ориентация на процесс» и «Ориентация на альтруизм». Исходя из этого, можно отметить наличие зависимости между уровнем интернет-активности и данных компонентов ценностно-смысловой сферы личности. Таким образом, можно отметить, что с ростом уровня интернет-активности у респондентов снижается желание ориентироваться на процесс выполнения той или иной работы, а также нивелируется стремление оказывать помощь и поддержку другим участникам социального взаимодействия (рис. 3).

В ходе анализа результатов исследования также было выявлено, что по мере роста уровня интернет-активности респондентов неизменным остается выраженность ряда социально-психологических установок, таких как «Ориентация на результат», «Ориентация на труд» и «Ориентация на свободу». Исходя из этого, можно отметить отсутствие зависимости между уровнем интернет-активности и данных компонентов ценностно-смысловой сферы личности. Таким образом, можно отметить, что с ростом уровня интернет-активности у респондентов остается неизменным желание добиваться результата деятельности любыми путями, восприятие труда как

ценности и стремление ощущать свободу и независимость в процессе общения с другими участниками социального взаимодействия (рис. 4).

Выводы.

1. Ценностно-смысловая сфера личности представляет собой посреднический элемент между внутренним миром человека и социальной средой, которая его окружает. Ценностные и смысловые ориентации оказывают прямое влияние на развитие личности и выбор ею способов активности и деятельности.

2. Ценностно-смысловая сфера является комплексом характеристик, таких как субъективность (основанная на личном опыте), осознанность, комплексность, иерархичность и т.д. Эти свойства детерминируют особенности ее динамики с помощью ряда таких механизмов, как рефлексия, интернализация, экстернализация, индивидуализация, адаптация и т.д. При этом ценностно-смысловая сфера выступает в роли личностного конструкта, который определяет характер внутренних социокультурных ориентиров на определенный образ жизни.

3. С ростом уровня интернет-активности респондентов повышается выраженность ряда социально-психологических установок, таких как «Ориентация на эгоизм», «Ориентация на власть» и «Ориентация на деньги»; снижается значимость таких социально-психологических установок, таких как «Ориентация на процесс» и «Ориентация на альтруизм» и неизменным остается степень проявления ряда социально-психологических установок, таких как «Ориентация на результат», «Ориентация на труд» и «Ориентация на свободу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев Б.С. Структура ценностного мира личности: фундаментальные ценности / Б.С. Алишев // Профессиональное образование. Казанский педагогический журнал. – 2000. – № 1. – С. 28-35.
2. Братусь Б.С. Аномалии развития личности / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 301 с.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – Москва : Издательство МГУ, 1984. – 200 с.
4. Васьгина Н.Н. Человек как субъект социокультурного пространства / Н.Н. Васьгина // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 7-15.
5. Галажинский Э.В. Проблема уровней самореализации человека: ценностно-смысловой контекст / Э.В. Галажинский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. – Москва : Институт психологии РАН, 2008. – С. 123-147.
6. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство) / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1999. – 38 с.
7. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации / А.И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2019. – №1. – С. 59-69.
8. Наумова Н.Г. Система ценностей человека как объект лингвистического исследования / Н.Г. Наумова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 1. – С. 237-244.
9. Ольшанский В.Б. Личность и социальные ценности / В.Б. Ольшанский. – Москва: Просвещение, 1965. – 530 с.
10. Шерковин Ю.А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы / Ю.А. Шерковин // Психологический журнал. – 1982. – Т.3. – №5. – С. 235—145.
11. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

© Зекерьяев Руслан Ильвисович (ruslan51291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет

ВЛИЯНИЕ ТИПА ПРИВЯЗАННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Исакова Татьяна Васильевна

клинический психолог, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
 yana.f.2020@list.ru

THE INFLUENCE OF THE TYPE OF ATTACHMENT ON THE FORMATION OF THE PERSONALITY AND PECULIARITIES OF THE CONSTRUCTION OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS OF THE ADULT

T. Isakova

Summary: The article focuses on the problems of studying the influence of the type of attachment on personality formation and the specifics of structuring interpersonal relationships in adulthood. The author approaches the solution of this problem by determining the type of attachment of a person, analyzing its properties and characteristics in conjunction with the main factors that determine the corresponding type of attachment, as well as by comparing the characteristics of a person and the properties of interpersonal relations characteristic of the structure and features of its integration. The article identifies the main types of attachment, personal characteristics of the representatives of the studied groups, depending on the type. The author investigated the specificity of interpersonal relations of representatives of each type of attachment.

Keywords: type of attachment, personality traits, personality formation, specificity of interpersonal relations, adults.

Аннотация: В статье актуализируется проблематика исследования влияния типа привязанности на формирование личности и специфику структурирования межличностных взаимоотношений во взрослом возрасте. Автор подходит к решению данной проблемы путем определения типа привязанности личности, анализа ее свойств и особенностей во взаимосвязи с основным факторами, обуславливающими соответствующий тип привязанности, а также путем сопоставления характеристик личности и свойств межличностных отношений, характерных для структуры и особенностей ее интеграции. В статье выявлены основные типы привязанности, личностные особенности представителей исследуемых групп в зависимости от типа. Автором исследована специфика межличностных отношений представителей каждого типа привязанности.

Ключевые слова: тип привязанности, особенности личности, формирование личности, специфика межличностных отношений, взрослые.

Проблематика трансмиссии типа привязанности из одного типа отношений в другой является в настоящее время достаточно дискуссионной, что предопределяет теоретико-методологическое и практическое обогащение теории привязанности и практики формирования паттернов взаимодействия в вопросах устойчивости/стабильности отношений личности на различных возрастных этапах [2; 6].

Теоретические и практические исследования данной сферы связывают первый коммуникационный личностный опыт с так называемым «выбором» психики субъекта отношений одного из их [отношений] типов, на основе которого продолжает регулироваться спектр связей и взаимодействий, в которые данная личность социально интегрируется. Тип привязанности в процессе последующей жизнедеятельности определяет специфику и характер процесса построения и структуры тех межличностных отношений, в которых взаимодействует взрослый человек, а именно в сфере учебной и профес-

сиональной деятельности; самореализации и саморазвития; общения с друзьями, родственниками, близкими и знакомыми/незнакомыми людьми; становления в творческой деятельности и т.п., т.е. выступает, во многом определяющим, фактором положительной социализации личности в процессе взросления и развития [4].

Говоря о родительской заботе, которая с самых первых лет жизни ребенка становится фактором, обуславливающим формирование базового доверия к окружающей действительности, необходимо отметить, что степень ее [заботы] проявления и включенности в отношения с самим ребенком опосредуют становление всей его последующей жизни. Нахождение взрослых/родителей в поле изначального восприятия ребенком мира обеспечивает ощущение целостности, теплоты и наполненности того пространства, в котором ребенок учится общаться, взаимодействовать, раскрываться и воспринимать себя в единстве этих социальных взаимодействий. Только в таком качестве родительской заботы

можно говорить о положительной социализации личности, о слиянии социализации и воспитания в единый процесс, обеспечивающий дальнейшее успешное социальное взаимодействие.

Истоки привязанности лежат в плоскости детско-родительских взаимоотношений, а именно взаимоотношений с матерью, которая является некой исходной генетически первичной субстанцией/началом, присутствующей в сознании ребенка. Существование мамы как источника чувствования защищенности, поддержки, безопасности, эмоциональной близости и т.д. порождает в сознании ребенка неосознанное знание уникальности собственной личности, целостности единства с окружающим миром, которые проецируются на характер формирующихся взаимоотношений. Эталонность этих отношений априори присутствует в связи «мама-ребенок» и определяет развитие коммуникативных поведенческих паттернов, основанных на подражании этим связям, межличностной оценке дальнейших форм отношений и их содержания. Связь «мама-ребенок» выполняет не только роль истока привязанности, но и систематической «энергетической подпитки», к которой ребенок всегда возвращается в процессе исследования и познания мира.

На зарождение и формирование структуры, а также трактовку значения привязанности представители научной области психологии имеют различные взгляды: некоторые из них полностью сходны с положениями теории привязанности, некоторые характеризуются принципиальными отличиями, в контексте которых наследие психодинамически ориентированных школ основывается на теорию влечения, формирование аддиктивных связей. В этой структуре связь «мама-ребенок» обуславливается психическими процессами слияния, в которых оба субъекта не дифференцированы изначально. В ходе первичной социализации ребенок начинает интрапсихически выделяться, индивидуализируясь в первичном микросоциуме.

Напротив, теория привязанности актуализирует внимание на отчетливом восприятии ребенком мамы, которое происходит в течение первого года жизни и формирует соответствующую взаимосвязь, не являющуюся, однако, изначально симбиотической. Теория привязанности Д. Боулби сфокусирована на привязанности как системе внутренней регуляции, механизмы которой «запускаются» через контакт с матерью. Специфика же этого контакта опосредует формирование различных паттернов привязанности.

Как мы уже говорили ранее, опыт первичных отношений ребенка с мамой основывается на необходимости ощущать так называемую защитную близость. Если в рамках первичных взаимоотношений ребенок полу-

чает чувство защищенности, то становится способным переключать свое внимание на окружающий мир, актуализировать себя в нем. Позднее удовлетворение эмоциональной близости с матерью формирует у ребенка способность переключаться на собственные личностные ресурсы, быть устойчивым и уверенным в различных ситуациях. Это позволяет полноценно реализоваться той исследовательской активности личности, на основе которой формируется вся последующая система связей и отношений, в которые интегрируется личность в процессе жизнедеятельности.

Необходимо отметить, что в детском возрасте система привязанностей резко активизируется в случае возникновения ощущения тревоги, опасности, дискомфорта и пр. В этих условиях контакт с матерью и его качество обеспечивают своеобразный психологический комфорт, влияющий на успешную положительную социализацию и способность ребенка выстраивать межличностные отношения в контексте социального взаимодействия.

Таким образом, проблематика взаимосвязи типа привязанности и формирования межличностных отношений личности во взрослом возрасте является актуальной в плане исследования практической сферы социализации и социальной адаптации личности, а также успешности раскрытия личностного потенциала, обеспечивающего стабильность и устойчивость отношений в различных субъект-субъектных и субъект-объектных связях/системах [1; 3].

Данная проблема находит широкий отклик в научных исследованиях фундаментального и инновационного характера. Так, следует особо отметить труды J. Bowlby, в которых автор анализирует и раскрывает с позиций «системы поведения привязанности» вектор, направляющий человека в его поведенческих паттернах взаимодействия и привычках формирования и поддержания отношений [7; 8].

Вопросами терапии нарушений привязанности посвящены исследования К.Н. Brisch, К. Kronenberg [9].

Практическим и теоретическим аспектам теории привязанности в исследовании межличностных отношений детей и взрослых, а также вопросам моделирования поведения посвящены работы Л.В. Жихаревой, Ю.А. Задоровой, А.В. Липкина, Н.В. Сабельниковой и др. [1; 2; 3; 5].

Говоря о структуре привязанности в контексте концепции Дж. Боулби и его последователей, необходимо отметить значимость трех основных ее [структуры] компонентов, а именно:

- когнитивный компонент, аккумулирующий признаки тождества образов и представлений, связанных с матерью и характером отношений с ней;

- эмоциональный компонент, в основе которого нужно рассматривать как ощущения и чувства, связанные с качеством заботы (о ребенке), так и реакции самого ребенка, «адресованные» матери (реакции могут связаны с потребностями, удовлетворенностью и т.д.);
- поведенческий компонент, опосредуемый реакциями ребенка в действии [7; 8].

В течение жизни, когда личность приобретает определенный опыт самостоятельности, привязанность не исчезает. Она преодолевает качественные трансформации, становится более сложной по форме проявления содержанию и пр. Сложный спектр эмоций, чувств, связей и отношений проецируется на характер взаимодействия с другими членами социума и отражает «источковое» содержание привязанности: эмоциональное принятие, защищенность и конформность способствуют формированию добрых и открытых отношений к миру, одновременно несущих самостоятельность, ответственность и самореализованность; травма или утрата (потеря матери, негативные отношения, избегание и т.п.) формируют замкнутость, подверженность глубокой депрессии, аддикциям, нарушениями психического развития личности и т.п.

Таким образом, тип привязанности оказывает достаточно серьезное воздействие на формирование межличностных отношений во взрослом возрасте, а также способность личности к преодолению соответствующих психологических барьеров в выстраивании отношений.

Возрастающий интерес к проблеме исследования определили направленность исследования, его задачи, методический замысел.

Выборку исследования составили взрослые ($n=109$) в возрасте 25-30-ти лет. Исследование носит экспериментально-аналитический характер. В исследовании использовались следующие методы и методики: теоретического анализа научной и специальной отечественной и зарубежной литературы; мультиметодический подход, включающий определение типа привязанности согласно экспериментальной процедуре по методике M.D. Ainsworth с опорой на положения теории Дж. Боулби и использование вербальных и символических репрезентаций, а также наблюдение, эксперимент, исследование специфики межличностных отношений и соответствия «Я-структуры» актуального и идеального по методике Т. Лири.

Так, на сегодняшний день область социальной психологии исследует следующие основные типы привязанности (определение типа согласно экспериментальной процедуре по методике M.D. Ainsworth с опорой на положения теории Дж. Боулби) [5]:

- *надежный тип* ($n=35$), в рамках которого личность демонстрирует уверенность в поддержке со стороны близких, окружающих, а также самосознает себя как субъекта направленного уважения, любви, заботы и т.п.; личность, характеризуемая с позиций надежного типа привязанности, формируется в устойчивых границах доверительности к окружающей действительности, транслирует доверчивость, открытость и интерес к другим субъектам социального окружения; на этапе взросления такой человек укрепляется в положительном отношении к другим членам социума, демонстрирует устойчивость поведенческих и психоэмоциональных реакций, но тем, не менее, испытывает легкий дискомфорт при отсутствии человека, к которому существует привязанность; однако, тем не менее, необходимо отметить, что отсутствие близкого окружения не влияет деструктивно на существование и коммуникативный социальный контакт данной личности, поскольку познавательный социальный интерес и видение потенциала для развития в окружающем мире формирует достаточно активную социально-исследовательскую позицию такого человека; обладая (в процессе социализации) «здоровой», умеренной тревожностью, эмоциональной устойчивостью и положительным восприятием окружающей действительности, люди с надежным типом привязанности характеризуются положительным «Я-образом» и удовлетворяющей их «Я-концепцией», которая, в свою очередь демонстрирует незначительную разницу «Я-актуального» и «Я-идеального» образов в процессе самовосприятия (88,57% от общего числа респондентов с надежным типом привязанности согласно методике Т. Лири в исследовании межличностных отношений); это позволяет личности успешно развиваться и самореализовываться; необходимо отметить, что данная категория людей является наиболее адаптивной в сфере формирующихся связей, что выражается в проявлении позитивного взаимодействия, определяемого в большинстве случаев как дружелюбный тип межличностных взаимоотношений (дружелюбный сотрудничающий, гибкий – 74,28%; эмоционально-лабильный – 14,29%; альтруистический ответственный отзывчивый – 11,43%);
- *тревожно-избегающий тип* ($n=23$); данный тип привязанности имеет психологические корни в сформированных отношениях «холодного» типа, при которых установление тесного контакта не является желательным для личности; привязанность для таких людей существует в ипостаси стрессовой неопределенности, избегая состояние которой данная категория людей отчуждает помощь окружающих, но, тем не менее, с возникающим стрессом зачастую не справляется; для

данной категории людей характерны: отсутствие «живых» эмоциональных реакций, своеобразная свернутость чувств, хотя это не говорит о том, что они их не ощущают; среди таких людей встречаются аддикты избегания, стремящиеся полагаться только на себя; при формировании межличностных отношений среди таких людей во взрослом возрасте наиболее часто встречаются подозрительный отчужденный тип (47,83%), критичный необщительный с характерными трудностями в интерперсональных контактах (30,43%), критичный по отношению к окружающему социуму (21,74%), хотя бывают и проявления признаков скрытого агрессивного упрямого типа, проявляющегося в смешанности типовых признаков (13,04%);

- *тревожно-устойчивый или амбивалентный тип* (n=17); будучи определяемой данным типом привязанности, личность характеризуется недостаточной уверенностью в себе, что может выражаться в высокой фрустрированности; это предопределяет необходимость всегда иметь рядом объект, дающий поддержку и помощь; данный тип людей, как правило, даже во взрослом возрасте трудно назвать эмоционально устойчивыми, что проявляется в несдержанности реакций, влекущих за собой дистанцирование окружающих от данного личностного типа; даже временное нахождение без объекта, обеспечивающего поддержку, привносит в состояние такой личности ощущения неустойчивости в окружающем мире, опасности, что выступает предиктором возникновения чувства обиды и агрессии на объект; необходимо также отметить что и среди данной категории людей встречаются аддикты избегания, демонстрирующие своеобразные «защитные инстинкты» по отношению к людям, проявляющим интерес; характеристика межличностных отношений, которые могут формироваться во взрослом возрасте людей с таким типом привязанности, как правило, находится в следующих границах: ярко выраженный зависимый (17,65%) и подчиняемый (29,41%) типы взаимоотношений, в которых присутствуют такие основные признаки как неуверенность, высокая тревожность, навязчивость и опасения, во втором случае – слабовольность, пассивность, стремление найти опору и пр.; также среди людей с данными типом привязанности встречаются и сочетания «агрессивно обвиняющий + подозрительный критичный + подчиняемый/зависимый» (23,53%) и «зависимый + дружелюбный истероидный» (29,41%); необходимо также отметить, что на характер межличностных взаимоотношений таких людей достаточно серьезное влияние оказывает характер реакций на идентичные стимулы, динамика настроения и пр.,

что мешает формироваться устойчивым стабильным уверенным отношениям;

- *дезорганизованная или деструктивная привязанность* (n=5); в основном данный тип привязанности характерен для людей, которые имели в детстве психологическую травму или утрату, что сформировало у них устойчивое глубокое стрессовое состояние покинутости; это состояние, трансформированное в последствии в постоянное агрессивно-оборонительное пребывание по отношению к социальной действительности, не позволяет личности преодолеть до конца длительные депрессивные внутренние реакции; уровень качества жизни, в которой не было необходимых такому человеку заботы, тепла и любви, во взрослом возрасте зависит от характера их реакций на происходящее, соотносимых с возникновением чувства разочарования, готовности к угрозе (когда ее не существует) и т.п.; в связи с этим, межличностные отношения во взрослом возрасте также могут характеризоваться непредсказуемостью их реакций; деструктивно выраженные личностные особенности данной категории людей определяют их высокий уровень тревожности, низкий уровень нервно-психической устойчивости, высокий уровень фрустрации, что сопровождается еще и невротичностью, неспособностью управлять эмоциями, систематически возникающими страхами и пр.; данная группа людей весьма трудно интегрируется в какие-либо межличностные отношения поскольку с одной стороны, избегают их, а с другой, демонстрируют неадекватное поведение, сопровождающееся требованиями признаний, доказательств чувств и т.п., чем отталкивают других субъектов/участников взаимоотношений; межличностные взаимодействия, обычно, сопровождаются проявлениями со стороны такой личности агрессией, высоким уровнем зависимости от других людей и т.д.; среди них, как правило, встречаются резко неуверенные зависимые в отношениях (40,0%), агрессивный подчиняемый (60,0%), а также имеющие признаки вербальной асоциальной жесткости (20,0%);
- *смешанный тип привязанности* (n=29); данный тип привязанности рассматривается как тип синтетический и характеризуется средними модельными характеристиками, проявляющимися во всех вышерассмотренных типах; необходимо отметить, что для данной категории людей различные обстоятельства могут выступать факторами, определяющими тип поведенческой реакции, которая сложилась на типичные обстоятельства в детстве, например, замена «живых» отношений с близкими на виртуальное общение в Интернет-среде может провоцировать спокойную реакцию на отсутствие близкого, но агрессивную

реакцию на запрет коммуникации с виртуальным собеседником; среди испытуемых, отнесенных к категории с данным типом, были выявлены: а) достаточно целостные личности со сниженным (неполезным) уровнем тревожности, что обуславливало отсутствие потребности разбираться в различных сложившихся ситуациях, неготовности к решению возникающих проблем и пр. (44,83%); б) инертные, ригидные, не имеющие сформированной мотивации к саморазвитию и восприятию чего-либо нового в отношениях, жизни и т.д. (55,17%); обычно и тот, и другой тип в формирующихся межличностных отношениях не характеризуются открытостью, способностями к коммуникативной самопрезентации, самораскрытию, будучи, как правило, достаточно обособленными и не уверенными во взаимном интересе других субъектов отношений; данная категория людей в взрослом возрасте, обычно, является интегрированной в такие межличностные отношения как: подозрительный замкнутый скептический (в основном, представители подгруппы б) смешанного типа привязанности – 31,03%); подозрительный отчужденные недовольный (37,93%); подчиняемы уступчивые пассивный (в основном, представители подгруппы а) смешанного типа привязанности – 31,04%).

Таким образом, подводя итоги исследования, необходимо отметить следующее:

- нахождение взрослых/родителей (в системе отношений «мама-ребенок» как отношений первичной социализации) в поле изначального восприятия ребенком мира обеспечивает ощущение целостности, теплоты и наполненности того пространства, в котором ребенок учится общаться взаимодействовать, раскрываться и воспринимать себя в единстве этих социальных взаимодействий;
- истоки и значение привязанности связывают с оформлением первоначальных чувств защищен-

ности, поддержки, безопасности, эмоциональной близости и т.д., которые порождают в сознании ребенка неосознанное знание уникальности собственной личности, целостности единства с окружающим миром, проецирующихся в дальнейшем на характер формирующихся взаимоотношений;

- тип привязанности психологически раскрывается в контексте системы внутренней регуляции, механизмы которой «запускаются» через контакт с матерью, и имеет следующую структуру: когнитивный компонент, эмоциональный компонент, поведенческий компонент;
- первичный контакт с матерью и его дальнейшее качество обеспечивают своеобразный психологический комфорт, влияющий на успешную положительную социализацию и способность ребенка выстраивать межличностные отношения в контексте социального взаимодействия во взрослом возрасте;
- среди респондентов, принявших участие в исследовании, 32,11% составили представители надежного типа привязанности, которые способны к интеграции в межличностные отношения конформного характера, дружелюбного, а также альтруистического типов. 67,89% (n=74) характеризовались ненадежными типами привязанности, что определило характер складывающихся во взрослом возрасте межличностных взаимоотношений, характеризующихся подозрительным, подчиняемым, зависимым и агрессивным типами.

Следует также отметить, что личностные свойства и черты личности, развивающейся и социализирующей в рамках определенного типа привязанности оказывают существенное влияние на специфику формирующихся межличностных отношений во взрослом возрасте, что, однако, не является непреодолимым для данной личности. Важным здесь является фактор психологической помощи и готовности самой личности к самопреобразованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жихарева, Л.В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты / Л. В. Жихарева // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 144-154.
2. Задорова, Ю.А. Трансляция паттернов привязанности в поколениях семьи / Ю.А. Задорова, Е.В. Куфтяк // Медицинская психология в России. – 2017. – № 2. – С. 10-18.
3. Липкин, А.В. Субъект-субъектные отношения. Отношения между мужчиной и женщиной [Электронный ресурс] / А.В. Липкин. – 2019. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/blog/razvodotnozenielab/>
4. Озолина, О.Я. Теория привязанности в рамках менеджмента личности / О.Я. Озолина // Молодой ученый. – 2020. – № 24 (314). – С. 493-495.
5. Сабельникова, Н.В. Методы исследования привязанности в процессе возрастного развития в современной зарубежной психологии / Н.В. Сабельникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2008. – № 3. – С. 36-47.
6. Чиркова, И.Н. Концепт «Привязанность» в координатах пространства и времени / И.Н. Чиркова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – № 2. – С. 47-50.

7. Ann Gath (2018). Child Care and the Growth of Love: John Bowlby, *British Journal of Psychiatry*: Published online by Cambridge University Press, Pp. 579-580.
8. Courtney E. Ackerman (2020). What is Attachment Theory? Bowlby's 4 Stages Explained [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://positivepsychology.com/attachment-theory/>
9. Karl Heinz Brisch, Kenneth Kronenberg (2004). *Treating Attachment Disorders: From Theory to Therapy*, Guilford Press, 294 p.

© Исакова Татьяна Васильевна (yana.f.2020@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ПРЕОДОЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ. РОЛЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ПСИХОКОРРЕКЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Коновалова Анастасия Вадимовна

старший преподаватель, Российский Государственный
Гуманитарный Университет
konanavad@gmail.com

REVIEW OF MODERN PSYCHOLOGICAL PROGRAMS FOR OVERCOMING ACADEMIC PROCRASTINATION OF STUDENTS IN A UNIVERSITY STUDY ENVIRONMENT. THE ROLE OF TEACHERS IN THE PSYCHOCORRECTIONAL PROCESS

A. Konovalova

Summary: All people, to one degree or another, tend to postpone things for later, but part of the population in the scientific literature is called «chronic procrastinators», which are characterized by constant postponement of significant tasks in everyday, professional and academic activities [16, p178]. At the heart of procrastination is a complex combination of biological, psychological and sociocultural factors that are not fully explored, despite the abundance of scientific publications [37, p.1179; 41, p. 1415]. The most common form of procrastination is academic procrastination, common among schoolchildren and students. Sabotage of learning harms not only the quality of education, but also affects the mental health of young people, the quality of their future professional activities, as well as indirectly affects the satisfaction with the work of the teaching staff.

Keywords: procrastination, academic procrastination, the role of the teacher in reducing student procrastination, psychocorrection of procrastination.

Аннотация: Всем людям в той или иной степени свойственно откладывать дела на потом, но часть популяции в научной литературе называют «хроническими прокрастинаторами», для которых характерно постоянное откладывание значимых задач в бытовой, профессиональной и академической деятельности [16, p178]. В основе прокрастинации лежит сложная комбинация биологических, психологических и социокультурных факторов, которые не до конца исследованы, не смотря на обилие научных публикаций [37, p.1179; 41, p.1415]. Наиболее распространённой формой откладывания является академическая прокрастинация, свойственная школьникам и студентам. Саботаж обучения вредит не только качеству образования, но также влияет на психическое здоровье молодых людей, на качество их будущей профессиональной деятельности, а также опосредованно касается удовлетворенности работой профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова: прокрастинация, академическая прокрастинация, роль преподавателя в снижении прокрастинации студентов, психокоррекция прокрастинации.

Обилие исследований, посвященных поиску факторов формирования и поддержания прокрастинации, не дают пока полного представления о ее природе [76, p.28]. Очевидным является то, что прокрастинаторы испытывают дистресс [8, p.228] и хотели бы преодолеть откладывание [34, p.131]. Не смотря на пугающую распространённость и негативное влияние откладывания на качество жизни людей (по данным Klingsieck, Grund, Schmid, & Fries около 70% современных студентов являются хроническими прокрастинаторами), на сегодняшний день нет четких научно обоснованных протоколов преодоления прокрастинации, которые могли бы эффективно применяться практикующими психологами, нет рекомендаций для учителей, преподавателей вузов и тьюторов [37, p.1180]. В большом количестве фундаментальных исследований описываются разного рода

негативные последствия прокрастинации [13, p.252], однако работ, посвященных внедрению и анализу эффективности психокоррекционных программ, направленных на преодоление откладывания, за рубежом единицы [9, p.400]. В России таких исследований на данный момент нет совсем.

Академическая прокрастинация

В большинстве публикаций прокрастинация рассматривается как устойчивая черта личности или как стилевая характеристика деятельности. Ряд авторов предполагает, что академическая прокрастинация чаще встречается среди студентов младших курсов и уменьшается к окончанию обучения [15, p.82]. Можно предположить, что данная закономерность объясняется тем,

что молодые люди в начале обучения обладают менее развитыми навыками саморегуляции, переживают адаптацию к новым условиям обучения, не имеют достаточных навыков планирования своего времени. Возможно, по мере взросления у студентов есть шанс преодолеть откладывание, и прокрастинация не превратится в образ жизни и не генерализируется с обучения на другие виды деятельности [6,р.395].

Вероятно, высокий показатель прокрастинации на младших курсах связан с удлинением периода детства у современного поколения, а, соответственно, с наличием таких психологических характеристик детства, как незрелость эмоционально-волевой сферы, неустойчивость смысловых ориентиров и т.д. Во многих исследованиях последних лет период старшего подростничества определяется возрастными рамками от 14 до 21 года, период юности – до 30 лет [1, с. 542]. Очевидно, что программы психолого-педагогической помощи должны быть направлены именно на эту аудиторию. Стоит упомянуть несколько изначальных сложностей в реализации подобного начинания. Во-первых, студенты, как правило, не идентифицируют прокрастинацию как проблему. Во-вторых, даже осознав трудность молодые люди, финансово зависимые от родителей, не имеют возможности обращаться к частнопрактикующим психологам, а государственные психологические службы есть не во всех ВУЗах. В-третьих, профессорско-преподавательский состав, как правило, не знаком с проблемой прокрастинации, не ориентирован на помощь студентам, а предпочитает скорее транслировать знания. И, наконец, самое важное – на данный момент нет проверенной и простой программы преодоления академической прокрастинации.

Академическая прокрастинация – явление системное, она не просто проблема конкретного студента. Откладывание или саботаж учебных задач студентом приводит к изменению стиля учебной деятельности его одногруппников, влияет на межличностное общение и психологический климат в коллективе, на эмоциональную сферу преподавателей. В последние годы в научной литературе прокрастинация все чаще понимается как проблема саморегуляции [28,р.207]. Саморегуляция имеет мощный биологический фундамент, в социальном плане требует формирования определенных навыков, которым молодых людей нигде целенаправленно не обучают [44,р.68]. При этом стратегии саморегуляции достаточно разнообразны, к ним можно отнести когнитивные, метакогнитивные, эмоциональные и поведенческие. Перед субъектом стоит задача осознанно использовать некоторый набор стратегий для повышения эффективности своей деятельности. Студенты, по всей видимости, с этой задачей не справляются как в силу подросткового возраста, так и из-за отсутствия необходимых знаний, подготовки, внешней поддержки [27,р.388]. Как правило,

в колледжах и вузах поддержка студенчества отсутствует совсем или невелика, и ребята остаются с проблемой саморегуляции один на один [43,р.109].

Интересно, что частота проявлений академической прокрастинации не зависит от культуры, пола, гендера, национальности [16,р.920; 24,р.37]. Академическая прокрастинация касается всех форм учебной деятельности: подготовки к семинарским занятиям, экзаменам, написанию эссе и курсовых работ, в результате выливается в низкую успеваемость, академическую задолженность [22,р.47; 1,р.8; 7,р.202; 14,р.121].

В самом масштабном на данный момент аналитическом обзоре исследований прокрастинации отмечается, что прокрастинация входит в состав такой личностной черты как добросовестность и отрицательно взаимосвязана с психологическим благополучием, осмысленностью жизни. Коррелятами прокрастинации выступают импульсивность, особенности мотивационной сферы и ряд характеристик самих учебных задач [10,р.407]. Основываясь на теории временной мотивации, Steel [35,р.65;36,р.78] предположил, что люди будут откладывать выполнение задачи, если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

- субъект не верит в успешность решения задачи;
- предполагается, что процесс решения будет неприятным, а результат не будет представлять ценности;
- присутствует длинный временной интервал между выполнением задачи и получением какой-либо значимой выгоды от ее решения (награды).

Исследования, проведенные в русле когнитивно-поведенческого направления, обнаружили многочисленные взаимосвязи академической прокрастинации с внутренними установками. Так для прокрастинаторов характерны большее количество негативных автоматических мыслей [8,р.228], низкая мотивация достижений, негативные мысли о себе, низкая самооценка [35,р.47], снижение концентрации внимания [34,р.242] страх неудачи [13,р.257], низкие способности планирования деятельности [12,р.1173], узкий репертуар адаптивных реакций [30,р.288] снижение психофизиологического ресурса [10,р.411] и нарушение исполнительных функций [29,р.352]. В других исследованиях подчеркивались негативные последствия академической прокрастинации: неблагоприятное поведение в отношении собственного здоровья, ухудшение самочувствия, низкая успеваемость, добровольная социальная изоляция, избегание близких отношений [15,р.31; 20,р.63; 35,р.240; 38,р.57].

Шроу, Уодкинс и Олафсон [33,р.12] провели масштабное исследование прокрастинации с целью выяснения ее связи с успеваемостью. Результаты показали, что ака-

демократическая прокрастинация в некоторых случаях может иметь адаптивный аспект. В самоотчетах части студентов прокрастинация описывалась как осознанное решение отложить деятельность для того, чтобы сэкономить ресурсы, более грамотно распределить время, повысить эффективность деятельности на финишной прямой. Эти студенты не описывали негативные последствия прокрастинации ни в форме субъективно переживаемого дистресса, ни в виде снижения академической успеваемости. Авторы также обнаружили, что студенты иногда прокрастинировали намеренно, чтобы улучшить общее качество жизни. Они достаточно спокойно себя чувствовали в течение семестра, могли позволить себе свободное время, любимые занятия, а в конце семестра испытывали рост напряжения на протяжении двух-трех недель. Можно предположить, что эти студенты использовали эмоциональное напряжение для повышения своей мотивации и эффективности решения субъективно неприятных задач. Данные выводы согласуются с другими исследованиями, авторы которых предполагали, что академическая прокрастинация при общей отрицательной характеристике имеет некоторые адаптивные аспекты.

Позднее Corkin, Shirley, and Lindt [4, p.603], Klingsieck et al. [19, p.407] утверждали, что прокрастинация никаким образом не может сосуществовать с академической успешностью, а в обозначенных выше исследованиях авторы описывают скорее феномен функциональной или стратегической задержки, а не академической прокрастинации. Функциональная или стратегическая задержка предполагает, что субъект обладает развитой волевой регуляцией, он намеренно затягивает деятельность, сохраняя при этом и высокую мотивацию и уверенность в своих силах. Прокрастинирующие студенты не имели четких планов задержки работы, откладывая задачу, демонстрировали дистресс, сниженную самооценку [21, p.48].

В исследовании, посвященном изучению причин и последствий академической прокрастинации, Grunschel, Patrzek и Fries [11, p.852] опросили 36 студентов и выявили внутренние и внешние причины академической прокрастинации. Внутренние причины включали восемь категорий: аффективные, психофизиологические, поведенческие характеристики, когнитивные установки в отношении личной компетентности, личностные особенности, ряд психологических особенностей, прошлый опыт обучения, воспринимаемые характеристики учебных задач. Внешние причины – три категории: индивидуальные условия труда, характеристики преподавателей, особенности самого учебного заведения. Чаще всего откладывались задачи, которые субъективно воспринимались студентами как сложные, вызывающие отвращение, важные, требующие больших временных затрат. К характеристикам преподавателя, способствующим

прокрастинации студентов, были отнесены следующие: слишком расслабленный или слишком требовательный стиль преподавателя, неорганизованность, низкий уровень поддержки, низкий уровень компетентности, бескомпромиссность, неприятный внешний вид.

Что делать в случае выявления академической прокрастинации?

Существующая на данный момент литература предлагает скудные примеры психологических программ, направленных на решение проблемы академической прокрастинации. При этом в большинстве из них не проводилась оценка эффективности вмешательств с помощью рандомизированных контролируемых исследований [31, p.1488]. Различные методы, которые приводятся в программах, можно рассматривать только как переложение теорий академической прокрастинации, но не как результат системного подхода к интервенции.

Все психологические программы помощи в случае академической прокрастинации можно условно разделить на три направления: психотерапия академической прокрастинации; психопрофилактика академической прокрастинации; программы помощи с участием педагогов. Первые два подхода схожи в том, что они используют психотерапевтические техники в работе с прокрастинацией. Различаются они тем, что программы первого направления начинают реализовываться после того, как студент продемонстрировал прокрастинаторное поведение, в то время как психологическая профилактика направлена на предотвращение негативных последствий прокрастинации, например, профилактические курсы могут предлагаться студентам в начале семестра [24, p.37]. Третий подход заключается в том, чтобы обучить преподавателя реализации непсихологических методов снижения прокрастинации среди студентов.

Масштабная оценка эффективности основных психологических методов снижения прокрастинации была предпринята Balkis & Duru в 2007 году [2, p.380]. Авторы утверждают, что поведенческие методы терапии являются наиболее эффективными. Результаты были положительными как в терапевтической профилактике, так и в рамках коррекционных программ. Одним из примеров подобных исследований является оценка эффективности групповой программы, основанной на модели ABC А. Эллиса [23, p.125]. Программа состоит из пяти 90-минутных сессий, проводимых еженедельно. Она охватывает несколько блоков: изучение индивидуальных паттернов прокрастинации; когнитивная работа с иррациональными мыслями; поведенческая тренировка навыков продуктивной работы. Студенты, посещающие программу, показали значимое снижение академической и общей прокрастинации. Еще одно исследование [41, p.97] демонстрирует эффективную работу в условиях

групповой терапии. Студентов-участников учили, как победить прокрастинацию с помощью одной из двух программ. Первая программа была сфокусирована на модификации поведения с помощью управления внешними стимулами-предвестниками прокрастинации. Вторая программа была ориентирована на обучение студентов навыкам тайм-менеджмента. Участники обеих программ продемонстрировали как улучшение успеваемости, так и снижение прокрастинации.

В исследовании Scent & Boes сообщается об эффективности групповой программы, основанной на принципах терапии принятия и ответственности. В рамках этой программы студентам помогали опознать прокрастинацию как форму избегающего поведения, расширить репертуар копинг-стратегий, осознать свои личные цели и ценности, укрепить учебную мотивацию. По окончании программы у молодых людей уменьшилась академическая прокрастинация, улучшилась учеба, повысилась психологическая гибкость – черта отражающая возможность человека выбирать наиболее эффективный для ситуации стиль поведения.

Какими бы успешными не были перечисленные программы, у них есть ряд существенных ограничений. Во-первых, для их реализации необходимо привлекать профессиональных психологов-консультантов, во-вторых, программы не адаптированы для российских студентов и специалистов, в-третьих, данные программы реализуются в качестве отдельного курса, который не заложен в учебные планы университетов, предполагают добровольное обращение студентов, а далеко не все хронические прокрастинаторы осознают откладывание как проблему.

По этим причинам более предпочтительными являются программы третьего направления, реализуемые самими преподавателями, прошедшими краткое обучение. Таких программ немного, но они достаточно эффективны и просты в осуществлении, не предполагают наличие специальных психологических знаний и навыков, прохождения долгосрочного обучения в рамках психотерапевтических школ. Они могут быть реализованы без отрыва студентов от основного обучения и не требуют сложных диагностических мероприятий, подходят как для помощи уже страдающим прокрастинацией студентам, так и для профилактики откладывания. Кратко остановимся на том, о каких методах идет речь. Прежде всего, это рекомендации по контролю знаний. Так небольшие еженедельные проверочные работы или викторины помогают студентам оставаться в тонусе и осваивать программу дисциплины, не откладывая подготовку на сессионный период [40, р.142]. В рамках дистанционного обучения предлагается делать контрольные работы условием доступа к прохождению следующей части курса, использовать модульную систему органи-

зации курса, что позволяет не только снизить прокрастинацию, но и оценивать компетентность студентов на протяжении всего семестра, а также более эффективно составлять содержание итоговых испытаний по курсу [25, р.468]. Еще один инструмент предложили Strunk and Spencer [39, р.93]. В том случае, если студент не смог вовремя предоставить работы или плохо сдал сессию, в начале следующего семестра ему назначалась встреча с инструктором или тьютором курса, на которой обсуждались последствия прокрастинации, инструктор помогал студенту составить письменный план закрытия учебных задолженностей, план подписывался студентом и инструктором. Инструктор следил за реализацией плана и оказывал помощь в планировании деятельности в течение семестра. При оценке эффективности этого приема оказалось, что вовлеченные в программу помощи студенты, действительно сдали прошлые задолженности, в новом семестре получали более высокие оценки и не накопили долгов.

Стоит упомянуть еще одну программу, в которой использовалась система СМС оповещений для напоминания студентам о ежедневных заданиях и еженедельной отчетности [5, р.87]. Данная система была разработана на основе принципов оперантного обусловливания. Если преподаватель не фиксировал в системе факт сдачи задания, то СМС-сообщения продолжали поступать студенту и превращались в негативные раздражители, от которых хотелось избавиться [3].

К сожалению, среди программ снижения академической прокрастинации нет таких, целью которых было бы изменение преподавательского стиля или изменение методики преподавания курса. Кроме того, все перечисленные выше программы требуют реорганизации учебного плана, дополнительного финансирования, что может являться препятствием для их реализации.

Заключение

Обзор исследований академической прокрастинации дает возможность сделать некоторые выводы. Очевиден разрыв между распространённостью академической прокрастинации, обилием психологических исследований факторов ее развития и крайне скудным набором программ помощи [9, р.400]. Причин такого несоответствия может быть несколько: недостаточно четкое определение понятия академической прокрастинации; отсутствие доступных инструментов ее исследования, измерения и дифференциации от сходных явлений; разнообразие теоретических моделей, не позволяющее реализовать универсальную программу помощи; недооценка проблемы преподавателями и администрацией ВУЗов, а также самими студентами; сложности разработки и реализации программ помощи.

При организации программ помощи важно понимать, что прокрастинация может иметь разные причины. Это может быть поведение в связи с личностной характеристикой студента, в этом случае требуется индивидуальная психологическая помощь. Если речь идет о прокрастинации как следствии несформированности навыков планирования деятельности, то помощь таким студентам может быть оказана самими преподавателями или тьюторами. Если прокрастинация в данном образовательном учреждении носит массовый характер и связана с организацией учебного процесса, со стилем преподавателей, в этом случае требуется работа адми-

нистрации по устранению указанных причин.

Данная статья призвана привлечь внимание педагогов к проблеме прокрастинации у студентов и старших школьников, мотивировать их на то, чтобы самостоятельно разбираться с этим явлением и учитывать в рамках своей ежедневной работы. Воспитательная функция крайне важна в процессе работы преподавателей ВУЗа, педагоги несут профессиональную и личную ответственность за качество подготовки специалистов и они в силах помочь молодым людям учиться лучше, получать удовольствием от обучения и от будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: [тематический словарь-справочник] [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.Н.Майорова-Щеглова. М.: Изд-во РОС, 2018. 638 с
2. Balkis, M. (2011). Academic efficacy as a mediator and moderator variable in the relationship between academic procrastination and academic achievement. *Egitim Arastirmalari Eurasian. Journal of Educational Research*, 45, 1–16.
3. Balkis, M., & Duru, E. (2007). The evaluation of the major characteristics and aspects of the procrastination in the framework of psychological counseling and guidance. *Educational Sciences: Theory & Practice*, 7(1), 376–385.
4. Cooper, J.O., Heron, T.E., & Heward, W.L. (2007). *Applied Behavior Analysis*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
5. Corkin, D.M., Shirley, L.Y., & Lindt, S.F. (2011). Comparing active delay and procrastination from a self-regulated learning perspective. *Learning and Individual Differences*, 21(5), 602–606. doi:10.1016/j.lindif.2011.07.005
6. Davis, D.R., & Abbitt, J.T. (2013). An investigation of the impact of an intervention to reduce academic procrastination using short message service (SMS) technology. *Journal of Interactive Online Learning*, 12(3), 78–102.
7. Ferrari, J.R. (2001). Procrastination as self-regulation failure of performance: Effects of cognitive load, self-awareness, and time limits on 'working best under pressure'. *European Journal of Personality*, 15(5), 391–406. doi:10.1002/per.413.abs
8. Ferrari, J.R., Keane, S.M., Wolfe, R.N., & Beck, B.L. (1998). The antecedents and consequences of academic excuse-making: Examining individual differences in procrastination. *Research in Higher Education*, 39(2), 199–215.
9. Flett, G.L., Stainton, M., Hewitt, P.L., Sherry, S.B., & Lay, C. (2012). Procrastination automatic thoughts as a personality construct: An analysis of the procrastinatory cognitions inventory. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 30(4), 223–236. doi:10.1007/s10942-012-0150-z
10. Glick, D.M., & Orsillo, S.M. (2015). An investigation of the efficacy of acceptance-based behavioral therapy for academic procrastination. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144(2), 400. doi:10.1037/xge0000050
11. Gropel, P., & Steel, P. (2008). A mega-trial investigation of goal setting, interest enhancement, and energy on procrastination. *Personality and Individual Differences*, 45(5), 406–411. doi:10.1016/j.paid.2008.05.015
12. Grunschel, C., Patrzek, J., & Fries, S. (2013). Exploring reasons and consequences of academic procrastination: An interview study. *European Journal of Psychology of Education*, 28(3), 841–861. doi:10.1007/s10212-012-0143-4
13. Gustavson, D.E., Miyake, A., Hewitt, J.K., & Friedman, N.P. (2014). Genetic relations among procrastination, impulsivity, and goal-management ability implications for the Haghbin, M., McCaffrey, A., & Pychyl, T.A. (2012). The complexity of the relation between fear of failure and procrastination. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 30(4), 249–263. doi:10.1007/s10942-012-0153-9
14. Hen, M., & Goroshit, M. (2014). Academic procrastination, emotional intelligence, academic self-efficacy, and GPA: A Comparison between students with and without learning disabilities. *Journal of Learning Disabilities*, 47(2), 116–124. doi:10.1177/0022219412439325
15. Kim, K.R., & Seo, E.H. (2015). The relationship between procrastination and academic performance: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*, 82, 26–33. doi:10.1016/j.paid.2015.02.038
16. Klassen, R.M., Krawchuk, L.L., & Rajani, S. (2008). Academic procrastination of undergraduates: Low self-efficacy to self-regulate predicts higher levels of procrastination. *Contemporary Educational Psychology*, 33(4), 915–931. doi:10.1016/j.cedpsych.2007.07.001
17. Klingsieck, K.B. (2013a). Procrastination in different life-domains: Is procrastination domain specific? *Current Psychology*, 32(2), 175–185. doi:10.1007/s12144-013-9171-8
18. Klingsieck, K.B. (2013b). Procrastination: When good things don't come to those who wait. *European Psychologist*, 18(1), 24–34. doi:10.1027/1016-9040/a000138
19. Klingsieck, K.B., Grund, A., Schmid, S., & Fries, S. (2013). Why students procrastinate: A qualitative approach. *Journal of College Student Development*, 54(4), 397–412. doi:10.1353/csd.2013.0060
20. Krause, K., & Freund, A.M. (2014). Delay or procrastination – A comparison of self-report and behavioral measures of procrastination and their impact on affective

- well-being. *Personality and Individual Differences*, 63, 75–80. doi:10.1016/j.paid.2014.01.050
21. Lindblom-Ylänne, S., Saariaho, E., Inkinen, M., Haarala-Muhonen, A., & Hailikari, T. (2015). Academic procrastinators, strategic delayers and something betwixt and between: An interview study. *Frontline Learning Research*, 3(2), 47–62.
 22. Onwuegbuzie, A.J., & Jiao, Q.G. (2000). I'll go to the library later: The relationship between academic procrastination and library anxiety. *College & Research Libraries*, 61(1), 45–54. doi:10.5860/crl.61.1.45
 23. Ozer, B.U., Demir, A., & Ferrari, J. R. (2013). Reducing academic procrastination through a group treatment program: A pilot study. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 31(3), 127–135. doi:10.1007/s10942-013-0165-0
 24. Ozer, B.U., & Ferrari, J.R. (2011). Gender orientation and academic procrastination: Exploring Turkish high school students. *Individual Differences Research*, 9(1), 33–40.
 25. Perrin, C.J., Miller, N., Haberlin, A.T., Ivy, J.W., Meindl, J.N., & Neef, N.A. (2011). Measuring and reducing college students' procrastination. *Journal of Applied Behavior Analysis*, 44(3), 463–474. doi:10.1901/jaba.2011.44-463
 26. Pintrich, P.R. (2004). A conceptual framework for assessing motivation and self-regulated learning in college students. *Educational Psychology Review*, 16(4), 385–407. doi:10.1007/s10648-004-0006-x
 27. Pychyl, T.A., & Flett, G.L. (2012). Procrastination and self-regulatory failure: An introduction to the special issue. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 30(4), 203–212. doi:10.1007/s10942-012-0149-5
 28. Rabin, L.A., Fogel, J., & Nutter-Upham, K.E. (2011). Academic procrastination in college students: The role of self-reported executive function. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 33(3), 344–357. doi:10.1080/13803395.2010.518597
 29. Rebetez, M.M.L., Rochat, L., & Van der Linden, M. (2015). Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach. *Personality and Individual Differences*, 76, 1–6. doi:10.1016/j.paid.2014.11.044
 30. Rice, K.G., Richardson, C.M., & Clark, D. (2012). Perfectionism, procrastination, and psychological distress. *Journal of Counseling Psychology*, 59(2), 288. doi:10.1037/a0026643
 31. Rozental, A., & Carlbirg, P. (2014). Understanding and treating procrastination: A review of a common self-regulatory failure. *Psychology*, 5(13), 1488. doi:10.4236/psych.2014.513160
 32. Scent, C.L., & Boes, S.R. (2014). Acceptance and commitment training: A brief intervention to reduce procrastination among college students. *Journal of College Student Psychotherapy*, 28(2), 144–156. doi:10.1080/87568225.2014.883887
 33. Schraw, G., Wadkins, T., & Olafson, L. (2007). Doing the things we do: A grounded theory of academic procrastination. *Journal of Educational Psychology*, 99(1), 12. doi:10.1037/0022-0663.99.1.12
 34. Sirois, F.M., & Tosti, N. (2012). Lost in the moment? An investigation of procrastination, mindfulness, and well-being. *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, 30(4), 237–248. doi:10.1007/s10942-012-0151-y
 35. Steel, P. (2007). The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure. *Psychological Bulletin*, 133(1), 65. doi:10.1037/0033-2909.133.1.65
 36. Steel, P. (2010). *The procrastination equation: How to stop putting things off and start getting stuff done*. Toronto: Random House Canada.
 37. Steel, P., & Ferrari, J. (2013). Sex, education and procrastination: An epidemiological study of procrastinators' characteristics from a global sample. *European Journal of Personality*, 27(1), 51–58. doi:10.1002/per.1851
 38. Steel, P., & Klingsieck, K.B. (2016). Academic procrastination: Psychological antecedents revisited. *Australian Psychologist*, 51(1), 36–46. doi:10.1111/ap.12173
 39. Strunk, K.K., & Spencer, J.M. (2012). A brief intervention for reducing procrastination. *Academic Exchange Quarterly*, 16(1), 91–96.
 40. Tuckman, B.W. (1998). Using tests as an incentive to motivate procrastinators to study. *The Journal of Experimental Education*, 66(2), 141–147. doi:10.1080/00220979809601400
 41. Tuckman, B.W., & Schouwenburg, H.C. (2004). Behavioral interventions for reducing procrastination among university students. In H. C. Schouwenburg, C.H. Lay, T.A. Pychyl, & J.R. Ferrari (Eds.), *Counseling the procrastinator in academic settings* (pp. 91–103). Washington, DC: American Psychological Association.
 42. Van Eerde, W. (2003). A meta-analytically derived nomological network of procrastination. *Personality and Individual Differences*, 35(6), 1401–1418. doi:10.1016/s0191-8869(02)00358-6
 43. Wäschle, K., Allgaier, A., Lachner, A., Fink, S., & Nückles, M. (2014). Procrastination and self-efficacy: Tracing vicious and virtuous circles in self-regulated learning. *Learning and Instruction*, 29, 103–114. doi:10.1016/j.learninstruc.2013.09.005
 44. Zimmerman, B.J. (2002). Becoming a self-regulated learner: An overview. *Theory into Practice*, 41(2), 64–70. doi:10.1207/s15430421tip4102_2

© Коновалова Анастасия Вадимовна (konanavad@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ¹

Куц Анна Вячеславовна

К.п.н., доцент, Пензенский государственный университет

kuts_a.v@mail.ru

Воробьева Кристина Игоревна

Пензенский государственный университет

v.i.e.3@mail.ru

SPECIFIC FEATURES OF THE VOLITIONAL REGULATION IN THE PROCESS OF FOREIGN STUDENTS' ADAPTATION TO THE CROSS-CULTURAL ENVIRONMENT

**A. Kuts
K. Vorobieva**

Summary: The article presents the results of an empirical study in the field of specific features of the volitional regulation in the process of foreign students' adaptation to the cross-cultural environment. A hypothesis is put forward about the relationship between the level of development of indicators of the volitional regulation and the success of the process of adaptation to a new socio-cultural and educational environment.

The study involved 250 foreign students of Penza State University (ethnic community - Arabs; age structure of respondents: from 17 to 24 years old, average age - 20.1; gender of the respondents: men - n = 125, women - n = 125).

In the current research there was used a set of diagnostic methods such as: «Questionnaire for identifying the severity of self-control in the emotional sphere, activity and behavior» (G.S. Nikiforov), «Action control scale» (Yu. Kuhl); «Formalized modification of the self-assessment method (SA)» (Dembo-Rubinsteyn); «Test of meaningful life orientations» (D.A. Leontiev); a questionnaire concerning a number of demographic characteristics of respondents and an assessment of the level of satisfaction with new conditions in the cross-cultural environment (climate, culture, food, living conditions, education, leisure, etc.).

It has been found that the success of the adaptation process of foreign students to the cross-cultural environment is interconnected with a number of indicators of the volitional regulation: OD-disposition of the personality, social self-control, meaningfulness of life goals and a certain set of volitional qualities.

The applied aspect of the problem could be integrated in the development of well-timed aid to build a system of socio-psychological support and to support the individuals in situations of social or life changes.

Keywords: adaptation, volitional regulation, volitional qualities, self-control, foreign students, cross-cultural environment.

Аннотация: В статье приводятся результаты эмпирического исследования особенностей волевой регуляции студентов в процессе адаптации к инокультурной среде. Выдвигается гипотеза о взаимосвязи уровня развития показателей волевой регуляции и успешности протекания процесса адаптации к новой социокультурной и образовательной среде.

В исследовании приняли участие 250 иностранных студентов Пензенского государственного университета (этническая общность – арабы; возрастная структура респондентов: от 17 до 24 лет, средний возраст – 20,1; гендерный состав респондентов: муж. – n = 125, жен. – n = 125).

Для исследования особенностей волевой регуляции иностранных студентов применялся комплекс диагностических методик: «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров), «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль); «Формализованная модификация методики самооценки (СО)» (Дембо-Рубинштейн); «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев); опросник касающийся ряда демографических характеристик респондентов и оценки уровня удовлетворённости условиями пребывания в инокультурной среде (климат, культура, питание, условия проживания, обучения, досуг и т.п.).

Установлено, что успешность процесса адаптации студентов к инокультурной среде взаимосвязана с рядом показателей волевой регуляции: ОД-диспозицией личности, социальным самоконтролем, осмысленностью жизненных целей и определенным набором волевых качеств.

Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке средств оперативной помощи, для построения системы социально-психологической поддержки и сопровождения личности в ситуации социальных или жизненных изменений.

Ключевые слова: адаптация, волевая регуляция, волевые качества, самоконтроль, иностранные студенты, инокультурная среда.

Введение

В последнее время в психологической науке была организована серия эмпирических исследований, подтверждающих особое значение волевой

регуляции в достижении поставленных целей, в профессиональной, спортивной, учебной и иных видах деятельности (Барабанов Д.Д., Быков А.В., Иванников В.А., Леонтьев Д.А., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Шульга Т.И. и др.). Однако вопрос об особенностях волевой регуляции

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке конкурса «Ректорские гранты», договор № 2/РГ от 08.04.2020.

в процессе адаптации к инокультурной среде остается открытым для научного поиска. Большая часть исследований отечественной психологии базируется на представлении воли как высшей психической функции (ВПФ), регулирующей поведение и психические процессы личности [2; 3; 4; 5; 9].

Современные психологи-исследователи отмечают, что источником развития волевой регуляции как ВПФ выступает культура как устойчивый общественно-исторический образ жизни, предписывающий его носителю набор традиционных ценностей, определенных видов деятельности, способов их реализации, которые индивид усваивает в процессе социализации в согласии со своим уникальным смысловым опытом [1; 3; 7].

Обучение в высшей школе предъявляет высокие требования к волевой регуляции личности, так как существенно возрастает уровень учебной нагрузки, изменяются требования к дисциплинированности, самостоятельности и персональной ответственности, происходит изменение привычного круга общения, смена ценностных ориентаций. Иностранные студенты помимо необходимости решения новых задач в процессе овладения учебно-профессиональной деятельностью испытывают трудности в приспособлении к инокультурной среде, именно поэтому на первых курсах обучения наблюдается наиболее интенсивное развитие большинства показателей волевой регуляции, обеспечивающих успешность процесса адаптации. Проблема адаптации напрямую связана с проблемой психического благополучия личности, являющейся одной из фундаментальных в современной психологической науке. Анализ недавних исследований позволил определить адаптацию – как уникальный для каждой личности процесс, результат которого зависит от индивидуально-психологических характеристик, объективных и субъективных факторов, а генеральной целью выступает реализация внутреннего потенциала в конкретных жизненных условиях [6; 8].

Исследование особенностей волевой регуляции и адаптационной готовности иностранных студентов необходимы для разработки средств оперативной помощи и построения системы социально-психологической поддержки и сопровождения в ситуации значительных социальных и жизненных изменений, в которых происходят активные преобразования динамических характеристик личности [8].

Процедура и методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 250 иностранных студентов Пензенского государственного университета (этническая общность – арабы; возрастная структура респондентов: от 17 до 24 лет, средний возраст – 20,1; гендерный состав респондентов:

муж. – $n = 125$, жен. – $n = 125$).

Методики. Для достижения цели эмпирического исследования был разработан опросный лист, включающий: «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров и др.); «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль); «Формализованная модификация методики самооценки (СО)» (Дембо-Рубинштейн); «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев); вопросы, касающиеся ряда демографических характеристик респондентов и оценки уровня удовлетворенности условиями пребывания в инокультурной среде (климат, культура, питание, условия проживания, обучения, досуг и т.д.).

Методы

Для выявления связей удовлетворенности иностранными студентами условиями пребывания в инокультурной среде с самоконтролем, смысложизненными ориентациями, самооценкой волевых качеств, применялся корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Статистическая обработка полученных данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics v. 23.

Результаты и их обсуждение

Полученные данные корреляционного анализа свидетельствуют о наличии 5 положительных корреляционных связей удовлетворенности условиями жизни в инокультурной среде и контроля за действием при планировании.

Показатель шкалы контроля за действием при планировании положительно взаимосвязан с удовлетворенностью иностранных студентов культурой страны пребывания (0,190), условиями обучения (0,329), качеством питания (0,198), студенческой жизнью (0,316) и образом жизни в целом (0,277).

Наличие положительных связей свидетельствует в пользу того, что иностранные студенты, обладающие более продуктивной стратегией волевой регуляции (*ОД-диспозиция*), осуществляющие регуляцию намеренного действия произвольно, в большей мере удовлетворены условиями обучения, студенческой жизнью, образом жизни в целом, качеством питания и национальной культурой страны пребывания.

Также корреляционный анализ показал 11 положительных взаимосвязей удовлетворенности условиями жизни и самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении.

Эмоциональный самоконтроль иностранных студентов связан с удовлетворенностью качеством питания (0,146), студенческой жизнью (0,133) и образом жизни в целом (0,254). Данные связи свидетельствуют о том, что при удовлетворенности указанными сторонами жизни эмоциональный самоконтроль иностранных студентов возрастает. И наоборот, снижение удовлетворенности образом жизни в целом, качеством питания и студенческой жизнью будет провоцировать снижение эмоционального самоконтроля у иностранных студентов.

Поведенческий самоконтроль иностранных студентов взаимосвязан с условиями обучения (0,142) и образом жизни в целом (0,173). Другими словами, самоконтроль в деятельности студентов возрастает с ростом их удовлетворенности образом жизни в целом и условиями обучения в частности.

Склонность к социальному самоконтролю иностранных студентов взаимосвязана с большинством сторон удовлетворенности жизни. Иностранные студенты проявляют более высокий социальный самоконтроль при удовлетворенности образом жизни в целом (0,302), культурой (0,286), условиями обучения (0,284), студенческой жизнью (0,253), климатом (0,168) и качеством питания (0,137).

Таблица 1 / Table 1

Значимые корреляционные связи между удовлетворенностью условиями жизни и самоконтролем в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (N=250)

Показатели удовлетворенности	Показатели самоконтроля		
	ЭСК	ПСК	ССК
Уд1	0,060	-0,022	0,168**
Уд2	0,079	0,006	0,286**
Уд3	0,014	0,142*	0,284**
Уд4	0,146*	0,100	0,137*
Уд5	0,133*	0,001	0,253**
Уд6	0,021	0,100	0,050
Уд7	0,106	0,011	0,040
Уд8	0,254**	0,173**	0,302**

Примечание: * - уровень статистической значимости 0,05; ** - уровень статистической значимости 0,01; ЭСК – эмоциональный самоконтроль, ПСК – поведенческий самоконтроль, ССК- социальный самоконтроль.

Таким образом, мы можем констатировать, что самоконтроль в эмоциональной сфере, деятельности и поведении иностранных студентов в первую очередь взаимосвязан с удовлетворенностью образом жизни в целом. Удовлетворенность условиями жизни иностранных студентов, в свою очередь, в большей степени свя-

зана с их склонностью к социальному самоконтролю.

Оценка корреляционных связей удовлетворенности условиями жизни и смысложизненными ориентациями показала наличие 21 положительной связи. Обнаружены устойчивые положительные связи между наличием целей в будущем, придающих иностранным студентам осмысленность жизни, направленность и временную перспективу, и удовлетворенность образом жизни в целом (0,235).

Таким образом, в выборке иностранных студентов установлена устойчивая взаимосвязь осмысленности жизненных целей с удовлетворенностью жизнью в целом.

Рассматривая корреляционные связи между осмысленностью эмоциональной насыщенности жизни, ее процессом и удовлетворенностью условиями жизни, обнаружены устойчивые связи с такими сторонами удовлетворенности, как удовлетворенность климатом (0,172), культурой (0,163), качеством питания (0,176), студенческой жизнью (0,177) и образом жизни в целом. Результативность жизни, ощущение продуктивности и осмысленности пройденного этапа жизни у иностранных студентов возрастает при удовлетворенности климатом (0,325), качеством питания (0,209) и образом жизни в целом (0,267).

Вместе с представлениями иностранных студентов о себе как о личности, имеющей свободу выбора и волю к построению жизни в соответствии с поставленными целями, отмечается рост уровня удовлетворенности культурой принимающей страны (0,150), процессом организации студенческой жизни (0,127) и образа жизни в целом (0,247).

Убежденность иностранных студентов в способности контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизнь определяется ее связями с удовлетворенностью климатом (0,244), качеством питания (0,198) и образа жизни в целом (0,225). С другой стороны, осознание ими иллюзорности жизненного выбора, бессмысленности планов на будущее связано со снижением указанных сторон удовлетворенности условиями жизни.

Обобщая установленные связи, заключим, что удовлетворенность условиями жизни в инокультурной среде в большей степени связана с осмысленностью процесса жизни, ее результатами и ее управляемостью.

В свою очередь, смысложизненные ориентации иностранных студентов определены, прежде всего, удовлетворенностью образом жизни в целом.

При анализе показателей самооценки волевых ка-

Таблица 2 / Table 2

Значимые корреляционные связи между удовлетворенностью условиями жизни и смысложизненными ориентациями (N=250)

Показатели Удовлетворенности	Показатели смысложизненных ориентаций					
	СЖО-общий	СЖО- цели	СЖО-процесс	СЖО-результат	СЖО-ЛК_я	СЖО-ЛК_жизнь
Уд1	0,211**	0,110	0,172**	0,325**	0,118	0,244**
Уд2	0,097	0,034	0,163**	0,116	0,150*	0,097
Уд3	0,021	0,040	0,055	0,099	0,051	-0,043
Уд4	0,204**	0,168**	0,176**	0,209**	0,074	0,198**
Уд5	0,127*	0,103	0,177**	0,107	0,127*	0,053
Уд6	0,044	0,110	-0,005	-0,066	0,037	0,008
Уд7	0,036	-0,034	0,077	0,040	-0,072	0,048
Уд8	0,279**	0,235**	0,191**	0,267**	0,247**	0,225**

Примечание: * - уровень статистической значимости 0,05; ** - уровень статистической значимости 0,01; СЖО – смысложизненные ориентации.

Таблица 3 / Table 3

Значимые корреляционные связи между удовлетворенностью условиями жизни и самооценки волевых качеств (N=250)

Показатели самооценки волевых качеств	Показатели удовлетворенности условиями жизни							
	Уд1	Уд2	Уд3	Уд4	Уд5	Уд6	Уд7	Уд8
ВК1	-0,014	0,140*	0,088	0,092	0,150*	0,192**	-0,030	0,162*
ВК2	0,138*	0,016	-0,028	0,008	-0,115	-0,044	0,078	0,174**
ВК3	-0,028	0,092	0,040	0,076	0,122	0,026	-0,125*	0,175**
ВК4	-0,024	0,033	-0,073	0,121	0,187**	0,263**	-0,024	0,173**
ВК5	0,050	0,206**	0,429**	0,070	0,147*	0,102	0,150*	0,180**
ВК6	0,075	0,202**	0,097	-0,004	0,023	0,098	0,040	0,028
ВК7	0,168**	0,102	0,274**	0,142*	0,157*	-0,003	-0,069	-0,007
ВК8	0,026	0,120	0,160*	0,134*	0,201**	0,109	-0,023	0,225**
ВК9	-0,016	0,120	0,044	-0,013	0,050	0,013	-0,064	0,129*
ВК10	-0,099	0,018	0,168**	0,074	-0,030	-0,006	-0,068	-0,023
ВК11	-0,066	0,089	0,137*	0,018	0,150*	0,097	-0,046	0,240**
ВК12	0,012	0,156*	0,121	0,080	0,274**	0,282**	0,044	0,301**
ВК13	-0,085	-0,096	0,107	0,155*	0,124	0,107	0,061	0,093
ВК14	0,143*	0,230**	0,174**	0,086	0,120	0,176**	-0,023	0,183**
ВК15	-0,002	0,169**	0,157*	0,086	0,164**	0,089	-0,135*	0,094
ВК16	-0,104	-0,057	0,057	0,023	-0,016	0,017	-0,100	-0,015
ВК17	0,040	-0,043	-0,039	0,108	0,118	0,036	-0,093	0,100
ВК18	0,058	0,184**	0,128*	0,116	0,138*	0,150*	-0,073	0,182**
ВК19	0,110	0,076	0,067	0,094	0,140*	0,077	-0,118	0,128*
ВК20	0,025	0,087	0,114	0,146*	0,165**	-0,041	-0,117	-0,019

Примечание: * - уровень статистической значимости 0,05; ** - уровень статистической значимости 0,01; ВК1 – «ответственность», ВК2 – «дисциплинированность», ВК3 – «целеустремленность», ВК4 – «принципиальность», ВК5 – «обязательность», ВК6 – «настойчивость», ВК7 – «решительность», ВК8 – «воля», ВК9 – «инициативность», ВК10 – «выдержанность», ВК11 – самостоятельность», ВК12 – энергичность», ВК13 – «терпеливость», ВК14 – «упорство», ВК15 – «смелость», ВК16 – «спокойность», ВК17 – «деловитость», ВК18 – «уверенность», ВК19 – «организованность», ВК20 – «внимательность».

ществ и удовлетворенности условиями жизни в инокультурной среде установлены многочисленные взаимосвязи ($p < 0,01$). Рассмотрим наиболее значимые корреляционные связи.

Удовлетворенность климатом положительно связана с такими волевыми качествами как «решительность» (0,168), «упорство» (0,143) и «дисциплинированность» (0,138) иностранных студентов.

Удовлетворенность культурой наиболее тесно коррелирует с волевыми качествами «смелость» (0,230), «обязательность» (0,206), «настойчивость» (0,202), «уверенность» (0,184) и др.

Удовлетворенность условиями обучения у иностранных студентов возрастает при высоком уровне самооценки «обязательности» (0,429), «решительности» (0,274), «упорства» (0,174), «выдержанности» и др.

Удовлетворенность качеством питания (национальной русской кухней) иностранных студентов связана с такими личностными качествами, как «терпеливость» (0,155), «внимательность» (0,146), «решительность» (0,142).

Удовлетворенность студенческой жизнью связана в большей степени с «энергичностью» (0,274) и «волей» (0,201).

Удовлетворенность условиями проживания согласуется с высокой самооценкой «энергичности» (0,282), «принципиальности» (0,263), «ответственности» (0,192).

Иностранные студенты в большей степени удовлетворены своим свободным временем, при условии высокой самооценки «обязательности» (0,150) и низкой – «смелости» (-0,135) и «целеустремленности» (-0,125).

Оценка условия «удовлетворенность образом жизни в целом» у иностранных студентов возрастает при высо-

ких показателях самооценки таких качеств, как «терпеливость» (0,301), «энергичность» (0,240) и др.

Таким образом было установлено, что студенты с более высоким уровнем удовлетворенности условиями жизни, так же наиболее высоко оценивают собственные волевые качества.

Заключение

Можно заключить, что адаптации студентов к инокультурной среде свойственны характеристики как процесса приспособления (социально-психологического феномена), так и особого состояния личности, отражающего особенности волевой регуляции.

Наиболее тесная взаимосвязь была обнаружена по показателям выраженности социального самоконтроля с удовлетворенностью условиями жизни. У иностранных студентов удовлетворенность образом жизни в целом, и студенческой жизнью в частности, связана с большинством сторон самооценки волевых качеств: «терпеливость», «энергичность», «воля», «упорство», «уверенность», «обязательность», «целеустремленность», «дисциплинированность», «принципиальность», «ответственность», «инициативность», «организованность». Данная связь указывает на зависимость удовлетворенности условиями жизни (т.е. успешности адаптации к инокультурной среде) от уровня развития волевых качеств личности.

Кроме того, иностранные студенты, обладающие более продуктивной стратегией волевой регуляции (Оддиспозиция), осуществляющие регуляцию намеренного действия непроизвольно, более удовлетворены условиями обучения и образом жизни в целом.

Таким образом, гипотеза о взаимосвязи показателей волевой регуляции и успешности протекания процесса адаптации к новой социокультурной и образовательной среде подтвердилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2007. – 528 с.
2. Иванников В.А., Гусев А.Н., Барабанов Д.Д., Эйдман Е.В. Осмысленность жизни и ориентация на действие как предикторы самооценок волевых качеств // Вестник московского университета. 2020. №2. С. 3 – 25.
3. Иванников В.А., Шляпников В.Н. Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 70 – 84. DOI:10.17759/exppsy.2019120106
4. Иванников В.А., Барабанов Д.Д., Монроз А.В., Шляпников В.Н., Эйдман Е.В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15-23.
5. Быков А.В., Шульга Т.И. Эмоционально-волевая регуляция как вид психологической готовности человека к обучению. Монография. – М. Изд.: МГОУ, 2012. – 142с.
6. Константинов, В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов: теория и эмпирические исследования. – М.: Перо, 2018. – 236 с.

7. Леонтьев Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях: вызовы и ресурсы // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 97–106.
8. Шамионов Р.М. Отношение к изменениям и толерантность к неопределенности как предикторы адаптивности и адаптационной готовности // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 90–104.
9. Шульга Т.И. Некоторые итоги развития проблемы воли и волевой регуляции в исследованиях научной школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 8–21. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-1-8-21
10. Kuhl J. Who controls whom when «I control myself»? // Psychological-Inquiry. 1996; Vol. 7 (1). P. 61-68.

© Куц Анна Вячеславовна (kuts_a.v@mail.ru), Воробьева Кристина Игоревна (v.i.e.3@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный университет

DOI 10.37882/2500-3682.2020.10.10

ОРИГИНАЛЬНЫЙ «ОПРОСНИК ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РЕМИССИИ В УДАЛЕННЫХ И ТРУДНОДОСТУПНЫХ РЕГИОНАХ» (ООКРУТР) КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ РЕМИССИИ БОЛЬНЫХ АЛКОГОЛИЗМОМ

ORIGINAL «QUALITY ASSESSMENT IN REMOTE AND INACCESSIBLE REGIONS» (OOCRUTR) AS A MEANS OF IDENTIFICATION OF CRITERIA FOR ASSESSING THE QUALITY OF THERAPEUTIC REMISSION OF ALCOHOLIC PATIENTS

**O. Litvyakova
N. Belopolskaya**

Summary: «Questionnaire for assessing the quality of remission in remote and hard-to-reach regions» is designed to work with alcoholic patients living in remote regions of the country with difficult living conditions, social disadvantage. OOCRUTR can be used both for screening and for individual testing - in person and remotely by phone, which not only makes it easier, but in some cases, makes it possible for a psychologist to assess the quality of life in the sobriety of residents of geographically isolated areas with difficult transport and communication systems. The method of structured interviews formed the basis of the «Questionnaire for assessing the quality of remission in remote and hard-to-reach regions» (OOCRUTR). The data obtained did not go beyond the reference test data. Based on the results of the work, problem areas were identified with the aim of their possible psychological study in further research.

Keywords: rehabilitation program for alcoholic patients, Chukotka Red Cross, duration of therapeutic remission, questionnaire, assessment of the quality of remission, hard-to-reach and remote regions.

Литвякова Ольга Станиславовна

психолог, педагог-исследователь, Чукотское автономное окружное отделение Российского Красного Креста (г. Анадырь)
superpolis@gmail.com

Белопольская Наталия Львовна

Д.псих.н., Московский институт психоанализа
natalybelopolsky@mail.ru

Аннотация: «Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» предназначен для работы с больными алкоголизмом, проживающими в отдаленных регионах страны с трудными условиями жизни, социальным неблагополучием. ООКРУТР возможно применять, как для скрининга, так и для индивидуального тестирования, – очно и дистанционно по телефону, что не только облегчает, но и в некоторых случаях, делает возможной работу психолога по оценке качества жизни в трезвости жителей территориально обособленных районов с трудной транспортной и коммуникационной системами. Метод структурированного интервью составил основу «Опросника оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР). Полученные данные не выходили за референтные данные тестов. По результатам работы были выявлены проблемные зоны с целью их возможной психологической проработки в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: программа реабилитации больных алкоголизмом, Красный Крест Чукотки, продолжительность терапевтической ремиссии, опросник, оценка качества ремиссии, труднодоступные и удаленные регионы.

В отдаленных регионах страны, в частности на Чукотке, алкоголь является самым доступным и эффективным антидепрессантом и адаптогеном к трудным жизненным условиям.

Алкоголизм затрагивает не только сферы жизнедеятельности индивида, но и его ближнего и дальнего окружения, все пласты функционирования личности. От 70 до 90% людей, страдающих наркотической зависимостью, в том числе, алкоголизмом, находятся в трудоспособном возрасте (Морев, Попова, 2011) [11]. На Чукотке алкоголизм можно сравнить с эпидемией, втягивающей в свою патологическую воронку все возраста (в некоторых алкогольных семьях дети пробуют алкоголь в 6-7 лет), со-

циальные слои общества (от состоятельных людей до совсем бедных), представителей разных национальностей, проживающих на территории Чукотки, как женского населения, так и мужского, (причем женщин, страдающих алкоголизмом никак не меньше). В научной литературе высказываются опасения по поводу влияния алкоголизма на демографическое развитие страны: необратимое разрушение здоровья населения и генофонда в целом в ближайшее время (Малахова, 2012) [10]. Наиболее неблагоприятные прогнозы, на наш взгляд, касаются удаленных и труднодоступных регионов страны в число которых входит обособленная от «материковой» цивилизации (так местные жители называют центральную часть России) Чукотка. На Чукотке нет железных дорог, все

транспортное сообщение осуществляется воздушным (самолеты и вертолеты), водным (в навигацию - теплоход «Капитан Сотников», частные катера, в межсезонье - судна на воздушных подушках) и наземным специальным транспортом (Триколы, вездеходы, снегоходы), а также между некоторыми населенными пунктами, в случае, если проложена дорога - немногочисленным автотранспортом (машины и автобус). Интернет связь плохого качества и дорогостоящая, что составляет большие трудности пользования мессенджерами.

До настоящего времени среди наиболее актуальных проблем в наркологии остается стабильно низкий уровень эффективности лечения химической зависимости: годовые ремиссии не превышают 7 - 15%, что обусловлено досрочным прерыванием лечения на различных его этапах (Кулаков, Береза, Корчагина, 2014) [9]. Не разработано достоверных критериев оценки эффективности программ лечения и реабилитации в наркологическом стационаре, амбулатории и реабилитационных центрах. Остро стоит вопрос объективизации данных, получаемых при исследовании успешности лечения (Кошкина, Киржанова, Бабичева, Муганцева, 2013; Кошкина, Сиржанова, Гусева, 2015) [7, 8]. Недостаточно исследованы личностные особенности больных хроническим алкоголизмом, проходящих лечение краткосрочными методами психотерапии, именно с этим некоторые авторы связывают неудачи при формировании терапевтической ремиссии (Дунаев, 2006) [4]. Остро стоит вопрос о необходимости повышения уровня оказания лечебно-реабилитационной помощи зависимым от ПАВ (Кулаков, Береза, Корчагина, 2014; Менделевич, 2007) [9, 13] и создания реабилитационного звена (Зыков, 2010; Менделевич, 2007) [12, 13]. В связи с этим апробация программы реабилитации всей семьи (стационарной и постстационарной частей) и создание опросника ООКРУТР, позволяющего оценить достигнутые результаты лечения можно считать попыткой восполнения недостающих компонентов первичной, вторичной и третичной профилактики алкоголизма.

При разработке программы реабилитации учитывалась специфика региона и выборки: территориальная обособленность, географические, исторические, социокультурные, религиозно-мифологические, нейропсихологические, физиологические особенности (Богораз, 1934; Величковский, 2006; Зуев, 1998, 1999; Менделевич, 2007; Чухрова и соавт., 1999, 2009) [1, 2, 5, 6, 13, 15, 16]. Выборка (32 больных) представлена двумя национальностями – чукчи (15 чел.) и русские, рожденные и проживающие на Чукотке на протяжении всей жизни (17 чел.). Выборку можно считать репрезентативной в силу отражения в ней общей тенденции малочисленности жителей в населенных пунктах (от 80 до максимум 1500 чел.), низкой плотности населения, а также соотношения проживающих в поселениях народностей. Численность

представителей коренных этносов в большинстве поселений и по всему округу ниже, чем других национальностей, в основном, – русских (в общем по Чукотке - 50%) и украинцев (6 %). Коренные народы Чукотки - чукчи, чуванцы, эскимосы, эвены и юагиры - составляют около 33 % населения ЧАО (по данным Росстата об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г.) [14].

После прохождения краткосрочной программы реабилитации в стационаре рецидив случился сразу у 16 чел. (50 %), 4 месяца ремиссии было у 16 чел. (50 %), далее – 2 года ремиссии – у 7 чел. (21,9 %), 4 года ремиссии – наблюдалось у 5 чел. (15,63 %). На протяжении 4-х лет у больных была возможность посещать созданную группу АА, также велось психологическое сопровождение, осуществляемое, в силу их проживания в труднодоступных удаленных поселениях, по телефону и, 1-2 раза в год, очно во время командировок психолога. Также регулярно проводились структурированные и неструктурированные беседы с целью выявить удовлетворенность и качество жизни в трезвости. Эти беседы легли в основу разработанного опросника.

Эффективность программы реабилитации зависимых от алкоголя по методу Я. Маршака мы условились оценивать по двум критериям: во-первых, по продолжительности терапевтической ремиссии на протяжении 4-х месяцев, 1 года, 2-х лет, 3-х лет и 4-х лет после завершения лечения в стационаре, во-вторых, по качеству ремиссии, субъективно оцениваемой респондентами методом опроса и объективно оцениваемой нами в клинической беседе, мотивационном интервью, личных беседах, групповом и индивидуальном общении по телефону и при личных встречах. Качество ремиссии приравнивается нами к качеству жизни. Для оценки качества ремиссии нами был составлен оригинальный «Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР) на основе Краткого опросника ВОЗ (ВОЗКЖ-100) для оценки качества жизни (WHOQOL-BREF) и «Методов оценки клинического и социального статуса больных АЗ в ремиссии», разработанных в Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева Л.А. Дубининой и соав. (Дубинина и соавт., 2012) [3].

Целью настоящей работы явилось представление и описание оригинального «Опросника оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР), а также оценка эффективности данного вида анкетирования для пациентов, не имеющих возможности очного общения со специалистом-психологом.

В рамках настоящего исследования проведён большой научный эксперимент, направленный на выявление основных критериев оценки качества терапевтической ремиссии больных алкоголизмом, который базировался

ся на интерпретации ответов пациентов на вопросы оригинального опросника («Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР). Помимо анкетирования в методологию исследования входили наблюдение и сравнение.

В качестве ведущих методов теоретического исследования в настоящей работе избраны анализ и синтез.

«Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР) предназначен для работы с больными алкоголизмом, проживающими в отдаленных регионах страны с трудными условиями жизни, социальным неблагополучием. ООКРУТР возможно применять, как для скрининга, так и для индивидуального тестирования, - очно и дистанционно по телефону, что не только облегчает, но и в некоторых случаях, делает возможной работу психолога по оценке качества жизни в трезвости жителей территориально обособленных районов с трудной транспортной и коммуникационной системами. Опросник применим для оценки качества как терапевтической, так и других видов ремиссии (спонтанной, мотивационной и др.)

Опросник предназначен для самостоятельного заполнения, вопросы, указанные в нем, измеряют индивидуальное восприятие пациентом вопросов, характеризующих качество ремиссии.

Общее значение качества жизни и все значения по каждому вопросу в разработанном оригинальном опроснике шкалируются в двух направлениях: позитивном направлении - более высокие значения соответствуют более высокому качеству жизни в трезвости и в негативном направлении - более высокие значения показывают низкое качество ремиссии. Вопросы позитивно и негативно ориентированы.

Из опросника были исключены вопросы о физическом самочувствии, медицинской помощи, концентрации внимания, удовлетворенности своим внешним видом, о доступности информации, транспортной доступности («Насколько легко Вы можете добраться до нужных Вам мест?») и удовлетворенности используемым транспортом, своей трудоспособностью, условиями в месте проживания, доступностью медицинского обслуживания. Вопрос об удовлетворенности своим сном заменён вопросом относительно частоты алкогольных сновидений, которые ряд авторов (Юрченко, 1999) [17] рассматривают как маркер актуализации ПВА. Появление сновидений с алкогольной тематикой даже при внешне устойчивой ремиссии может свидетельствовать об актуализации влечения к алкоголю (В. Н. Касаткин, 1967; В.Б. Альтшулер, 1984, 1994; И.В. Бокий, С.В. Цыцарев, 1967; А.Г. Гофман, И.В. Александрова, 1991; И.В. Чердниченко, В.Б. Альтшулер, 1992; Г.В. Заневич, С.С. Ли-

бих, 1965, Л.Н. Юрченко) (Юрченко, 1999) [17], в связи с чем важен анализ даже единичных сновидений, а также факторов и состояний, спровоцировавших их. Важность анализа алкогольных сновидений основывается на описанном З. Фрейдом механизме исполнения желаний во сне (Юрченко, 1999) [17].

Оставшиеся вопросы были дополнены и адаптированы для понимания больными алкоголизмом с учетом разного уровня образования и интеллекта, возможности восприятия на слух при дистанционном опросе по телефону, был включен блок вопросов, предполагающих качественную описательную оценку ремиссии и своих состояний.

Инструкция: Опросник нацелен выявить Вашу точку зрения на качество Вашей жизни. Я буду зачитывать вслух вопрос и называть вариант ответа на него, ваша задача выбрать наиболее подходящий вам ответ. В случае возникновения каких-либо сомнений при выборе ответа, выбирайте тот ответ, который первым приходит в голову. Я хочу обратить ваше внимание на то, что ответы на вопросы должны учитывать ваши взгляды на жизнь, надежды, принципы, увлечения и интересы. Какой Вы считаете свою жизнь в течение последних четырех недель?

Результаты и их анализ

Обработка и интерпретация результатов теста

Подсчитывается суммарный балл.

Ответам испытуемого на прямые вопросы:

1,2,3,4,5,6,7,8,9,10,12,13,16,17,19,20,24,26, приписываются баллы в прямой последовательности:

Таблица 2

Ключ к опроснику

Вариант ответов	1	2	3	4
Баллы	1	2	3	4

Ответам испытуемого на обратные вопросы:

11,14,15,18,21,22,23,25, приписываются баллы в обратной последовательности:

Таблица 3

Ключ к опроснику

Вариант ответов	1	2	3	4
Баллы	4	3	2	1

В результате подсчетов суммарных баллов низкие показатели качества ремиссии соответствуют диапазону от 26 до 51 балла, средние - от 52 до 78 баллов, высокие показатели качества ремиссии - от 79 до 104 баллов.

26-51 балла - ремиссия считается низкого качества,

Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах

	Вопросы	Варианты ответов			
		1	2	3	4
1.	Довольны ли вы своей жизнью в настоящий момент?	нет	не очень	да	очень
2.	Какое настроение у вас в данный момент?	плохое	по-разному	хорошее	отличное
3.	Какое настроение бывает у вас чаще всего?	плохое	по-разному	хорошее	отличное
4.	Насколько безопасно Вы себя ощущаете в повседневной жизни?	нет	не очень	да	очень
5.	Хватает ли Вам сил для повседневной жизни или выполнения повседневных обязанностей?	нет	не очень	да	очень
6.	Насколько Вы хорошо себя чувствуете?	плохо	по-разному	хорошо	отлично
7.	Насколько комфортно вы себя чувствуете в семье, с родственниками?	плохо	по-разному	хорошо	отлично
8.	С каким настроением Вы идете на работу?	плохое	по-разному	хорошее	отличное
9.	С каким настроением Вы возвращаетесь с работы домой?	плохое	по-разному	хорошее	отличное
10.	Чувствуете ли вы в себе энергию для повседневной жизни и работы?	никогда	иногда	часто	очень часто
11.	Как часто Вы чувствуете, что измотаны и у Вас совершенно нет сил?	никогда	иногда	часто	очень часто
12.	Хватает ли вам денег на свои расходы?	нет	не очень	да	очень
13.	Вы часто можете себе позволить отдых и развлечения?	никогда	иногда	часто	очень часто
14.	Как часто Вы чувствуете себя голодным?	никогда	иногда	часто	очень часто
15.	Как часто Вам снится, что Вы употребляете алкоголь?	никогда	иногда	часто	очень часто
16.	Насколько Вы довольны собой?	нет	не очень	да	очень
17.	Вы удовлетворены личными взаимоотношениями?	нет	не очень	да	очень
18.	Как часто Вы злитесь?	никогда	иногда	часто	очень часто
19.	Вы удовлетворены свое сексуальной жизнью?	нет	не очень	да	очень
20.	Вы получаете поддержку от своих друзей?	никогда	иногда	часто	очень часто
21.	У Вас часто бывают плохое настроение, тревога, депрессия?	никогда	иногда	часто	очень часто
22.	Как часто у Вас возникает желание употребить алкоголь?	никогда	иногда	часто	очень часто
23.	Как часто Вы чувствуете себя уставшим?	никогда	иногда	часто	очень часто
24.	Вы применяете навыки, полученные в программе реабилитации для преодоления плохого настроения, тревоги, депрессия, одиночества?	никогда	иногда	часто	очень часто
25.	Как часто Вы чувствуете себя одиноким?	никогда	иногда	часто	очень часто
26.	Вы пытаетесь реализовать Ваши мечты и цели?	никогда	иногда	часто	очень часто
Вопросы для качественной оценки:					
27.	О чем вы мечтаете в ближайшее время и в перспективе?				
28.	В чем главная цель вашей жизни?				
29.	Что из программы реабилитации было для вас наиболее (самым) значимым/ценным				
30.	Что из программы реабилитации помогает сегодня Вам оставаться трезвым				
31.	Назовите свое самое большое достижение за последний год				

с присутствием тревожных и депрессивных проявлений, сниженного настроения, отсутствия сил и энергии для выполнения повседневных дел, ощущением одиночества и неудовлетворенностью собой и своей жизнью взаимоотношениями с родственниками, высокой конфликтностью в семье, отсутствием истинных желаний и целей и субъективно оцениваемой возможности для их реализации, инфляцией мечты, отсутствием адаптивных копинг-стратегий для преодоления трудных жизненных и эмоциональных ситуаций, нежеланием что-либо делать для решения возникающих проблем, в том числе следовать навыкам, полученных в программе реабилитации, неверием в свои силы и возможности, часто возникающее патологическое влечение к алкоголю (ПВА), высокий риск развития срыва и рецидива.

52-78 баллов – ремиссия среднего качества с периодическими тревожными и депрессивными состояниями, иногда возникающим ощущением одиночества, ситуативным снижением настроения, сформированными навыками адаптивных копинг-стратегий, которые применяются на практике не всегда, в зависимости от ситуации и настроения, средняя степень конфликтности, удовлетворенности собой и своими возможностями по реализации своих жизненных планов, способность планировать, но не всегда достигать намеченных целей, средний уровень жизненной энергии, сил и энергии для выполнения повседневных дел, периодически возникающее ПВА, имеется потенциал из навыков, приобретенных при реабилитации или лечении для его преодоления, средний уровень вероятности развития срыва и рецидива.

79-104 балла – ремиссия высокого качества с преобладанием хорошего настроения, минимальным количеством тревожных и депрессивных состояний, возможных ситуативно и не доминирующих в эмоциональном фоне, верой в себя и свои силы, сформированными конструктивными копинг-стратегиями, позволяющими обращаться за помощью в решении сложных жизненных ситуаций и преодолении возможных депрессивных со-

стояний к значимым другим, удовлетворенностью жизнью, взаимоотношениями в семье и на работе, редко или очень редко возникающее ПВА, низкий риск развития срыва и рецидива.

Однако, интервал 98-104 балла может свидетельствовать о вытеснении проблем, беззаботном, безответственном отношении к своей жизни на определенном ее этапе, возможно, связанном со значимым эмоционально-положительным событием (влюбленность, свадьба, повышение по работе, новоселье и т.д.). Поэтому при получении столь высоких баллов желательно уточнять их причину.

Таким образом, переработанный в плане содержания и структуры оригинальный «Опросник оценки качества ремиссии в удаленных и труднодоступных регионах» (ООКРУТР) обнаруживает свою эффективность при анализе уровня ремиссии у больных алкоголизмом. Вид опросника значительно расширяет возможность психолога по работе с данной группой пациентов, поскольку позволяет проводить тест дистанционно (с применением средств информационно-коммуникационных технологий).

Вопросы для качественной оценки не имеют количественного выражения и предназначены для выявления проблемных зон с целью их возможной психологической проработки в дальнейшем.

Однако следует заметить, что в рамках настоящего исследования тест опробован на малочисленной выборке (16 человек, 5 семей), в которой его результаты соответствуют объективным характеристикам качества ремиссии, полученным методами наблюдения, беседы, опроса микроокружения респондентов, страдающих алкоголизмом и их семей. Опросник требует дополнительной валидации на большей репрезентативной выборке, что определяет необходимость дальнейшей разработки заявленной темы, намечает пути новых научных изысканий по данной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз В.Г. Чукчи / Авторизованный перевод с английского/ Часть I. Научно-исследовательская ассоциация Института народов севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии. Ленинград: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. V т.
2. Величковский Б.Т. Полярная одышка [Электронный ресурс] // Социальное партнерство. 2006. № 3. Режим доступа: <http://www.oilru.com/>.
3. Дубинина Л.А. Клинические и социально-психологические критерии оценки реадaptации больных алкогольной зависимостью на этапах становления ремиссии Методические рекомендации. Пособие для врачей / СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2012.
4. Дунаев А.Г. Индивидуально-психологические особенности личности больных хроническим алкоголизмом с различной длительностью психотерапевтической ремиссии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Ростов-на-Дону, 2006. 151 с., с. 35
5. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии. / Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124-136.
6. Зуев А.С. Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв. [Электронный ресурс] // Сибирская Заимка. 1998. Режим доступа: <http://zaimka.ru/zuev-chukchi/>

7. Кошкина Е.А., Киржанова В.В., Бабичева Л.П., Муганцева Л.А. Деятельность наркологической службы Российской Федерации: оценка статистических показателей и анализ результатов // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова 2013; 2 (6):3-8.
8. Кошкина Е.А., Сиржанова В.В., Гусева О.И. Мониторинг и оценка эффективности наркологической службы в условиях ее модернизации: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] / Эл №ФС77-28654. Социальные аспекты здоровья населения. 2015. Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru>
9. Кулаков С.А., Береза Ж.В., Корчагина Е.К. Комплексная медицинская (психотерапевтическая) модель реабилитации пациентов с химическими и нехимическими формами аддикций, расстройствами личности, а также членов их семей // Психическое здоровье. 2014. № 1. С. 16-22.
10. Малахова Ж.Л. Клинико-патогенетические основы фетального алкогольного синдрома у детей раннего возраста: автореф. дис. ... д-ра мед. наук: 14.01.08 / Екатеринбург, 2012. 62 с.
11. Морев М.В., Попова В.И. Социальный портрет страдающих алкоголизмом и наркоманией // Проблемы развития территории. 2011. Вып. 1 (53). С. 67-76.
12. Профилактика патологических форм зависимого поведения: в 3 т. / Лечебная субкультура: технологии профилактики рецидива (третичная профилактика). М: РБФ НАН, 2010. 312 с. 3 т.
13. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
14. Численность населения наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации // Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Федеральная служба государственной статистики. 2010. Том 11. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 17.12.2018).
15. Чухрова М.Г. Основные направления профилактики алкоголизма среди коренного населения с учетом культуральных и психологических особенностей // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7 (19) 2. С. 225 – 228.
16. Чухрова М.Г., Курилович С.А., Леутин В.П. Патофизиологические и психосоматические аспекты потребления алкоголя в Туве / Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 1999. 148 с.
17. Юрченко Л.Н. Клинико-катамнестическое исследование эффективности психотерапии алкоголизма: автореф. дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.45, 14.00.18 / Рязань, 1999. 23 с.

© Литвякова Ольга Станиславовна (superpolis@gmail.com), Белопольская Наталия Львовна (natalybelopolsky@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРВИЧНАЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЙ

Маст Светлана Викторовна

Аспирант, ГАОУ ВО Ленинградской области
«Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина»
Svetlanamast@mail.ru

PRIMARY PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PREVENTION OF ADDICTIVE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS: PROBLEMS, PROSPECTS FOR THEIR SOLUTIONS

S. Mast

Summary: The article presents the results of a study aimed at identifying current problems of primary psychological and pedagogical prevention of addictive behavior of adolescents and determining the prospects for their solutions in the context of recent scientific ideas. The relevance of the study is due to the crisis in the development and formation of personality in adolescence, due to the possibility of choosing an addictive behavior strategy by a teenager and the need to carry out a set of measures aimed at preventing it. The author presents the primary prevention program «New way!», which aims to form protective coping resources and productive coping strategies in adolescents. Thanks to the conceptual basis, clarity and realism in the formulation of the program's objectives, a significant strengthening of protective and adaptive factors is achieved, thereby reducing the actions of risk factors, and contributing to the development of personal.

Keywords: adolescent, addictive behavior, primary psychological and pedagogical prevention, protective coping resources, productive coping strategies.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, целью которого стало выявление современных проблем первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков, и определение перспектив их решений в контексте последних научных представлений. Актуальность исследования обусловлена кризисностью в развитии и становлении личности в подростковый период, возможностью выбора подростком аддиктивной стратегии поведения и необходимостью проведения совокупности мероприятий, направленных на ее предупреждение. Автором представлена программа первичной профилактики «Новый путь!», целью которой является формирование протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий подростка. Благодаря концептуальной основе, четкости и реалистичности в постановке задач программы достигается существенное усиление протективных и адаптационных факторов, тем самым уменьшая действия со стороны факторов риска, и содействуя развитию ресурсов личности.

Ключевые слова: подросток, аддиктивное поведение, первичная психолого-педагогическая профилактика, протективные копинг-ресурсы, продуктивные копинг-стратегии.

Введение

Профилактика аддиктивного поведения приобретает особую значимость в подростковом возрасте, который является кризисным в развитии и становлении личности. Именно этот период характеризуется формированием важных, с точки зрения личностного развития подростка, качеств, среди которых стремление к развитию и к саморазвитию, интерес к своей личности и ее потенциалам через самонаблюдение, что в целом может служить основанием для предположения об их рассмотрении в качестве объекта для воздействия в ходе профилактики аддикции.

Теоретический анализ проблемы исследования

Одним из центральных личностных новообразований подросткового периода следует считать становле-

ние самосознания, Я-концепции, которое находит своё отражение в стремлении понять себя, определить свои возможности и выявить преобладающие особенности, что можно рассматривать в качестве своеобразной сатисфакции своей уникальности и неповторимости. Как психологическое условие аддиктивного поведения подростков представлен комплекс психологических характеристик, включающий в себя эгоцентрическую направленность и низкий уровень рефлексии.

Л.С. Выготский (1984) считал, что «именно в подростковом возрасте влияние среды на развитие мышления приобретает особую значимость», «в подростковом возрасте механизмы преодоления стресса носят динамический и транзиторный характер, обеспечивают развитие индивида, способствуют или препятствуют включению биологических и социальных факторов риска поведенческих, психосоматических и психических нарушений».

Ряд отечественных исследователей считают, что во многих случаях аддиктивное поведение подростков обусловлено действием механизмов поиска новых впечатлений на фоне неразвитости у них сферы потребностей, искажения процесса социализации и особенностей эмоциональной сферы: низкой стрессоустойчивости, повышенной тревожности, импульсивности (Пригожин И. 2003, стр. 34-35). В подростковом возрасте сильные эмоции возникают чаще по сравнению со взрослыми, что вызывает своеобразную «блокировку» в принятии разумных решений (Божович Л.И. 1997, стр. 187).

Механизмы преодоления стресса необходимы в жизни подростков в кризисные ситуации. Семья («ссоры в семье»), взаимоотношения со сверстниками («конфликт с другом»), взаимоотношения со значимым взрослым («конфликт с учителем»), учебная деятельность, здоровье («болезни, травмы») – типичные кризисные ситуации по мнению отечественных ученых.

С позиции научных психологических и педагогических теории в качестве определяющих факторов риска, способных вызывать аддиктивное поведение в подростковом возрасте следует рассматривать микросредовые факторы, обуславливающие особенности взаимоотношений подростков со взрослыми и сверстниками.

Социальная поддержка в этот период играет важную роль. Сказанное определяется особенностями подросткового возраста, характеризуемого интенсивностью процессов обучения, в ходе чего происходит освоение способов психологического преодоления жизненных трудностей. В этот период успешность становления личности подростка определяется уровнем его взаимодействия в совместной деятельности со взрослым. Следует отметить некоторое противоречие, проявляемое у подростков, которое выражается в стремлении противопоставить себя взрослым, в ходе демонстрации своей независимости, при этом ожидая от них психологической поддержки.

Адекватные формы, наиболее часто позиционируемые как «взрослость» (ответственность, социальная активность, открытое проявление собственной точки зрения и т.д.), в подростковом возрасте формируются при непосредственной поддержке со стороны взрослых. Проявление своих возможностей в ходе выявления своих сильных и слабых сторон, самостоятельном определении причины удач и неудач подростком, возможно благодаря поддержки и помощи взрослых.

Кроме отмеченного, следует подчеркнуть значимость еще одного важного фактора, способного существенно отразиться на психическом развитии подростка – общение со сверстниками. В подростковом возрасте важным

является реализация психологических потребностей посредством общения со сверстниками, в которых подросток стремится продемонстрировать свою самостоятельность и независимость. В контексте сказанного в условиях реализации межличностных отношений важной составляющей выступает эмоциональная насыщенная, что обусловлено значимостью его признания (Жарикова Т.П. 2011).

Недостаток эмоционального общения, в том числе и в семье, побуждает в них желание поиска искусственно вызванных положительных эмоций, недостаток которых подросток ощущает в реальной жизни. Встречаемые на пути жизненного становления подростком трудности, определяют необходимость разработки конкретных стратегий с целью их преодоления, которые могут рассматриваться в качестве его ответной реакции на требования со стороны окружающей его среды.

В подростковом возрасте существует возможность реализации одной из множества потенциальных альтернатив развития, которые могут быть как позитивными, так и негативными. Позитивный результат решения возрастных задач способствует переходу на более высокую ступень развития (Л.С. Выготский (1984), интеграцию свободы и ответственности в единый механизм автономной детерминации зрелой личности (Д.А. Леонтьев с.79), формированию идентичности (Э. Эриксон с.165).

Множество новых противоречивых жизненных ситуаций, неизбежных для возрастного кризиса, недостаток личностного ресурса для разрешения психологических проблем повышают вероятность выбора аддиктивной стратегии поведения.

Теория копинг-поведения, выделенная нами в качестве теоретической основы психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков, предполагает выстраивание особой системы профилактики.

В широком смысле термин профилактика означает «совокупность мероприятий, направленных на предупреждение каких-либо нежелательных явлений» (Змановская Е.В. 2003). Исследователи, используя термин профилактика как совокупность государственных, общественных, социально-медицинских и организационно-воспитательных мероприятий, направленных на предупреждение, устранение или нейтрализацию основных причин и условий, вызывающих различного рода социальные отклонения в поведении подростков, нередко заменяют его термином превенция (от лат. preventus-предупреждать что-либо), что обозначает комплекс действий, предупреждающих опасное развитие событий, принимают эти понятия как синонимы, и

употребляют их равноправно (Музаева Ю.А. 2007. С. 62).

Общепринятым является классификация профилактических мероприятий на первичные, вторичные и третичные. В частности, Всемирная организация здравоохранения (далее ВОЗ) следующим образом определяет перечисленные уровни профилактических мер: первичная профилактика преследует цель устранение неблагоприятных факторов, способных вызвать повышение уровня устойчивости личности и возможности её противодействия внешним факторам; целью вторичной профилактики является выявление конкретных нарушений и деятельность с подростками, относимыми к так называемой «группе риска»; третичная профилактика нацелена на решение специальных задач, в частности, лечение, коррекция нарушений, предупреждение их рецидивов и реабилитация «травмированных» функций [Змановская Е.В. 2003.].

До настоящего времени, представления о значимости первичной профилактики, первоначально представленной в виде системы наказаний, запретов и санитарного просвещения (Личко А.Е., Битенский В.С., 1991), постоянно видоизменялись, что обусловлено неоднозначностью исследуемой деятельности.

Ход и результаты исследования

На протяжении многих лет первичная профилактика была представлена в виде информирования населения о состоянии проблемы, с раскрытием тяжести медицинских и социальных последствий разнообразных зависимостей, исключая нехимические её виды (Егоров А.Ю. 2007.). Однако, согласно справедливому с нашей точки зрения мнению, высказанному Б. Спрангером (1994), трансляцию информации не следует рассматривать в качестве процесса обучения, в то время как информационный подход реализуется до настоящего момента в качестве основного при реализации разнообразных профилактических программ, не решающих проблем поведения подростка.

На первый план выходят вопросы психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения у подростков, содействие становлению личности и её самореализации. В свете сказанного, профилактические мероприятия, ориентированные на пропедевтику аддиктивного поведения подростков, выступают в качестве основной цели первичной профилактики. В решении проблем аддиктивного поведения предпочтение отдается первичной психолого-педагогической профилактике (Симатова О.Б. 2008).

Как определяющая составляющая системы первичной профилактики аддиктивного поведения детей-си-

рот и детей, оставшихся без попечения родителей с целью формирования протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий, на базе Бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, «Аистенок» была разработана и реализована программы первичной профилактики аддиктивного поведения подростков, проживающих в замещающих семьях, «Новый путь!».

Для реализации поставленной цели решались следующие задачи программы:

1. Развитие когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов копинг-поведения и когнитивно-оценочных механизмов подростков;
2. Развитие личностных ресурсов подростков, способствующих формированию здорового жизненного стиля и высокоэффективного поведения (адекватная самооценка, Я-концепция, эмпатия, аффилиация, стремление к успеху и др.);
3. Формирование навыков эффективного взаимодействия в семье, совершенствование функций семьи, которые способствуют развитию здоровой личности, через развитие личностных ресурсов родителей, повышение родительских компетенций.
4. Развитие кадровых и общественных ресурсов для работы по профилактике аддиктивного поведения подростков, проживающих в замещающих семьях.
5. Распространение эффективных форм и методов работы с целевыми группами.

В соответствии с целью и поставленными задачами, были определены ожидаемые конечные результаты реализации Программы:

1. *Повышение эффективности системы по реализации комплекса мер, направленных на профилактику аддиктивного поведения подростков, проживающих в замещающих семьях:*
 - актуализация знаний специалистов по современным подходам к профилактике аддиктивного поведения подростков;
 - повышение мотивации специалистов к деятельности, обучение навыкам и приемам саморегуляции, управления конфликтом, управления стрессом и др.;
 - обеспечение личностно-профессионального, культурного, творческого роста специалистов; совершенствование профессиональных компетенций;
 - повышение эффективности профилактики аддиктивного поведения несовершеннолетних;
 - повышение эффективности работы с семьями (замещающими родителями).

№ п/п	Целевой показатель	Индикатор
<i>1. Повышение эффективности системы по реализации комплекса мер, направленных на профилактику аддиктивного поведения подростков, проживающих в замещающих семьях.</i>		
Задача 1. Развитие кадровых и общественных ресурсов для работы по профилактике аддиктивного поведения подростков, проживающих в замещающих семьях.		
1.1.	Организация взаимодействия с субъектами профилактики и иными структурами по реализации Программы.	Количество субъектов профилактики Количество человек
1.2.	Актуализация знаний по современным подходам к профилактике аддиктивного поведения подростков.	Количество человек
1.3.	Повышение квалификации специалистов.	Количество человек
1.4.	Повышение мотивации специалистов к деятельности, обучение навыкам и приемам саморегуляции, управления конфликтом, управления стрессом и др.	Количество мероприятий Количество человек
1.5.	Обеспечение лично-профессионального, культурного, творческого роста специалистов; Совершенствование профессиональных компетенций; Освоение нового содержания и технологий психолого-педагогической деятельности	Количество мероприятий Количество человек
1.7.	Обмен профессиональным опытом, информацией; обретение и поддержка профессиональной идентичности; возможность получить поддержку коллег; обретение альтернативных способов действий в работе с клиентом; разбор сложных случаев.	Количество человек Количество встреч
1.8.	Удовлетворённость специалистов участием в программе	% от общего количество специалистов
1.9.	Подведение итогов реализации Программы, обобщение полученных результатов, определение перспективных планов по сохранению полученных результатов	Количество человек Количество субъектов
Задача 2. Распространение эффективных форм и методов работы с подростками, склонными к аддиктивному поведению, проживающими в замещающих семьях, с замещающими родителями		
2.2.	Обобщение материалов в рамках реализации Программы.	Количество экземпляров сборника методических материалов
2.3.	Повышение эффективности профилактики аддиктивного поведения несовершеннолетних	Количество рекомендаций. Количество экземпляров
2.4.	Повышение эффективности работы с семьями (замещающими родителями).	Количество брошюр. Количество экземпляров
2.5.	Информирование о ходе и результатах реализации Программы.	Количество публикаций Издания
<i>2. Формирование протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения подростков через организацию превентивной деятельности всех участников процесса;</i>		
Задача 1. Развитие когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов копинг-поведения и когнитивно-оценочных механизмов; Задача 2. Развитие личностных ресурсов подростков, способствующих формированию здорового жизненного стиля и высокоэффективного поведения (адекватная самооценка, Я-концепция, эмпатия, аффилиация, стремление к успеху и др.).		
3.1.	Формирование здорового жизненного стиля и высокоэффективных поведенческих стратегий подростков.	Число подростков, выбирающих продуктивные копинг-стратегии
3.2.	Развитие личностных ресурсов подростков.	Число подростков, имеющих адекватную самооценку Число подростков с адекватным уровнем тревожности Число подростков со средними и высокими показателями уровня эмпатии Число подростков, имеющих позитивную мотивацию на успех Количество тренингов

№ п/п	Целевой показатель	Индикатор
3.3.	Развитие стратегий и навыков поведения, ведущих к здоровью и препятствующих поведению риска, использование альтернативных способов получения радости и удовольствия, позитивного общения	Количество участников Количество мероприятий Общий охват участников, в том числе принимающих участие в различных мероприятиях
3.4.	Повышение информированности подростков о действии и последствиях употребления психоактивных веществ	Количество участников Количество мероприятий
3.5.	Удовлетворённость подростков участием в программе	% от общего количества подростков
<i>3. Оказание психолого-педагогической поддержки семьям, воспитывающим подростков, склонных к аддиктивному поведению.</i>		
Задача 1. Формирование навыков эффективного взаимодействия в семье, совершенствование функций семьи, которые способствуют развитию здоровой личности.		
4.1.	Повышение уровня знаний родителей, формирование семейного проблем-преодолевающего поведения. Развитие родительских компетенций, повышение эффективности взаимодействия в семье.	Количество участников Количество мероприятий Общий охват участников, в том числе принимающих участие в различных мероприятиях Уровень удовлетворенности родителей участием в программных мероприятиях
4.2.	Развитие навыков позитивного взаимодействия с подростками.	Количество участников Количество мероприятий

— межведомственная интеграция образовательных учреждений, БУ ЦПД «Аистенок», субъектов профилактики и иных структур в рамках реализации Программы;

2. *Формирование протективных копинг-ресурсов и продуктивных копинг-стратегий поведения подростков через организацию превентивной деятельности всех участников процесса:*

- формирование здорового жизненного стиля и высокоэффективных поведенческих стратегий подростков;
- развитие личностных ресурсов подростков;
- развитие стратегий и навыков поведения, ведущих к здоровью и препятствующих поведению риска, использование альтернативных способов получения радости и удовольствия, позитивного общения;
- повышение информированности подростков о действии и последствиях употребления психоактивных веществ.

3. *Оказание психолого-педагогической поддержки семьям, воспитывающим подростков, склонных к аддиктивному поведению:*

- повышение уровня знаний родителей, формирование семейного проблем-преодолевающего поведения;
- развитие личностных ресурсов родителей, родительских компетенций, повышение эффективности взаимодействия в семье, развитие навыков позитивного взаимодействия с подростками.

Были определены целевые показатели и индикаторы программы.

Выводы

Стратегическим приоритетом первичной психолого-педагогической профилактики аддиктивного поведения подростков являлось создание системы позитивной профилактики, в центре которой находится личность подростка, а основная задача состояла в реализации его личностных копинг-ресурсов. Включение подпрограмм для родителей, и мероприятий по подготовке специалистов, привлечение к участию в реализации программы общественных ресурсов способствует развитию социальной среды. Работа с родителями направлена на повышение родительских психолого-педагогических компетенций, что содействует уменьшению факторов риска зависимого поведения, связанных с семьей. Развитие кадровых и общественных ресурсов для работы по профилактике аддиктивного поведения подростков, проживающих в замещающих семьях, позволит привлечь общественное внимание к проблеме, даст возможность дальнейшего распространения эффективных форм и методов работы с целевыми группами.

Наличие концептуальной основы, четкость и реалистичность в постановке цели и задач программы, направленность на усиление протективных и адаптационных факторов и уменьшение факторов риска, развитие ресурсов личности обеспечивают ее адекватность современным направлениям профилактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. - М.: Издательство «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. - 352 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология /Под ред. Д.Б. Эльконина.-М.: Педагогика, 1984. - 432 с.
3. Егоров А.Ю., Игумнов С.А. Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. - СПб.: Речь, 2005. - 436 с.
4. Жарикова Т.П. Психологические особенности ресурсного подхода к психолого-педагогической профилактике факторов риска аддиктивного поведения в подростковом возрасте: дис. . . канд. псих. наук, Самара 2011. - 183 с.
5. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения личности: Учеб пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. - 288 с.
6. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции //Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова/ Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой.-М.: Смысл, 2006. Вып. 2. –с. 85-105.
7. Личко А.Е. Подростковая наркология / А.Е. Личко, В.С. Битенский – Л.: Медицина, 1991. - 304 с. 17. Казанская-В.Г.-Подросток,- Трудности взросления: -книга для психологов, педагогов, родителей. - СПб.: Питер, 2006. - 240 с.
8. Музаева Ю.А. Минимизация проблемных полей в педагогической профилактике девиантного поведения детей-сирот в детском доме: дис. . . канд. пед. наук / Музаева Ю.А. – Омск, 2007.
9. Пригожин И. Порядок и хаос: Новый диалог человека с природой/И. Пригожин, И. Стенгерс. - М.: УРСС, 2003. -310 с.
10. Симатова, О.Б. Первичная психолого-педагогическая профилактика аддиктивного поведения подростков в условиях средней общеобразовательной школы: дис. . . канд. псих. наук / О.Б. Симатова – Иркутск, 2008. – 213 с.
11. Спрангер Б.Е. Анализ состояния обучающихся программ “Формирование жизненных навыков” в мире// Вопросы наркологии. -1994.-№1.
12. Эриксон Э. Детство и общество: Пер. с англ. /ред. А.А. Алексеев. -2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Речь, 2000. -416 с.
13. Brown R.I. F. Some contributions of the study of gambling to the study of other addictions // In W.R.Eadingtone & J.A.Cornelius. Gambling Behavior and Problem Gambling. Reno: University of Nevada Press. 1993. P.241- 272.
14. Lazarus R.S. Psychological-stress-and coping-process. - New-York McGraw Hill. - 1966.
15. Miller W. Addictive behaviors: Treatment of alcoholism, drug, abuse, smoking and obesity. Oxford etc: Pergamon Press, 1984. - 353 p.

© Магст Светлана Викторовна (Svetlanamast@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

ПОНИМАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНСТРУКТА ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Мачуха Александр Михайлович

Соискатель, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный
Университет»
aleksandrinfo@bk.ru

Васильева Ольга Семеновна

К.б.н., профессор, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный
Университет»
vos@sfedu.ru

UNDERSTANDING AND PSYCHOLOGICAL CONTENT OF THE CONSTRUCT OF PERSONAL MATURITY

**A. Machukha
O. Vasilyeva**

Summary: This article presents the results of a study aimed at specifying the understanding and establishing the psychological content of the construct of personal maturity. The choice of the research topic due to the relevance of issues, among which for the study were the following: different understanding of the definition of «maturity», the degree of inclusion of aspects of adulthood, establishing a certain level of development of higher mental processes and the possibility of correlating age with the concept of personal maturity, allocation intrapersonal and interpersonal characteristics of personal maturity, etc. The analysis is quite extensive material in the context of the topic and specified the objectives of the study, it is determined that the aspects of personal maturity should not be seen as its integrative and differential manifestation in different aspects of life: morality, spirituality, intimacy, positivity of self and relationship to others, ability to self-development, interpersonal tolerance, separating it from the overall adaptive capacity of the individual, considering his age-related maturity criteria of adulthood.

Keywords: personal maturity, adulthood, characteristics, implicit concepts.

Аннотация: В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которого стало конкретизация понимания и установление психологического наполнения конструкта личностной зрелости. Выбор темы исследования обусловлен актуальностью вопросов, среди которых для изучения были выделены следующие: различное понимание дефиниции «зрелость», степень включенности аспектов взрослости, необходимости установления определенного уровня развития высших психических процессов и возможности соотнесения возраста с понятием личностной зрелости, выделение интраперсональных и интерперсональных характеристик личностной зрелости и т.д. В результате анализа достаточно обширного материала в контексте темы и заданной цели исследования, определено, что в аспектах личностной зрелости следует рассматривать не ее интегративное состояние, а дифференциальные проявления в различных жизненных аспектах: нравственности, духовности, интимности, позитивности самоотношения и отношения к другим, способности к саморазвитию, межличностной толерантности, отделив это от общего адаптационного потенциала личности, считая его возрастными критериями зрелости периода взрослости.

Ключевые слова: личностная зрелость, взрослость, характеристики, имплицитные концепции.

Введение

Привлекая к себе внимание достаточно большого числа психологов, феномен личностной зрелости до настоящего времени является слабо определенным как терминологически, так и по своей наполненности. При этом слово «зрелость» встречается в текстах и само по себе, и в сочетаниях со словами «психологическая» и «социально-психологическая», что, безусловно, несколько меняет транскрипцию самого слова «зрелость». Нередко также используется сочетание слов «зрелость личности», и такое сочетание слов мы находим в эпигенетической теории Э. Эриксона, согласно которому зрелость для человека начинается с 20-ти лет [7, с.256]. Однако очевидно здесь произведена подмена понятий «зрелости» и «взрослости», т.е. речь скорее всего идет о вхождении во взрослость, в самостоятельную жизнь, которая может начинаться и как в более раннем, так и в более позднем возрасте.

Зрелость в психологическом понимании начинает

рассматриваться в науке с 30-х гг. прошлого столетия как закономерный этап развития человека и под ней понимается достаточный уровень развития высших психических функций. Однако также понятно, что развитие высших психических процессов гетерохронно, и, например, пик интеллектуальной функции для многих людей приходится на 28-35 лет, а это достаточно большой период, и, кроме того, резкое взросление часто наблюдается, если человек попадает в сложные условия жизни, что также слабо связано с возрастом, но с событием. Таким образом, и эта попытка обобщать понятия зрелости и взрослости показала свою несостоятельность.

Следующий этап понимания зрелости, это «зрелость личности», и он выделяется с середины 60-х гг. XX столетия, проявляя себя в работах гуманистических психологов - А. Маслоу («самоактуализирующаяся личность») и К. Роджерса («полноценно функционирующая личность»), в неомарксизме Э. Фромма («плодотворный характер»), в диспозиционной теории Г. Олпорта («зрелая личность»), в аналитической психологии К.Г. Юнга («це-

лостная личность») [4] и др., где были выделены весьма разнообразные характеристики личностной зрелости, однако не представлено единого «рецепта» по ее достижению, и, при этом, совершенно очевидно, что, во-первых, личностное развитие не тождественно психическому, интеллектуальному и нравственному развитию, и во-вторых, личностная зрелость в различных областях жизни человека осуществляется и по-разному, и в разные периоды времени.

Следует обратить внимание на то, что различное понимание зрелости и включенность сюда аспектов зрелости и необходимости наличия определенного уровня развития высших психических процессов, и, кроме того, достижения человеком вершин профессионального мастерства (акме) создают путаницу в понимании явления личностной зрелости (в аспектах профессиональной самореализации здесь также используются понятия «эффективность», «компетентность» и пр., что создает еще большую путаницу).

Не решен вопрос возможности соотнесения возраста с понятием личностной зрелости. Так К.А. Абульханова-Славская [1] указывает на то, что зрелым может быть и юноша, а незрелым можно оставаться до старости. Н.В. Козловская [10] исследует личностную зрелость в качестве интегративного личностного образования юности, в то время как И.Б. Дерманова и В.Р. Манукян [6] считают, что вести речь о личностной зрелости можно лишь в отношении взрослого человека. Такого же мнения придерживаются Е.В. Сабельникова и Н.Л. Хмелева [15], считая, что юность является переходным периодом: уже не ребенок, но еще не взрослый. При этом имеется ввиду необходимость наличия достаточной зрелости психических процессов, а также – наличие «взрослости» как потребности в труде, самостоятельности и независимости, и построении постоянных прочных отношений с партнером. При этом А.П. Мядель [13] считает невозможным вообще говорить о зрелости без наличия факта физической зрелости.

При выделении множественных характеристик личностной зрелости далеко не всегда разводятся понятия психологической и социальной зрелости, а отдельными авторами именно социальная зрелость ставится во главу угла для определения личностной зрелости.

Теоретический анализ проблемы исследования

Понятно, что при таком разнообразии мнений во круг феномена личностной зрелости очень трудно произвести его однозначное определение и, тем более, выделить методики для его исследования. Однако при множественности понимания личностной зрелости различными авторами все же есть смысл проведения обобщающего анализа подходов к этому явлению.

Взрослость, адаптационная, социальная и психологическая зрелость личности

С.Г. Вершловский [3], обобщая изученность феномена взрослости и указывая на его слабую определенность и многоаспектность, выделяет со своей точки зрения важнейшие характеристики взрослости – психологическую и социальную зрелость, а также – личностные установки на гуманистические ценности, используя для описания психологической зрелости произведенные Г.С. Сухобской выводы: необходимость самостоятельного прогнозирования собственного поведения в любых жизненных ситуациях посредством умения добывать и анализировать необходимую информацию применительно к своим целям, способность мобилизовать себя на выполнение принятого решения, контролировать результаты и рефлексировать с объективной оценкой мысли и поступки, извлекать соответствующие уроки, и производить эмоционально адекватные реакции. А.Г. Портнова и А.М. Богомолов [14] основой личностной зрелости называют ее адаптационные характеристики в аспектах прогноза своих функциональных возможностей в различных условиях жизнедеятельности, добавляя сюда активность, автономию, высокую внутреннюю регуляцию, ответственность, ориентированность на саморазвитие. А.А. Ильясов [9] в аспекте психологической зрелости в целом приходит к схожему мнению в отношении принятия за ней адаптационного потенциала человека, отражающего эффективность его самопроявления в период взрослости, а социальную зрелостью автор связывает с успешностью социализации личности. Н.Н. Малярчук и Н.В. Семенова [11] вообще принципиально не разводят понятия психологической и социальной зрелости личности, справедливо обращая внимание на роль Другого и указывая на нашу тотальную социальную обусловленность. Под психологической зрелостью понимается, прежде всего, готовность и способность решения разнообразных жизненных задач и активного «владения своим социальным окружением» (И.А. Шляпкина), совокупность личностных и функциональных компонент (Л.В. Клочкова), наличие терпимости, ответственности, позитивного мышления и стремления к саморазвитию (А.А. Реан), наличие умения разделять идеальные и реальные цели (Б.С. Братусь), наличие прочных границ личности (С.К. Нартова-Бочавер) и др. Мы видим, что здесь речь идет, прежде всего, именно об адаптационных характеристиках, «помогающих» человеку успешно «встроить» себя в социальные, производственные и иные отношения с миром, т.е. о «процессуальной» возрастной зрелости, но авторы почти не уделяют внимание нравственной, и, тем более, духовной сферам человека, и как вопрос – достаточно ли для того, чтобы считать личность зрелой, ее высокого адаптационного потенциала, ведь таковым может обладать и в целом не вполне психически здоровая личность?

«Зрелая личность», характер и надситуационная активность и ответственность

У.А. Бутаева [2] связывает психологическую зрелость личности с неситуативной ответственностью как способности человека думать о будущем и отвечать за собственные поступки, однако, на наш взгляд, такие критерии являются слишком слабыми и крайне недостаточными для фиксирования наличия личностной зрелости: заботиться о будущем нередко человека подвигает страх, и известны случаи «прижизненных» нищих, после смерти которых находили целые состояния. Е.Л. Доценко и В.А. Старцева [8] считают, что мерой зрелости личности может выступать поступок, точнее – зрелый поступок: являясь выбором альтернатив, за которым стоят альтернативные ценности, «зрелый поступок определяется как осознанное и ответственное действие, которое основано на личностной ответственности и продвигает личность в измерении личностного пути». Иначе говоря, поступок может быть зрелым («творческий поступок»), проявляющим себя в удачно найденном решении, учитывающем множественность альтернатив; не вполне зрелым – ответственным, но с выбором одной из альтернатив; незрелым («псевдопоступком»), совершаемым чаще всего под влиянием внешних обстоятельств, а также может осуществляться отказ от поступка («нулевой поступок») в ситуации задачи на поступок. Однако такой подход к пониманию поступка понимается нами как достаточно жесткий, т.к. действие под давлением жизненных обстоятельств нередко для каждого из нас, и, например, так называемая «внутренняя эмиграция», совершаемая человеком под действием определенных политических или экономических условий («писать в стол» для существенной части советских писателей) никоим образом не является ни отказом от поступка, ни «не вполне зрелым поступком». Кроме того, об изоморфизме (однозначном соответствии) между структурными уровнями личности, абсолют которого возможен только в идеальной системе: если личностные смыслы – это прообразы, а личностные свойства – производные этих прообразов (изоморфные образы), то отражающий целостность личности изоморфизм личностных смыслов и свойств личности полон только для личности здоровой, однако свойства личности ее смысловую структуру как ядро личности. То есть авторы связывают поступок прежде всего с характером человека, указывая при этом на изоморфность (однозначную связанность) большого числа структур личности. О.В. Горбунова связывает достижение социальной зрелости, для которой особенно важным она считает наличие «ответственности за себя и других людей в окружающем мире» [5, с.56], со степенью социализированности личности, связывая это также все и с характером, четко не определяя свойства последнего. Однако истории известны личности и целые большие группы, члены которых преследовали прежде всего собственные личные интересы внутри групповых, при этом

ориентированных на уничтожение и эксплуатацию других больших групп, прикрываясь рационально обоснованными лозунгами.

Имплицитные концепции личностной зрелости

Имплицитные (от лат. *implicite* – «включая», «в том числе») концепции отражают «индивидуальные проявления социально обусловленных представлений о действительности», и применительно к концепциям личностной зрелости – это проведенный различными авторами обобщающий анализ представлений о том, каким же содержанием может быть наполнен конструкт этого явления с точки зрения различных его исследователей. И здесь нами выделены две серьезные работы, в целом значимо пересекающиеся по своим результатам, что естественно, т.к. их авторы производят анализ по сути одного и того же материала, т.е. – уже известных авторов различных психологических школ, в той или иной мере затрагивающих в своих работах вопросы психологической, социально-психологической и личностной зрелости [16]. Отличительной особенностью систематизации В.Р. Манукян является выделение интраперсональных характеристик личностной зрелости, отнесенных автором к индивидуально-психологической зрелости, и интерперсональных характеристик личностной зрелости, отнесенных к социально-психологической зрелости [6]. Л.Л. Скворцова приводит сводные обобщенные данные критериев личностной зрелости, исходя из концепций зарубежных и отечественных авторов, и, что важно, описывает на эмпирическом материале структуру представлений ядра и периферии этого конструкта в пересечении 2-х показателей: частоты проявления слов-ассоциаций в ответах респондентов и ранга появления слов.

Л.Л. Скворцова, проведя свой обобщающий анализ различных концепций личности зрелости, в качестве проявления таковых выделяет: идентичность, автономию, осмысленность, ответственность, жизнестойкость, рефлексивность, позитивное самоотношение, духовность, коммуникативную компетентность, интимность, социальную активность, саморазвитие, межличностную толерантность и интеллектуальный потенциал. Как мы видим, многие характеристики, выделяемые двумя группами авторов, совпадают по смыслу, хотя и имеют несколько различные модусы названий.

При этом названные авторы для каждой характеристики личностной зрелости приводят исчерпывающие перечни авторов, мнение которых склоняется к тому, чтобы ту или иную дефиницию считать принадлежащей конструкту личностной зрелости, но, как правило, этот список авторов для каждой дефиниции ограничен, т.е. столь полные «наборы» «имплицита» конструкта личностной зрелости – это плод обобщающего труда перечисляемых В.Р. Манукян и Л.Л. Скворцовой, но большин-

ство исследователей проблемы личностной зрелости выделяет лишь часть таких дефиниций. И хотя А. Маслоу и выделяет целых 15 признаков для самоактуализирующейся личности: «адекватное восприятие действительности; принятие себя и других такими, какие они есть; соблюдение установленных правил; деловая направленность; позиция отстраненности по отношению к неприятностям; устойчивость под воздействием фрустрирующих факторов; свежесть восприятия; предельные переживания; чувство общности с человечеством в целом; отсутствие проявлений враждебности в межличностном взаимодействии; демократичность в отношениях; устойчивые внутренние моральные нормы; отношение с юмором к жизни в целом и к самому себе; креативность; критичное отношение к своей культуре» [12, с.58], но недаром работа, в котором эти признаки перечислены, на русском языке звучит как «Дальние пределы человеческой психики», и таких людей, по мнению А. Маслоу, не более 1% от всей популяции нашей планеты.

Но всегда ли под зрелостью личности мы понимаем одно и то же? С Олпортом можно согласиться, если особенно принять во внимание некоторые особенности так называемого зрелого возраста, когда в благоприятных условиях жизни состоялась семья и карьера, человек достиг достаточного уровня материального благополучия, установились и нивелировались характером не всегда «выгодные» свойства темперамента, так активно не влияет на мировосприятие «угомонившая» себя сексуальность и т.д. Молодости свойственно создание Я-идеала и сколь возможное воплощение его в жизнь, в том числе и в позициях личностного роста, но может быть здесь тогда следует говорить, например, о самоактуализации, а не «динамичном процессе личностной зрелости», но остановиться в ее понимании на мнениях тех исследователей, которые заявляют они об этом или нет прямо, определяют ее как преимущественно возрастное образование, также так или иначе связанное с различными аспектами адаптации?

И еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание. Меняя свой образ жизни, например, переезжая в другую страну или кардинальным образом меняя сферу своей деятельности, круг своих отношений, человек очень часто сильно меняет и свои навыки. В частности это хорошо заметно при смене брачного партнера и семьи: допустим, человек достаточно длительное время жил в семье и, может быть, не только с одним человеком, но там, где были старшие ее члены; семья была полностью ориентирована на предметную деятельность, и этот человек умел многое делать своими руками и любил это, но запрос о психологической интимности отношений для него был нерешенным, но насущным. В конце концов человек ищет и находит для себя партнера, интеллектуала, ориентированного на межличностные отношения, но

совершенно не ориентированного на реализацию себя в физическом труде. В конце концов ушедший из первого союза супруг привыкает к новым отношениям, но потребность реализовать себя в «работе руками», получить удовольствие от такого труда реализуется все меньше и меньше, особенно если образ жизни поменялся настолько, что запрос на такую самореализацию минимален. Разве вопрос только в самореализации или, или также – в изменении Я-идентичности? Человек меняется вместе с условиями жизни, ценностями и навыками, но прошлое переживается им не как чуждое, но – как другая, совершенно отличная часть жизни. И в этом контексте это уже в чем-то «разорванный» человек, и близкое к этому состояние мы переживаем в связи со значимыми для нас потерями. Т.е. меняется в некоторых аспектах Эго-идентичность и как следствие меняется конструкт личностной зрелости, акценты его субъективной наполненности, т.е. сам конструкт личностной зрелости оказывается связанным и с особенностями условий жизни, и с ее историей, и с наполненностью жизни субъективно значимыми элементами и событиями, и с жизненных перспективами личности.

Таким образом конструкт личностной зрелости не просто обширен, но и глубоко индивидуален. Сюда также на наш взгляд легко добавить и то, что задав любому стороннему от этой темы человеку вопрос о том, что они понимают под личностной зрелостью, большинство из нас выделит от 4-5-ти минимум до 7-8-ми максимум его показателей, что фактически является модусами объема произвольного внимания и памяти, т.е. как следствие – сам конструкт личностной зрелости бытийно осмысливается слабо. При этом называемые признаки скорее могут напоминать так любимые студентами-психологами корреляционные плеяды, кружки которых изображают входящие в структуру элементы, так или иначе связанные между собой разными по силе связями. При этом со всей очевидностью такие «кружки» могут быть весьма отличными у разных людей, но часть из них могут быть и общими для многих, и, при этом, осмысленно организованными.

Выводы

Часть авторов, говоря о личностной зрелости, пытаются объединить в этот конструкт явления, вряд ли прямо с ними связанные, как например, характер или поступок (или ряд других явлений), но, тем не менее, безусловно связанные между собой, что свидетельствует о слабой понятийной определенности вообще конструкта личностной зрелости; говорят об этом прямо или нет, но подавляющее большинство авторов придают личностной зрелости возрастную предопределенность, и, при этом, и здесь нет единого мнения, с какого возраста вообще есть смысл говорить о личностной зрелости – с момента выбора жизненного пути в юности, его це-

левого оформления в молодости или же «накопления» человеком определенных личностных характеристик в более позднем возрасте; идея имплицитного «подбора» «перечня» характеристик «зрелой личности» больше напоминает описание возможностей личностных проявлений вообще, гипотетических, а в аспекте личностной зрелости – описание идеала личности, и в этом ключе возникают вопросы не только о том, где следует вести рубикон между пониманием того, где статичные образования, а где динамические процессы в феномене личностной зрелости, но как следствие и том, стоит ли вообще говорить о личностной зрелости, или уточнять это явление такими терминами, как «процессы самоактуализации», «личностного роста» или «полноценно функционирующей личности», а в аспектах личностной зрелости все же вести речь не об ее интегративном состоянии, а о дифференциальных ее проявлениях в различных жизненных аспектах: нравственности, духовности, интимности, позитивности самоотношения и отношения к другим, способности к саморазвитию, межличностной толерантности и т.д., отделив это от общего адаптационного потенциала личности, считая его возрастными критериями зрелости периода взрослости.

Говоря о личностной зрелости, нельзя не обращать внимание на такое явление, как наполненность и пустота личности, хотя последнее и больше относится к личности патологической. При этом понятие наполненности личности не разработано вообще.

Говоря о личностной зрелости, нельзя не обращать внимание на такое явление, как наполненность и пустота личности, хотя последнее и больше относится к личности патологической. При этом понятие наполненности личности не разработано вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абулханова – Славская К.А. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991, 299 с.
2. Бутаева У.А. Неситуативная ответственность как важный критерий зрелости. // Проблемы современного образования. М.: Московский педагогический государственный университет. 2019. №1. С.35-40.
3. Вершловский С.Г. Взрослость как категория андрологии. // Вопросы образования. 2013. №2. С.285-297.
4. Главатских М.М. К проблеме изучения понятия социально-психологической зрелости личности. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. №7(182). С.94-97.
5. Горбунова О.В. Социальная зрелость и черты характера личности. // Самарский научный вестник. 2013. №4(5). С.54-57.
6. Дерманова И.Б., Манукян В.Р. Личностная зрелость: к определению психологического содержания. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: психология, социология, педагогика. 2010. №4. С.68-73.
7. Дидык Н.М. Научные подходы к изучению личностной зрелости. // INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW. Иваново: Олимп. 2016. №3(13). С.256-247.
8. Доценко Е.Л., Старцева В.А. Продуктивная роль поступков в обеспечении личностной зрелости. // Мир будущего и новая философия образования. Сборник научных трудов. Калининград. 2019. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта. 2019. С.45-53.
9. Ильясов А.А. Соотношение личностной и социальной зрелости. // Череповецкие научные чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. Е.В. Целикова. 2017. Череповец: ЧГУ. 2017. С.51-53.
10. Козловская Н.В. Личностная зрелость как интегративное личностное образование юношеского возраста. // Социальная психология личности и акмеология. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Под ред. Р.М. Шамяниной, М.А. Кленовой. 2017. М.: Изд-во «Перо». 2017. С.145-152.
11. Малайчук Н.Н., Семенова Н.В. Понятие социально-личностного подхода: «личностная зрелость» и «социальная зрелость». // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: ООО Издательство «Грамота». 2014. №4-1(42). С.129-132.
12. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издательская группа «Евразия». 1997. 430 с.
13. Мядель А.П. Социальная зрелость личности: методологические проблемы определения. Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения. Материалы международной научно-практической конференции. Научный редактор А.П. Орлова. 2015. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2015. С.103-106.
14. Портнова А.Г., Богомолов А.Н. Адаптационная и личностная зрелость как прогностические параметры психического развития. // Вестник Омского университета. Серия Психология. 2018. №3. С.4-10.
15. Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л. Тенденции инфантилизма на примере данных программы международной оценки компетенции взрослых (PIAAC): Опыт России. Горизонты зрелости. Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. Редакторы: Л.М. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. 2015. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет. 2015. С.492-496.
16. Скворцова Л.Л. Индивидуально-типологические особенности имплицитных концепций личностной зрелости. // Вестник Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова. Серия С: психолого-педагогические науки: педагогика, психология, методика. Могилев (Беларусь). Изд-во: МГУ им. А.А. Кулешова. 2020. №1(55). С.76-83.

© Мачуха Александр Михайлович (aleksandrinfo@bk.ru), Васильева Ольга Семеновна (vos@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИИ

Назаревич Оксана Сергеевна

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»
osn24@mail.ru

RESEARCH OF CREATIVITY AS A COMPONENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF STUDENTS OF DEFECTOLOGICAL SPECIALTIES TO WORK IN CONDITIONS OF INCLUSION

O. Nazarevich

Summary: The modern system of education in Russia involves the inclusion of children with disabilities in the General education process. Currently, there is a sufficient number of research works devoted to the study of the problems of inclusive education, one of which is the problem of special training of teachers to work in an inclusive environment. Research on the components of psychological readiness of teachers and future specialists to work in an inclusive practice has become particularly relevant.

In research of psychological readiness, the specific content of each component is not sufficiently studied, but there are some research works which consider the characteristics of the teacher's or specialist's personality, which are necessary for work with children with disabilities, including the conditions of inclusion. As the main aspect of our research we consider the concept of personal readiness of the future specialists of defectological profile for work in an inclusive practice.

As one of the components of this type of readiness, we study creativity, since a teacher of inclusive education who works in a modern school must be able to find original solutions to problems and tasks, be able to look at the standard situation in a new way, be able to overcome the stereotype of behavior, create a unique and original product of their own activities.

This article considers the issues of research of personal creativity of future specialists of defectological specialties based on the use of diagnostics of personal creativity. There the results of theoretical and applied research of the parameters of personal creativity of students, their age dynamics are presented.

The author describes the main directions of work on the development of creativity as a component of the psychological readiness of future defectologists to work in modern inclusive education.

Keywords: inclusive education, inclusion, psychological availability for service in the conditions of inclusion, components of psychological availability, creativity.

Аннотация: Современная система образования в России предполагает включение детей с ограниченными возможностями в общеобразовательный процесс. В настоящее время появилось достаточное количество исследований, посвященных изучению проблем инклюзивного образования, одной из которых является проблема специальной подготовки педагогов к работе в условиях инклюзии. Особенно актуальными стали исследования компонентов психологической готовности педагогов и будущих специалистов к работе в условиях инклюзивной практики.

В исследованиях психологической готовности недостаточно исследовано конкретное содержания каждой составляющей, но есть работы, в которых рассматриваются особенности личности педагога или узкого специалиста, необходимые для работы с детьми с ОВЗ, в том числе в условиях инклюзии.

В рамках нашего исследования как основное мы рассматриваем понятие личностной готовности будущих специалистов дефектологического профиля к работе в условиях инклюзивной практики. В качестве одного из компонентов данного вида готовности мы исследуем креативность, так как педагог системы инклюзивного образования, работающий в современной школе, должен уметь находить оригинальные решения проблем и задач, уметь посмотреть на стандартную ситуацию по-новому, уметь преодолеть стереотип поведения, создавать уникальный и оригинальный продукт собственной деятельности.

В данной статье рассматриваются вопросы исследования личностной креативности будущих специалистов дефектологических специальностей на основе использования диагностики личностной креативности. Представлены результаты теоретико-прикладного исследования параметров личностной креативности студентов, их возрастная динамика.

Автором описаны основные направления работы по развитию креативности как компонента психологической готовности будущих дефектологов к работе в условиях современного инклюзивного образования.

Ключевые слова: инклюзивное образование, инклюзия, психологическая готовность к работе в условиях инклюзии, компоненты психологической готовности, креативность.

Постановка проблемы

Современную систему образования в России уже невозможно представить без инклюзивного обучения детей с ОВЗ в условиях общеобразовательных

учреждений. В настоящее время появилось достаточное количество исследований, посвященных изучению проблем инклюзивного образования. Исследованием проблемы специальной подготовки педагогов к работе в условиях инклюзии посвящены работы И.В. Гурьяновой

[8], О.С. Кузьминой [10], С.В. Лауткиной [11], Е.В. Шипиловой [17]. Особенно актуальными стали исследования компонентов психологической готовности педагогов и будущих специалистов к работе в условиях инклюзивной практики.

С.А. Черкасова в своем исследовании выделяет психологическое, акмеологическое, психолого-педагогическое, педагогическое направления в исследовании готовности к профессиональной деятельности и личностная, функциональная, личностно-деятельностная плоскости [16].

С.В. Алехина, М.А. Алексеева, Е.Л. Агафонова, Л.П. Фальковская рассматривают готовность педагогов к работе в условиях инклюзивного образования через два основных показателя: профессиональная готовность и психологическая готовность [1,2,3].

Д.В. Воробьева определяет психологическую готовность как совокупность внутренних и внешних условий, к которым в том числе относятся личностные качества специалиста-педагога: интеллект-туальные, мотивационные, эмоционально-волевые, профессионально-ценностные, обеспечивающие готовность к профессиональной деятельности [6].

Мы, рассматривая понятие личностной готовности, опираемся на работы О.Ф. Богатой [5], Е.В. Гребенниковой и Е.Ю. Закотновой [7] и понимаем его как проявление индивидуально-личностных качеств, необходимых для осуществления будущей профессиональной деятельности.

В качестве одного из качеств личности педагога, осуществляющего инклюзивную практику, мы рассматриваем креативность. В специальной литературе креативность рассматривается как суммарная характеристика личности, под которой подразумевается способность создавать новое, оригинальное.

Е.В. Кетриш отмечает, что у педагогов системы инклюзивного образования, работающих в современной школе, возникает задача формирования умения находить оригинальные решения проблем и задач, уметь посмотреть на стандартную ситуацию по-новому, уметь преодолеть стереотип поведения, создавать уникальный и оригинальный продукт собственной деятельности [9].

И.Л. Федотенко в своей работе выделяет креативность как личностный компонент компетентности педагога [13]. И.М. Яковлева включает креативность и творческий подход к решению проблем и задач в структуру профессионально-личностной готовности к работе с

детьми с ОВЗ [19]. Ю.В. Шумиловская рассматривает креативность как один из компонентов в структуре готовности к работе в условиях инклюзивного образования у будущих педагогов [18]. Е.В. Шипилова направленность на развитие творческого потенциала личности студента считает одним из системообразующих факторов готовности к профессиональной деятельности [17].

Следует отметить, что исследователи в основном только упоминают о необходимости формирования креативности как компонента готовности педагогов к работе в условиях инклюзивной практики, вопросы исследования компонентов креативности в структуре готовности педагогических работников к работе в условиях инклюзивного образования рассматриваются крайне мало, это и обусловило актуальность нашего исследования.

Целью данного исследования является изучение содержания, возрастной динамики и гендерных различий показателей креативности студентов дефектологических специальностей педагогического университета.

Анализ исследований

В специальной литературе нет единой точки зрения на определение креативности. Большая часть исследователей данного феномена сходятся во мнении, что термин креативность имеет два смысловых варианта: собственно творчество и творческая деятельность конкретной личности. По мнению Е.Е. Подгузовой определение креативности базируется на предметных областях, в качестве которых выделяют: креативное мышление и связанные с ним познавательные процессы, креативное поведение, внешние креативные продукты, креативную среду, креативную личность [12].

В нашем исследовании мы опирались на определение Т.А. Барышевой и рассматривали креативность как «творческую стилистику поведения, обеспечивают продуктивность, новизну, уникальность способов и результатов деятельности, предрасположенность и готовность личности к творческим преобразованиям в различных сферах жизнедеятельности» [4, с. 56].

Анализ литературы по проблеме исследования показал, что исследователи разграничивают понятия креативности и творчества, определяют специфические особенности параметров креативности, изучают возрастные аспекты данного явления, выявляют признаки креативности. Мы акцентировали свое внимание на исследовании параметров личностной креативности (любопытность, воображение, предпочтение сложных идей и склонность к риску) и продуктивных показате-

лей креативности (оригинальность, разработанность, беглость, гибкость) с целью дальнейшего определения готовности испытуемых к работе в условиях инклюзии.

Для исследования параметров креативности испытуемых мы использовали методику «Диагностика личностной креативности» Е.Е. Туник [15] и тест креативности Э.Торренса [14].

Изложение основного материала исследования

Теоретико-прикладное исследование осуществлялось на базе ФБГОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет». В качестве испытуемых выступили 52 студента факультета коррекционной педагогики и психологии, обучающихся по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование (профиль – Специальная психология; Логопедия). В экспериментальном исследовании участвовали студенты обоего пола, возраст испытуемых – от 18 до 24 лет. В исследовании приняли участие бакалавры первого, второго и третьего курсов и магистранты первого года обучения.

Анализ результатов исследования показателей личностной креативности показал, что наиболее выраженной характеристикой у испытуемых стала любознательность (средний балл по данному параметру по всей выборке составил 56,5), на втором месте – склонность к риску (средний балл – 55,1), на третьем месте – сложность решаемых задач (50,4). Менее выраженной характеристикой по всей выборке испытуемых стало воображение (средний балл – 38).

Мы не выявили значимые гендерные различия в проявлении исследуемых параметров, хотя предполагали, что у студентов мужского пола будет в большей степени проявляться склонность к риску и они будут выбирать более сложные пути решения проблем.

Высокий уровень развития любознательности характерен для 61,5 % студентов первого курса, для 33,3 % студентов второго курса, 26,7 % третьего курса. Нами не выявлено ни одного магистранта с высоким уровнем развития любознательности. Для испытуемых с высоким уровнем любознательности характерны следующие особенности: они пытаются найти новые пути решения проблем или новые способы мышления, активно изучают новые идеи, интересуются достаточно широким кругом проблем.

Количество студентов со средним уровнем любознательности увеличилось с 38,5 % у первокурсников до 66,7 % у студентов второго и третьего курса, а у ма-

гистрантов уменьшилось до 50%. Для этих испытуемых описанные выше характерные особенности представлены в меньшей степени.

Нами не выявлено испытуемых с низким уровнем любознательности у студентов первого и второго года обучения, количество третьекурсников с низким уровнем составило 6,7%. Для 50% магистрантов характерен низкий уровень любознательности.

Эти данные свидетельствуют о том, что с возрастом снижается интерес к большому кругу событий и явлений, человек меньше интересуется новыми идеями. Частично мы объясняем это тем, что с повышением уровня профессиональной подготовки студенты акцентируют интерес на отдельной проблематике, в рамках которой проводят свою учебно-исследовательскую деятельность.

Еще один анализируемый параметр – склонность к риску. К высокому уровню нами отнесено примерно одинаковое количество студентов – бакалавров: 38,3% – испытуемых первого курса, 44,4% – второкурсников, 33,3% – третьекурсников. Количество магистрантов с высоким уровнем склонности к риску составило 50%.

По мнению Е.Е. Туник люди с высоким уровнем развития данного параметра предпочитают рисковать, они отстаивают свои идеи, не обращая внимание на мнение окружающих или устоявшиеся точки зрения, допускают возможность ошибок и провалов, не склонны поддаваться чужому влиянию. Мы считаем, что для работы в условиях большого количества проблем в системе инклюзивного образования эти особенности имеют положительную направленность, однако следует обратить внимание на развитие умения целостно оценивать картину или явление, формировать критичность мышления у студентов с высоким уровнем склонности к риску.

Не значительно различается количество испытуемых со средним уровнем склонности к риску: на первом курсе 57,7 %, на втором – 55,6 %, на третьем – 6,7, у магистрантов – 50%.

Только 3,8% всех обследованных отнесены нами к низкому уровню, это студенты первого курса. Эти данные, по нашему мнению, обусловлены возрастными особенностями испытуемых, поскольку молодые люди в большей степени склонны к риску, чем более возрастные. Кроме того, мы не подтвердили нашу гипотезу о более выраженной склонности к риску у юношей, студенты обоего пола набирали максимально высокие баллы при оценке данного параметра.

Следующий параметр, который мы оценивали – сложность. Примерно одна десятая часть бакалавров имеет высокий уровень проявления данного параметра. Эти студенты характеризуются проявлением интереса сложным идеям и вещам, ставят перед собой трудные задачи, проявляют настойчивость в решении проблемы, однако они предлагают слишком сложные пути ее решения и стараются избегать посторонней помощи. В условиях работы в системе инклюзивного образования такая практика может привести к эмоциональному выгоранию и потере интереса к профессиональной деятельности.

Основная часть испытуемых имеет средний уровень выраженности данного параметра – примерно 80% студентов-бакалавров. У магистров эта цифра достигает 100%. Низкий уровень имеют 3,8% первокурсников и 11,1% студентов второго курса.

Менее выраженным параметром личностной креативности, по результатам проведенного исследования, стал параметр воображения. К высокому уровню мы отнесли 3,8 % студентов первого года обучения и 20% третьекурсников. Эти испытуемые видят предметы и явления в необычном ракурсе, умеют фантазировать. Но склонность к фантазиям не всегда может помочь продуктивно решать задачи инклюзивного образования.

Средний уровень воображения характерен для 61,5% обучающихся первого курса, 88,9% - второго и 73,3 % - третьего курса, 50% магистрантов.

Низкий уровень развития воображения наиболее характерен для студентов первого курса (34,6%), а также для магистрантов (50%). 11,1 % студентов второго курса и 6,6 % третьего курса имеют низкий уровень воображения.

Исследование продуктивных компонентов креативности испытуемых показало, что достаточно наиболее развиты такие показатели вербальной креативности, как беглость и гибкость, проявление оригинальности находится на невысоком уровне. Результаты исследования образной креативности свидетельствуют о том, что наиболее выраженными являются параметры беглости, гибкости и оригинальности, а разработанность образов развита недостаточно. С возрастом у студентов уменьшается количество образов за счет увеличения их разработанности.

Дальнейшая работа по формированию показателей креативности как компонента готовности студентов к работе в условиях инклюзии предполагает разработку системы специально организованных занятий, направленных на формирование у будущих специалистов не

только готовности к восприятию нового, но и развитие умения действовать по-новому, осуществлять творческий подход к решению проблем инклюзивного образования.

Разработанная нами программа предполагает осуществление работы в форме психологического кружка. Каждое занятие состоит из теоретической и практической части. Теоретическая часть включала в себя получение студентами информации о специфике и содержании инклюзивного образования и процессов сопровождения ребенка с ОВЗ в условиях общеразвивающего учреждения, практическая часть предполагала включение разнообразных методов непосредственной работы студентов по получению и закреплению навыков работы с детьми с ОВЗ, в том числе задания и упражнения на развитие креативности.

Выводы

Проведенное нами экспериментальное исследование свидетельствует о том, что студенты за короткий отрезок времени генерируют большое количество идей, они способны применять различные подходы к решению задач, но в большей степени созданные образы и подходы формальны, не отличаются оригинальностью. К старшим курсам у студентов появляется больше абстрактных понятий, они начинают более тщательно прорабатывать образы.

Нами не выявлены значимые гендерные различия в проявлении креативности у студентов, но выявлены возрастные изменения: к старшим курсам снижается любознательность и проявление творческого воображения, увеличивается склонность к риску и сложность создаваемых образов.

Для развития креативности как компонента личностной готовности к работе в условиях инклюзии необходимо: повышение уровня развития любознательности, регулировка степени выраженности стремления выбирать наиболее сложные способы действия и мышления, развитие воображения, умения целостно оценивать картину или явление, формирование критичности мышления, развитие оригинальности и разработанности образов, однако эти изменения не очень выражены.

Мы предполагаем, что реализация программы развития параметров креативности поможет сформировать у студентов определенные личностные качества, которые будут способствовать более успешному включению будущих специалистов в практику инклюзивного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина С.В., Фальковская Л.П. Педагог инклюзивной школы: новый тип профессионализма // М.: Педагогический университет, «Первое сентября», 2014. – 28 с.
2. Алёхина С.В. Подготовка педагогических кадров для инклюзивного образования // Педагогический журнал. – 2013. – № 1 (44). – С. 26–32.
3. Алехина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. – 2011. – №1. – С. 83–91.
4. Барышева, Т.А. Психологическая структура креативности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – № 142. – 2012. – С. 54–64
5. Богатая О.Ф. Профессиональная и психологическая готовность педагогов как условие реализации инклюзивного образования // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — С. 78–85.
6. Воробьева Д.В. Понятие психологической и профессиональной готовности педагогов к работе с детьми с ОВЗ в инклюзивной практике // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011.- С. 68 – 75.
7. Гребенникова Е.В., Закотнова Е.Ю. Психологическая готовность студентов-психологов к профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования // Вестник ТГПУ.– 2015. – № 3 (156). – С.34–37.
8. Гурьянова И.В. О методах и критериях подготовки социальных педагогов к работе в инклюзивной образовательной среде // Инклюзивное образование: теория и практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.– Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГТТУ. – 2016. – С.828–834.
9. Кетриш Е.В. Готовность педагога к работе в условиях инклюзивного образования : монография / Е.В. Кетриш ; [рец.: Е.А. Югова, Н.В. Третьякова] ; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. — Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2018. — 120 с.
10. Кузьмина О.С. Проблемы подготовки педагогов к работе в условиях инклюзивного образования // Педагогические науки, 2016. –№ 4. – С.34– 45.
11. Лауткина С.В. Профессиональная готовность будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования // Инклюзивное образование: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. «Сетевое взаимодействие университетов с социальными партнерами в области инклюзивного образования: международный и региональный аспект» – Великий Новгород, 2014. – С.142–149.
12. Подгузова Е.Е. Креативность личности: возможности развития в условиях вуза: монография. – Смоленск, СГИИ, 2001. 119с.
13. Федотенко И.Л., Проблемы социальной профессионально-личностной адаптации начинающего учителя — Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2006. – 73 с.
14. Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. Спб.: Иматон, 1998. — 158 с.
15. Туник Е.Е. Диагностика личностной креативности / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М., Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. –М, 2002. –С. 59-64.
16. Черкасова С.А. Система подготовки будущих педагогов-психологов к работе в условиях инклюзивного образования // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – М.: МГППУ. – 2011. – С. 221–223.
17. Шипилова Е.В. Подготовка будущих педагогов-дефектологов к проектированию и реализации коррекционно-развивающего процесса / Е.В. Шипилова // Актуальные проблемы образования: история и современность: сб. ст. междунар. науч.-практич. Конф. - Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2012. – С. 183–189.
18. Шумиловская, Ю.В. Подготовка будущего учителя к работе с учащимися в условиях инклюзивного образования: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ю.В. Шумиловская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sspu.ru/pages/postgraduate/doc/abstracts/2011/shumilovskaya.doc. – Дата доступа: 06.09.2020.
19. Яковлева И.М. Профессионально-личностная готовность педагога к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья //Вестник МГОПУ. Серия «Педагогика». – 2009. – № 6. – С. 140–144.

© Назаревич Оксана Сергеевна (osn24@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАЗЛИЧНЫМ ФОРМАМ НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE ATTITUDES OF THE POPULATION IN RELATION TO VARIOUS FORMS OF INEQUALITY IN SOCIETY

**A. Nikolskaya
A. Kostargin**

Summary: The article considers the problems of inequality in Russian society. The authors note that at present only separate forms of inequality are being studied – economic, political, social, legal, etc., however, the integral phenomenon of inequality, which can be described as institutional inequality, is not analyzed and revealed. This phenomenon combines all forms of inequality and their ratio shows the specific features of a particular society, depending on social, political and personal factors. The scientific problem of the study is the social-psychological characteristics of the attitude of the population towards institutional inequality. Research methods: telephone survey, focus groups, content analysis. The results of the study showed that in the perception of the population there are many forms of institutional inequality, including economic, political social, legal, regional, ethnic, religious, moral, organizational, age inequality. The greatest indignation among respondents is caused by legal inequality, further – social, economic and political. The results of the study show that legal and social issues related to inequality are relevant for Russian society. Social-psychological characteristics of the attitude towards institutional inequality partially correspond to sociological results. The problems of economic and social inequality are at the microlevel of relative deprivation. These areas concern each person; respondents have a personal experience of inequality, therefore they have a deeper involvement. Political and legal inequality is recognized by respondents at the macrolevel and at the level of social comparison and experiences of deprivation.

Keywords: inequality, institutional inequality, relative deprivation, attitude to inequality, Russian society, social-psychological characteristics, macro-micro-model of inequality and relative deprivation

Никольская Анастасия Всеволодовна

*К.псих.н., доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва
tonokazutoya@gmail.com*

Костригин Артем Андреевич

*К.псих.н., старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва
artdzen@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается проблематика неравенства в российском обществе. Авторы отмечают, что в настоящее время исследуются только отдельные формы неравенства – экономическое, политическое, социальное, правовое и др., однако не анализируется и не выявляется интегральный феномен неравенства, который можно обозначить как институциональное неравенство. Этот феномен объединяет в себе все формы неравенства и их соотношение показывает специфические особенности конкретного общества в зависимости от социальных, политических и личностных факторов. Научной проблемой исследования является социально-психологические особенности отношения населения к институциональному неравенству. Методы исследования: телефонный опрос, фокус-группы, контент-анализ. Результаты исследования показали, что в восприятии населения существует множество форм институционального неравенства, включающее в себя экономическое, политическое социальное, правовое, региональное, этническое, религиозное, нравственное, организационное, возрастное неравенство. Наибольшее возмущение у респондентов вызывает правовое неравенство, далее – социальное, экономическое и политическое. результаты исследования показывают, что для российского общества актуальны правовые и социальные вопросы, касающиеся неравенства. Социально-психологические особенности отношения к институциональному неравенству частично соответствуют социологическим результатам. На микроуровне депривации отношения находятся проблематика экономического и социального неравенства. Политическое и правовое неравенство осознаются респондентами на макроуровне и на уровне социального сравнения и переживания депривации.

Ключевые слова: неравенство, институциональное неравенство, депривация отношения, отношение к неравенству, российское общество, социально-психологические особенности, макро- микро-модель неравенства и депривации отношения.

Введение

За последние несколько десятилетий во многих странах наблюдалось значительное увеличение неравенства, включая такие страны как Соединенные Штаты, а также несколько стран континентальной Европы [19]. Помимо прямого и очевидного воздействия

неравенства через перераспределение экономических ресурсов между различными социально-экономическими группами, изменения в совокупном распределении страны могут также иметь последствия в политико-экономической сфере, если они влияют на убеждения людей о легитимности власти. Некоторые теоретические работы [18; 20] приводят убедительные аргументы, что

изменения в совокупном уровне неравенства могут повлиять на отношение людей к социальному неравенству, например, их убеждения о важности немеритократических принципов в определении индивидуальной заработной платы, и что эти изменения в отношениях могут влиять на эффективное распределение экономических ресурсов через определение распределительных параметров, в конечном итоге устанавливаемых избирателями, таких как предельные налоговые ставки на доходы.

Неравенство между людьми и условиями их жизни может возникать по разным причинам, которые могут быть разделены на неинституциональные и институциональные. К первым относятся пол, возраст, раса, физические габариты людей, климат и рельеф местности в местах проживания, и многие другие. Эти формы неинституционального неравенства определяются факторами, не зависящими от устройства общества.

Однако большинство форм неравенства создается институциональными особенностями устройства общества, состоящих из включенных в них индивидов. Институциональное неравенство в обществе включает в себя несколько составляющих, или основных форм неравенства (например, социальное, экономическое, политическое, правовое и др.). Эти формы неравенства оказывают существенное влияние на такие показатели развития общества, как экономический рост и социальная стабильность.

Обычно различные формы неравенства рассматривают по отдельности, однако эти формы неравенства связаны между собой, поэтому в определенном смысле можно говорить об общем показателе неравенства. Его изучение является важной задачей, т.к. именно совокупность различных форм неравенства будет показывать общие условия существования общества и каждого отдельного человека в нем. Вместе с тем из-за методологических трудностей подобный интегральный показатель до сих пор не был построен.

И в теоретических, и в эмпирических работах признается, что определенная степень неравенства имманентно присуща человеческому обществу. Большинство современных авторов склоняются к тому, что существует некий оптимальный уровень или диапазон неравенства, необходимый для успешного существования общества (принцип институционального баланса). Из-за большого числа методических сложностей, включая различия в политических и правовых системах стран, этот теоретический тезис трудно поддается строгой эмпирической операционализации. Тем не менее, опыт различных стран показывает, что как чрезмерное неравенство, так и его недостаточность (эгалитаризм) негативно влияют на развитие общества и в конечном счете снижают его конкурентоспособность по сравнению с другими обще-

ственными системами. Учитывая, что для современной России актуальна проблема чрезмерного неравенства [27], основное внимание авторов данной статьи будет сосредоточено именно на этой проблеме.

Таким образом, в данной работе мы обращаемся к проблематике изучения особенностей отношения населения к совокупному институциональному неравенству как фактору социального, экономического и политического благополучия. Мы сосредоточимся на социально-психологических аспектах отношения к институциональному неравенству.

Необходимо отметить, что в современной научной литературе проблема изучения неравенства рассматривается достаточно широко, однако собственно психологические и социально-психологические особенности установок населению по отношению к различным видам неравенства исследованы не в достаточной мере. Рассмотрим основные направления работ по данной проблематике в отечественной и зарубежной литературе.

В отечественной литературе преобладают социологические исследования и работы, в которых изучаются лишь некоторые психологические аспекты отношения к неравенству:

1. *Социальное неравенство*: представления о социальном неравенстве у респондентов из стран постсоветского пространства [3; 4], влияние на установки по отношению к социальному неравенству самооценки человека, его уровня притязаний, удовлетворенности и представлений о социальной справедливости [2; 9];
2. *Экономическое неравенство*: связь чувства экономического неравенства и трудовой демотивации [7], негативное отношение к экономическому и материальному благополучию определенных слоев населения [11];
3. *Политическое неравенство*: информационное неравенство как фактор возникновения социального и политического неравенства [10], выделение различных видов неравенства как факторов дестабилизации гражданского общества [14], влияние социального неравенства на политическую активность населения [16];
4. *Правовое неравенство*: проявление социального неравенства в правовой системе и процедурах [8], внедрение целевых установок, способствующих оптимальному осуществлению гражданского процесса [1].

В зарубежной литературе существуют некоторые концептуальные и прикладные разработки, связанные с психологическими и социально-психологическими аспектами неравенства:

1. *Чувство неравенства как феномен деприва-*

ции отношения (*relative deprivation*). D. Osborne, E. García-Sánchez и C.G. Sibley разрабатывают модель макро-микро-модель неравенства и депривации отношения (Macro-Micro Model of Inequality and Relative Deprivation (MIREDD)), которая интерпретирует чувство социального неравенства (индивидуального или группового) как переживание депривации отношения [25]. Возникновение депривации связано с восприятием неравенства, насильной дискриминацией/сегрегацией/стратификацией, желанием получить какое-либо благо, недоступное в его условиях, верой в то, что мир несправедлив. K. Chung, G. Hwang и D.S. Ryu указывают на проявление депривации отношения через когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты [21].

2. *Неравенство как фактор возникновения психологических состояний, а также взаимосвязь с различными личностными свойствами.* M. Condon и A. Wichowsky изучают влияние социального неравенства на самооценку личности [22]. Так, если человек проводит социальное сравнение между собой и кем-то, кто имеет более высокий социо-экономический статус, то он оценивает себя как человека из более низкого социального класса и присваивает себе низкий социо-экономический статус. N.S. Kteily, J. Sheehy-Skeffington и A.K. Но и другие авторы показывают, что степень одобрения социального неравенства связано с отношением к социальной иерархии, в частности, с ориентацией на социальное доминирование (*social dominance orientation (SDO)*) [24; 26].
3. *Взаимосвязь установок по отношению к неравенству и социально-политической активности населения.* A. Urbiola с колл. считает, что мультикультурная идеология снижает яркую выраженность социального неравенства в странах с большим количеством народов [28]. S. Jay с колл. рассматривают влияние популистских (общенародных) установок на политическую активность, направленную против социального неравенства [23].

Результаты теоретического обзора существующих исследований показывают, что большинство работ сосредоточивается на изучении только какого-то одного вида неравенства и не показывает их взаимосвязь между собой. Также необходимо отметить, что психологический анализ установок населения по отношению к неравенству в отечественной литературе достаточно узок, касается только собственно отношения населения к неравенству, различных представлений о нем, влиянии на некоторые личностные свойства и поведение в социальном и политическом контексте. В зарубежной литературе предложены оригинальные разработки психологического и социально-психологического изучения отношения к неравенству, однако отсутствует понятие

институционального неравенства как интегрального индикатора различных видов неравенства.

Рассмотренные исследования позволяют нам уточнить научную проблему исследования – социально-психологические особенности отношения населения к институциональному неравенству. Наша работа методологически находится на пересечении социологии и психологии: использование социологических методов сбора данных об установках населения и психологический анализ особенностей формирования этих установок и социально-психологических аспектов их проявления. Новизной данного исследования является обращение к проблематике институционального неравенства и изучение социально-психологических аспектов отношения к нему.

Материалы и методы

Целью данного исследования является выявление социально-психологических особенностей отношения населения к институциональному неравенству. Конкретизируя цель, необходимо выделить дополнительные задачи:

- выявление форм институционального неравенства, существующих в массовом сознании;
- определение факторов, влияющих на восприятие приемлемых и неприемлемых форм институционального неравенства;
- выявление социально-психологических особенностей формирования отношения к различным формам институционального неравенства.

Использовались следующие методы: телефонный опрос, фокус-группы, контент-анализ.

В рамках количественного исследования всего было опрошено 1745 человек в 44 субъектах РФ в возрасте от 18 до 74 лет, включая Москву, региональные центры и малые города Центральной России. Исследование проводилось методом телефонного опроса. Кроме того, было проведено 9 фокус-групп в Москве, Владимире и Гусь Хрустальном с общим числом респондентов – 90 человек (30 человек – в возрасте 20-30 лет, студенты и специалисты с высшим образованием, 30 человек – в возрасте 35-55 лет со средним образованием, 30 человек – в возрасте 56 и выше, со средним образованием).

Опросник, направленный на изучение отношения к неравенству, состоял из следующих вопросов:

1. Оцените, насколько каждое из 4-х форм социального неравенства ниже вызывает у Вас возмущение:
 - Экономическое;
 - Политическое;
 - Социальное;

- Правовое.
- 2. Оцените, насколько каждый из факторов ниже может влиять на материальный успех человека в нашей стране, по шкале от 1 до 5 (1 – совсем не влияет, 5 – очень сильно влияет):
 - Происхождение из богатой семьи;
 - Знакомство с нужными людьми;
 - Политические связи;
 - Этническая принадлежность (принадлежность к определенной народности);
 - Религиозная принадлежность;
 - Пол человека;
 - Необходимость приобщения к коррупции;
 - Политические предпочтения;
 - Хорошее образование самого человека;
 - Стремление к карьерному росту;
 - Природные способности;
 - Упорная работа.
- 3. Согласны ли Вы с утверждением, что НЕ каждое неравенство НЕсправедливо?
- 4. Каковы источники каждого из 4-х видов неравенства?

В рамках фокус-групп респонденты развернуто отвечали на эти вопросы и высказывали свое отношение к различным формам неравенства.

Ниже будут рассмотрены только некоторые результаты проведенного опроса, относящиеся непосредственно к теме исследования, т.к. для более широкого анализа требуется несколько статей.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступила макро-микро-модель неравенства и депривации отношения (MIREД) [25], упоминаемая выше. В рамках данной модели описывается процесс и механизмы появления чувства социального неравенства и формирование отношения к нему. Согласно данной модели, существует 4 этапа этого процесса: появление неравенства на макроуровне (в обществе) – проведение социального сравнения (группой и индивидом) – переживание депривации отношения (или чувства неравенства, дискриминации и др.) – возникновение неравенства на микроуровне, осознание индивидом неравенства в своей жизни [25, р. 256]. Феномен неравенства в сознании конкретного человека возникает через общественный уровень и общественные и групповые механизмы социального сравнения и переживания депривации отношения. В частности, следствием такой модели является то, что сначала индивид осознает и декларирует неравенство на макроуровне (не относящееся непосредственно к нему), а только затем переживает его на своем микро-, индивидуальном уровне (он сам попадает в ситуацию неравенства, оно проявляется в его жизни). Данную модель мы применим для интерпретации результатов опроса и высказываний респонден-

тов относительно различных форм институционального неравенства.

Результаты исследования

Выявленные виды неравенства, существующие в массовом сознании

На основе фокус-групп, проводившихся до разработки методики количественного опроса, а также на основе изучения зарубежной литературы, были выявлены наиболее значимые виды институционального неравенства:

- экономическое (неравенство по доходам);
- политическое (неравный доступ к занятию политических должностей и принятию политических решений);
- социальное (неравный доступ к государственным услугам и социальной инфраструктуре);
- правовое (использование разных критериев правовой оценки для юридически сходных случаев).

В фокус-группах назывались и другие формы неравенства, существенно пересекающиеся с названными выше. Их подробное рассмотрение перенесено на последующие этапы исследования. Кроме того, во многих из названных видов неравенства есть свои субпеременные, зачастую сильно различающиеся в восприятии населения.

Среди прочих форм неравенства респонденты фокус-групп называли следующие:

- региональное неравенство (разные субъекты РФ имеют разное благосостояние);
- организационное неравенство (кого нанимают, как их оценивают, как им платят, как они получают повышение или увольняются, как относятся оплаты труда руководства к средней заработной плате сотрудников и др.);
- этническое неравенство (дискриминация по этническим признакам);
- религиозное неравенство (в форме явной государственной поддержки Российской Православной церкви и региональных религиозных общин);
- нравственное неравенство (в форме неуважительного отношения чиновников и представителей силовых структур к рядовым гражданам);
- возрастное неравенство (людям предпенсионного возраста, несмотря на большой профессиональный опыт, сложнее устроиться на работу, чем представителям более молодых возрастов).

Ниже приведены цитаты из фокус-групп, иллюстрирующие понимание неравенства респондентами:

- *«Конечно, если с экономической точки зрения посмотреть, неравенство в том, что власть имущие имеют деньги, отчего, наверно, и коррупция*

- происходит», – мужчина, 55 лет, Владимир;*
- *«Считаю, что есть неравенство в образовании. У кого-то есть, дети, которые учатся хорошо, но не могут поступить на бюджетный, проходят только те, у кого деньги либо связи», – женщина, 59 лет, Гусь Хрустальный;*
 - *«Это еще и происхождение каких-нибудь элитных семей, богатых, которые имеют сферы влияния на политические, экономические какие-то аспекты. Естественно, что люди, которые выходят из таких семей, они уже тоже непосредственно могут принадлежать к этим кланам, и влиять экономически и политически. У них есть возможности», – женщина, 58 лет, Владимир.*
 - *«У нас, в первую очередь политическое неравенство, которое проявляется в несменяемости нашей власти. То есть, у нас нет доступа, мы не можем влиять на выборы, на сменяемость власти», – мужчина, 27 лет, Москва.*
 - *«Я хочу добавить, что у нас неравенство наций. Если ты не русский, тебя могут клевать, и в советские времена было. Я, когда училась, у нас учительница была. Она прямо в глаза говорила, что твое место не в школе. Я – цыганка. Это неуважение осталось до сих пор вот здесь вот», – женщина, 66 лет, Гусь Хрустальный.*

Экономическое неравенство

По мнению экономистов, этот вид неравенства в современной России по сравнению с СССР значительно возрос. Хотя в различные периоды постсоветской эпохи показатели неравенства несколько колебались, в целом можно говорить, что в настоящее время рост неравенства по сравнению с СССР по разным оценкам возрос в 1,8–2 раза [17].

По результатам проведенного количественного опроса сейчас, спустя 30 лет после распада СССР, возмущение экономическим неравенством выразили 82% респондентов. Лишь 18% опрошенных сообщили, что экономическое неравенство их не возмущает (4% «совсем не возмущает» и 14% «скорее не возмущает»).

Результаты опроса показывают, что во всех демографических группах экономическое неравенство возмущает подавляющее большинство респондентов. Несколько меньше возмущения эта форма неравенства вызывает в младшей возрастной группе (возмущены 79% респондентов), наибольшее возмущение оно вызывает в возрастной группе 41–60 лет (возмущены 85% респондентов).

Ожидаемо, меньшее возмущение экономическое неравенство имеет место в Москве (79% респондентов, из которых 43% «скорее возмущены экономическим не-

равенством», чем «сильно возмущены»), а наибольшее возмущение – у жителей малых городов (84%). Также ожидаемо, что наименьшее возмущение экономическое неравенство вызывает у людей с высоким уровнем дохода (возмущены 77% респондентов), а наибольшее у людей с низким уровнем дохода (86%).

Для правильной оценки восприятия экономического неравенства необходимо оценить источник его происхождения. Этот аспект особенно подчеркивался в фокус-группах. Речь идет о том, что источники высоких доходов, по выражению респондентов, могут быть «трудовые или заслуженные» и «коррупционные». Трудовые доходы, даже если с субъективных точек зрения они высоки, рассматриваются населением, как справедливые, не подлежащие экспроприации или уголовному преследованию их владельцев. По мнению абсолютного большинства респондентов, основной причиной экономического неравенства в стране является коррупция, и даже те предприниматели, которые стараются работать честно, вынужденно втягиваются в систему «откатов» и других коррупционных схем.

Интерпретируя высказывания респондентов с точки зрения модели MIREД, необходимо сказать, что респонденты рассматривают экономическое неравенство как на макро-, так и на микроуровне. Таким образом, можно говорить о том, что экономическое неравенство действительно сформировано как на уровне общества, так и на уровне отдельных людей. Респонденты не отстраненно комментируют эту тему, они переживают депривацию отношения. Это иллюстрируется следующими высказываниями:

- *«Эта их борьба с коррупцией – это показуха. Там, наверху, как воровали, так и продолжают воровать. Одна история с Васильевой чего стоит. Своих всегда покрывают», – мужчина, 43 года, Москва (макроуровень);*
- *«Ни один бизнес невозможно начать, если не дать на лапу администрации, чтобы подписали все разрешения», – мужчина, 54 года, Гусь Хрустальный (переход с макроуровня на микроуровень)*
- *«Когда пытался открыть свое дело, меня не пропустили в одну точку, конкурентов пропустили без проблем. А потом узнал, что это какой-то племянник, внук, – мужчина, 39 лет, Владимир (микроуровень).*

Политическое неравенство

Под политическим неравенством респонденты понимают неравный доступ людей к политическим и государственным должностям, особенно высоким, а также руководящим должностям в крупных экономических структурах независимо от формы их собственности. По мнению респондентов, многие из этих людей являются

детьми нынешних чиновников и олигархов, а прочие возникают «неизвестно откуда», но получают власть и полномочия, несоразмерные с их квалификацией и деловыми заслугами. Этот результат очень похож на гипотезу, выдвинутую С.Г. Кордонским, о том, что в России сложилась сословная структура стратификации общества [5].

В качественном исследовании 65% респондентов на вопрос о том, снизилось или усилилось неравенство в настоящее время по сравнению с 90-ми гг., заявили, что неравенство усиливается, именно политическое неравенство.

Самое большое возмущение политическое неравенство вызывает в возрастной группе 18-30 лет (81% респондентов), а наименьшее – в возрастной группе за 60 (только у 61%). Женщин политическое неравенство раздражает значительно меньше, чем мужчин (59% у женщин против 72% у мужчин).

Наибольшее раздражение политическое неравенство вызывает у жителей Москвы (у 66%), чуть меньшее у жителей региональных центров (65%), еще меньшее у жителей малых городов (62%). Возмущение этой формой неравенства нарастает по мере роста доходов: от 64% в нижнем сегменте к 66% в среднем сегменте и к 68% в верхнем сегменте. Напомним, что экономическое неравенство вызывает рост возмущения в обратной последовательности от наименьшего возмущения среди респондентов, находящихся в верхнем сегменте по уровню доходов, до наибольшего возмущения среди тех, кто находится в нижнем сегменте по уровню доходов.

В количественном исследовании люди, которые находятся в нижнем сегменте по уровню доходов, меньше возмущены политическим неравенством, чем люди, которые находятся в верхнем сегменте. Вероятно, постоянная необходимость борьбы за выживание не оставляет времени и возможности обдумывать причины и источники неравенства. Только в процессе групповой дискуссии в качественном исследовании (на фокус-группе), когда модератор, задавая подобный вопрос, фактически заставляет респондентов думать над ответом, участники приходят к подобным выводам. Фактически, это означает, что отсутствие подобных дискуссий в общественном дискурсе удерживает индивидов, находящихся в нижнем сегменте по доходам, от борьбы за политические права. Тем не менее, возмущение политическим неравенством присутствует во всех демографических группах, особенно если речь идет о неравном доступе к занятию значимых должностей.

Интерпретируя высказывания респондентов с точки зрения модели MIREД, необходимо сказать, что респонденты рассматривают политическое неравенство толь-

ко на макроуровне. Таким образом, можно говорить о том, что политическое неравенство сформировано на уровне общества и каждого индивида напрямую не затрагивает. Это можно объяснить тем, что большинство респондентов неактивно проявляют политическую активность и не часто участвуют в политических событиях. Это можно трактовать и как особенность современного политического режима в стране, когда респонденты не чувствуют себя непосредственными участниками политической жизни страны. Это иллюстрируется следующими высказываниями:

- *Все решается только наверху. Они там играют в свои «игры», «вершат судьбы», и не задумываются о простых людях, – женщина, 45 лет, Москва (макроуровень);*
- *Сложно как-то в принципе повлиять на ситуацию в стране, т.к. политику держат несколько человек, а социальный лифт у нас не работает, – мужчина, 51 год, Владимир (макроуровень);*

Социальное неравенство

Под социальным неравенством респонденты понимают в первую очередь неравный доступ к социальным услугам. В этом контексте чаще всего упоминались медицина, все виды образования (начиная от детских садов и яслей и заканчивая университетами), услуги ЖКХ, работа общественного транспорта. Все эти услуги в значительной мере связаны с территориальным местом жительства респондентов, поэтому в той или иной мере их можно назвать социально-расселенческими. Особо остро неравенство упоминалось в разрезе Москва – регионы, а также региональные центры – региональная периферия. Сравнение Москвы и регионов звучало и у самих москвичей в виде типичной фразы: «Здесь в Москве еще неплохо, а посмотрите, что делается за МКАДом».

Неравный доступ к социальным благам вызывает возмущение у всех демографических групп, доходя до максимума (90%) у женщин, жителей региональных центров и людей с низким и средним уровнем доходов. Лишь чуть более низким этот показатель оказывается у жителей Москвы (87% респондентов возмущены этой формой неравенства) и людей, находящихся в верхнем сегменте по уровню доходов (84% респондентов заявили о возмущении этой формой неравенства). Очевидное объяснение этому заключается в том, что москвичи и люди с доходами выше среднего имеют лучший доступ к образовательным и медицинским услугам.

Анализируя ответы респондентов с социально-психологической точки зрения, можно сделать вывод, что респонденты относятся достаточно лично к проблеме социального неравенства: чувство неравенства перешло на микроуровень. И это ожидаемо, т.к. доступ к социальным благам является значимым для всех, все

соприкасаются с социальными сферами, где возможно пережить неравенство. Проиллюстрируем такими высказываниями:

- *Сколько ни говори о том, что для всех людей одинаковое обслуживание и уровень услуг, а все равно для себя они приготовили все по высшему классу, – мужчина, 35 лет, Москва (макроуровень);*
- *Вот приходили с детьми в поликлинику и видели, как там бегали по кабинетам «свои» люди, – женщина, 46 лет, Гусь Хрустальный (микроуровень);*
- *Мы должны стоять в очередях за очередной льготой, а им все дают без всяких бумажек, – женщина, 64 года, Владимир (микроуровень).*

Правовое неравенство

В той или иной форме с правовым неравенством сталкивались почти все респонденты. В буквальном смысле оно может быть выражено формулой «богатый в суде всегда прав». В более широком контексте правовое неравенство проявляет себя в ситуациях начальник–подчиненный или служащий местной управы против жителя муниципального образования. Здесь житель муниципального образования, по словам респондентов, решивший отстаивать свои интересы в суде (как правило, по делам, связанным с ЖКХ, но и не только), не имеет шансов отстоять свои права даже в тех редких случаях, когда им удастся выиграть судебный процесс. Решения судов потом просто не исполняются. Это проблема звучала не только в фокус-группах – она нередко звучит и в телевизоре, но ситуация от этого не меняется. Среди населения редко находятся правдоискатели, которые из принципа пытаются добиться правды, но зачастую эти попытки заканчиваются плачевно для них самих.

В фокус-группах звучали описания случаев, когда в ДТП с тяжкими последствиями, если за рулем сидел кто-то из детей высокопоставленных чиновников или иные «значимые» лица, виновники избегали наказания, тогда как за случаи с гораздо меньшими последствиями обвиняемые получали реальные сроки. О таких случаях также рассказывалось по телевидению.

Правовая форма неравенства вызывает наибольшее возмущение (90%). Во всех демографических группах выбор «сильно возмущает» делают больше респондентов, чем выбор «скорее возмущает», в отличие от всех прочих форм неравенства. Подобный вид распределения является редким в социологических опросах. Чаще всего респонденты в любом опросе делают выбор в пользу формулировки «скорее возмущает/не возмущает». Полученное распределение является серьезным сигналом о том, что данный аспект вызывает сильный негативный отклик в обществе.

С позиций модели депривации отношения, правовое неравенство осознается респондентами на макроуровне и почти достигает микроуровня, выражаясь в переживании

чувства депривации отношения, однако без личных ситуаций. Это может объясняться тем, что в целом для большого числа респондентов участие правовых и гражданских процессах является не частым, однако респонденты часто наблюдают правоприменительную практику через медиа, что и способствует осуществлению социального сравнения и возникновению эмоционального переживания и сочувствия. Это можно увидеть в следующих высказываниях:

- *Насчет правовой, судебной системы. Суды уже особо ни с кем не разговаривают, заочно принимают решение, – женщина, 45 лет, Москва (макроуровень);*
- *Рабочий на заводе может украсть, а-ля там, гайку, и получить за это огромный срок, а какой-то чиновник может украсть миллионы, миллиарды и не получить за это ничего. То есть в разных странах там, допустим, «перед законом все равны», у нас такого нет. Можно откупиться, «подмазать» и т.д., – женщина, 58 лет, Москва (макроуровень, аспект социального сравнения, когнитивный компонент);*
- *Часто осуждают совсем невинных людей... Молодых... Ломают им жизни, чтобы свои планы выполнить. Или вместо кого-то, реально виновного. Это может коснуться любого, даже нас с вами, – мужчина, 36 лет, Владимир (актуализация эмоционального переживания, но без личного опыта).*

Сравнение значимости различных форм неравенства

Сравнение значимости различных форм неравенства проводилось на основе агрегированных таблиц, проигрывающих в информативности, но выигрывающих в наглядности (см. таблицу).

Таблица

Сравнение значимости различных форм неравенства

Формы неравенства	Доля возмущенных и сильно возмущенных, % к числу ответивших на вопрос
Экономическое (неравенство по доходам) (всего)	82
В том числе:	14
– Заслуженный (заработанный) доход	100
– Незаслуженный (коррупционный или полученный благодаря связям) доход	72
Политическое (неравный доступ к занятию политических должностей и принятию политических решений)	88
Социальное (неравный доступ к государственным услугам и социальной инфраструктуре)	90
Правовое (использование разных критериев правовой оценки для юридически сходных случаев)	

Если не считать коррупционного неравенства, которое осудили все участники опроса (100%), наиболее значимыми факторами возмущения являются правовой фактор (90%) и социальная группа факторов (88%). Схожая доля респондентов (82%) отмечает и экономическое неравенство, но следует учитывать, что в этом показателе соединены трудовое и коррупционное неравенство, т.е. эгалитарные настроения в российском обществе не столь сильны, как это можно было бы предположить.

86% респондентов в каждой демографической группе согласны с тем, что не любое неравенство несправедливо. В целом, повторим, можно говорить о том, что о крайних формах эгалитаризма в России речь не идет.

Выводы

1. В восприятии населения существует множество форм институционального неравенства, включающее в себя экономическое, политическое социальное, правовое, региональное, этническое, религиозное, нравственное, организационное, возрастное неравенство. Все вместе они составляют интегральный феномен, преобладание элементов в котором зависит от ситуации в стране, в обществе и личностных факторов. На данный момент результаты исследования показывают, что для российского общества актуальны правовые и социальные вопросы, касающиеся неравенства. Учитывая выражено негативное отношение к неравенству в обществе, можно уверенно предположить, что велик запрос на сокращение неравенства, особенно его правовых и социальных форм.
2. Несмотря на то, что возмущение экономическим неравенством в рамках массового опроса выразили 82% опрошенных, дальнейший анализ выявил, что максимальное возмущение вызывает не сама по себе разница в доходах между верхним и нижним децилями, а несправедливость корруп-

ционных доходов, возмущение которой выразили 100% опрошенных, в то время как возмущение разницей в трудовых доходах было выражено 14% респондентов. Таким образом, можно утверждать, что запроса на эгалитаризм в российском обществе на сегодняшний день нет.

3. Максимальное возмущение у опрошенных вызывает правовое неравенство. Во всех демографических группах выбор «сильно возмущает» делают больше респондентов, чем выбор «скорее возмущает», в отличие от всех прочих форм неравенства. Подобный вид распределения является редким в социологических опросах. Полученное распределение является серьезным сигналом о том, что данный аспект вызывает сильный негативный отклик в обществе.
4. Социально-психологические особенности отношения к институциональному неравенству частично соответствуют социологическим результатам. На микроуровне депривации отношения находится проблематика экономического и социального неравенства. Эти сферы касаются каждого человека, респонденты имеют личный опыт неравенства, поэтому имеют более глубокую вовлеченность. Политическое и правовое неравенство осознаются респондентами на макроуровне и на уровне социального сравнения и переживания депривации. Личного опыта в этих сферах у респондентов немного, поэтому они не демонстрируют глубокую вовлеченность, однако наблюдается активная когнитивная и эмоциональная реакция на ситуации и вопросы по данной проблематике. Полученные результаты психологического характера могут быть конкретизированы в дальнейших исследованиях: взаимосвязь высокого уровня возмущения правовым и политическим неравенством и недостаточная личностная вовлеченность, а также поведенческие последствия этого феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алискеров М.А. Реализация целевых установок созыательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // *Lex russica* (Русский закон). – 2017. – № 12 (133). – С. 54–67.
2. Вахтина М.А. Социально-экономические основания российского неравенства // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. – 2015. – № 3 (22). – С. 11–13.
3. Еремичева Г.В., Евдокимова Е.П. Социальное неравенство в постсоциалистических странах: отношение населения // *Петербургская социология сегодня*. – 2010. – Т. 1. – С. 228–254.
4. Игнатова С.Н. Социальное неравенство как норма // *Петербургская социология сегодня*. – 2016. – № 7. – С. 281–302.
5. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт фонда «Общественное мнение, 2008. – 219 с.
6. Ларионов С. Россия – Территория неравенства. URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2019/04/09/territory-of-inequality-1/> (дата обращения: 03.09.2020)
7. Левашов В.К., Шушпанова И.С., Новоженина О.П., Афанасьев В.А. Проблемы и перспективы трудовой мотивации в оценках российского гражданского общества // *Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: Сборник статей Международного форума / Под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова*. – Уфа: Мир Печати, 2019. – С. 304–310.
8. Марочкин С.Ю. Проблема дискриминации и неравенства в правовой системе России // *Российское правосудие*. – 2008. – № 6 (26). – С. 9–22.

9. Масалков И.К. Клинический взгляд на социальное неравенство // Социология. – 2014. – № 1. – С. 93–101.
10. Миночкин А.Л. Информационное неравенство в современной политической системе: природа и сущность // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 3(47). – С. 142–146.
11. Миронова Т.Ю. Исследование факторов отношения подростков и юношей к социальному неравенству // Вестник университета. – 2011. – № 17. – С. 72–74.
12. Моисеева Д.В. Люди и деньги: влияние социального неравенства на изменение отношения россиян к деньгам // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V Всероссийского социологического конгресса. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 170–177.
13. Овчарова Л.Н., Попова Д.О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – № 3. – С. 3–34.
14. Пузенцова Ю.А. Социальное неравенство как причина возникновения структур гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4(36). – С. 34–42.
15. Ромашкина Г.Ф. Отношение к труду и социальное неравенство // Экономические и экологические проблемы в меняющемся мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Тюменского государственного университета: в 2 частях. – СПб.: Печатник, 2010. – С. 259–265.
16. Ухорский М.В. Влияние социального неравенства на политические предпочтения и политическую активность населения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. – С. 251–259.
17. Чиньяно Ф. Тенденции неравенства доходов и его воздействие на экономический рост // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – № 3. – С. 97–133.
18. Alesina A., Cozzi G., Mantovan N. The evolution of ideology, fairness and redistribution // The Economic Journal. – 2012. – Vol. 122. – № 565. – P. 1244–1261.
19. Atkinson A.B. The changing distribution of earnings in OECD countries. Oxford: Oxford University Press, 2008. 480 p.
20. Benabou R., Tirole J. Belief in a just world and redistributive politics // The Quarterly journal of economics. – 2006. – Vol. 121. – № 2. – P. 699–746.
21. Chung K., Hwang G., Ryu D.S. Scandal and social inequality: how young Koreans feel relative deprivation to sport celebrities // Sport in Society. – 2019. – Vol. 22. – № 8. – P. 1396–1414.
22. Condon M., Wichowsky A. Inequality in the Social Mind: Social Comparison and Support for Redistribution // The Journal of Politics. – 2020. – Vol. 82. – № 1. – P. 149–161.
23. Jay S. et al. Economic inequality and the rise of far-right populism: A social psychological analysis // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2019. – Vol. 29. – № 5. – P. 418–428.
24. Kteily N.S., Sheehy-Skeffington J., Ho A.K. Hierarchy in the eye of the beholder: (Anti)egalitarianism shapes perceived levels of social inequality // Journal of Personality and Social Psychology. – 2017. – Vol. 112. – № 1. – P. 136–159.
25. Osborne D., García-Sánchez E., Sibley C.G. Identifying the Psychological Mechanisms Underlying the Effects of Inequality on Society: The Macro-Micro Model of Inequality and Relative Deprivation (MIREd) // The social psychology of inequality / J. Jetten, K. Peters (eds.). – Cham: Springer, 2019. – P. 249–266.
26. Rudman L.A., Saud L.H. Justifying Social Inequalities: The Role of Social Darwinism // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2020. – P. 1–17.
27. Taking on inequality. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank, 2016. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity-2016> (date of access: 03.09.2020)
28. Urbiola A. et al. Valuing diversity in Spain and Canada: The role of multicultural ideology in intergroup attitudes and intentions to reduce inequalities // International Journal of Intercultural Relations. – 2017. – Vol. 56. – P. 25–38.

© Никольская Анастасия Всеволодовна (tonokazutoya@gmail.com), Костригин Артем Андреевич (artdzen@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МЫШЛЕНИЯ ПРИ РЕШЕНИИ КЛИПОВЫХ И ПОНЯТИЙНЫХ ЗАДАЧ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

STUDY OF THE PECULIARITIES OF THINKING WITH RESPECT TO VIDEO AND CONCEPTUAL CHALLENGES UNIVERSITY STUDENTS

*E. Potapova
Ya. Rudakova
K. Kalinovskaya*

Summary: The life of a modern person, and even more so a student, cannot be imagined without electronic devices and digital media, so for modern science, one of the important tasks is a comprehensive study of how ICT affects human cognitive processes in General and thinking in particular. Scientists call this new type of thinking clip-based. The features of clip thinking were studied by contrasting it with conceptual thinking using test methods and experimental procedures. Knowledge of the features of students' cognitive processes will help to build an effective education system that meets the way of thinking of today's schoolchildren and students.

Keywords: clip thinking, conceptual thinking, media activity.

Потапова Екатерина Вадимовна

*К.псх.н., доцент, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
potapowa.catia2011@yandex.ru*

Рудакова Яна Викторовна

*педагог-психолог, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
olapola_1996@mail.ru*

Калиновская Ксения Сергеевна

*К.псх.н., доцент, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
kartashovaks@mail.ru*

Аннотация: Жизнь современного человека, а тем более студента, невозможно представить без электронных устройств и цифровых медиа, поэтому для современной науки одной из важных задач становится всестороннее исследование того, как ИКТ влияет на когнитивные процессы человека в целом и на мышление в частности. Новый тип мышления ученые называют клиповым. Особенности клипового мышления исследовались через противопоставление ему понятийного мышления с помощью тестовой методики и экспериментальных процедур. Знание особенностей когнитивных процессов студентов поможет выстроить эффективную систему образования, отвечающую образу мышления сегодняшних школьников и студентов.

Ключевые слова: клиповое мышление, понятийное мышление, медиаактивность.

Постановка проблемы

Последние два десятка лет человек находится в постоянном контакте с разного рода гаджетами – от телевизора и компьютера до смартфона. Соответственно, его информационное пространство состоит не столько из текста, сколько из визуальных и аудио-визуальных (поликодовых) элементов. О закономерном появлении нового типа мышления заговорили еще в 80-ых годах прошлого века, отечественные философы и культурологи указывали, что у молодых людей клиповое мышление вытеснило понятийное [11].

Мышление современной молодежи ученые характеризуют как поверхностное, мозаичное, формирующиеся суждения в достаточной степени нелогичные, с нарушенными причинно-следственными связями [1, 5, 10]. Устоявшаяся система образования, ориентированная на «текст» не может ответить на вызов современного типа мышления и восприятия школьников и студентов, не может ответить на вызов новой «IT» реальности. Возникает проблема выстраивания учебных программ с использо-

ванием наглядного медиа-контента таким образом, чтобы выстраивать более сложные формы мышления [1, 6].

Цель статьи представить результаты исследования особенностей мышления студентов высшей школы при решении клиповых и понятийных задач

Методологию исследования составляет анализ отечественной и зарубежной научной литературы. Основана на концепции А.Н. Леонтьева, где внутренняя (мышление) деятельность есть производная от внешней (поведение) и имеет то же строение. Внутренние и внешние элементы деятельности взаимозаменяемые. В этом подходе утверждается, что мышление сформировано в процессе деятельности [8].

Для наиболее полного исследования достаточного нового и неизученного феномена «клиповое мышление» необходимо сравнить его с другим, более известным и изученным конструктом. Вслед за И.П. Березовской и Ф.И. Гиренок клиповому мышлению мы противопоставляем понятийное [2]. Согласно ис-

следованиям Л.А. Ясюковой, количество студентов со сформированным понятийным мышлением, постоянно падает. Так, например, среди студентов политехнического университета средний балл по третьему субтесту Амтхауэра в 2008 году составил 12,8, а в 2014 – 8,3 [17].

Если понятийное мышление по каким-то причинам не формируется, то стихийно формируется клиповое мышление в процессе взаимодействия с цифровыми медиа через электронные гаджеты. Т.С. Крайникова пишет: «медиа окончательно стали естественной частью среды обитания человека, а медиапотребление – его и насущной потребительской потребностью, и, фактически, когнитивно-коммуникационной обязанностью» [7].

План эмпирического исследования включал последовательное прохождение участниками методики «Тест структуры интеллекта Амтхауэра» в модификации Л.А. Ясюковой, где 2, 3 и 4 шкалы определяли уровень сформированности понятийного мышления; двух авторских экспериментальных процедур: текстовый кейс на тему «Теология в современных ВУЗах» и аудиовизуальный кейсом «Теология – это наука?» с рядом унифицированных вопросов, соотносящихся с разработанными нами моделями клипового и понятийного мышления, для выявления особенностей мышления при решении клиповых и понятийных задач; опросник «Мотивационная структура информационной активности» В.М. Смирнова, А.С. Коповова, Ю.Н. Долгова, Г.Н. Малюченко для выявления взаимосвязи между особенностями медиаактивности и мышления студентов, для проверки предположения И.П. Березовской о том, что количество и качество изменений мышления современного человека должны зависеть от интенсивности и содержательно-смыслового наполнения опыта взаимодействия с медиа [2]. Для подтверждения гипотез использовался метод математической статистики U-критерий Манна-Уитни.

Обзор научной литературы

На данный момент в области исследований нейрофизиологии мозга одной из главных тем является изучение влияния на мозг и мышление цифровых технологий и медиа. Особенно пристально исследуются познавательные способности молодежи как одного из главных потребителей информации из различных медиа. Если образ жизни современного человека так поменялся, то поменялось ли мышление и каким образом? Ни в одной из наук, изучающих человека пока нет однозначного ответа, однако многие ученые говорят о таком стихийно сформированном новом типе мышления как клиповое [5].

Впервые о «клиповой культуре» заговорил философ Э. Тоффлер. В 1980 году он написал книгу «Третья волна», где говорил он новых медиа, которые характеризовал как бессвязные вспышки, обрывки информации. В

след за ним М. Маклюэн писал о новом «посттекстовом» мышлении, которое во многом сходно с «дотекстовым» [9]. Американский популяризатор науки М. Пренски выделяет некоторые особенности, присущие цифровому поколению – они иначе потребляют медиа - их информационное поведение более осознанное, они более умело манипулируют технологиями, они владеют навыками самопрезентации, им, наконец, присуще «клиповое мышление» [18]. Философ Ф.И. Гиренок стал тем, кто впервые употребил термин «клиповое мышление» в контексте того, что оно в современном мире стало востребованным, чем мышление понятийное.

Т.Н. Горобец, В.В. Ковалев выявили некоторые черты в психологической структуре личности, находящиеся под влиянием клипового мышления: «восприятие окружающего мира; способность к анализу информации, поступающей извне по сенсорным каналам; синтез воспринятой и проанализированной информации (формирование отношения к воспринятому и проанализированному — рефлексия; формирование оценки воспринятой, проанализированной информации); систему морально-этических ценностей» [5].

Т.В. Семеновских дала следующее определение клипового мышления: «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [12].

Вслед за И.П. Березовской и Ф.И. Гиренок клиповому мышлению мы противопоставляем понятийное [2]. Л.С. Выготский одной из важнейших задач в развитии мышления человека называл именно формирование понятийного мышления, которое в своем становлении и развитии в большей мере зависит от специально организованного обучения, от системы передачи знаний и умений [4]. Л.М. Веккер называл понятийное мышление пиком а развитии познавательных процессов человека [3].

Опираясь на модели О.А. Старицыной [14], Тетериной И.И. [15], а также Т.Н. Горобца и В.В. Ковалева [5], мы вывели следующую **модель клипового мышления**: способность формулировать мнение на основе поверхностного изучения объекта или явления; неумение развернуто пересказать воспринятую информацию, четко и адекватно изложить мысль, сделать логически правильные, непротиворечивые выводы; неумение концентрироваться на одной задаче в конкретном отрезке времени; конкретность, дискретность (отсутствие целостности, отсутствие потребности в содержательной объяснительной причинности); наличие низкого уровня обработки,

анализа и синтеза воспринятой информации и осознания изучаемого материала.

Результаты исследования

Исследование проводилось на платформе OnlineTest-Pad, выборка состояла из 20 студентов 1-4 курса бакалавриата СФУ.

По результатам методики «Тест структуры интеллекта Амтхауэра» в модификации Л.А. Ясюковой студенты были разделены на две равные группы, которые мы условно можем назвать «сформированное и не сформированное понятийное мышление» - у 10 из 20 участников понятийное мышление не сформировано, что, по нашим предположениям, указывает на стихийно сформированное клиповое мышление, у оставшихся 10 – сформировано понятийное мышление.

В решении текстового кейса в группе со сформированным понятийным мышлением 8 участников показали результаты выше среднего и высокие, двое участников выбиваются из общей картины – участник 1 получил 5 баллов (средний уровень), участник 13 – 4 балла (уровень ниже среднего) Согласно зафиксированным системой результатам, данные участники потратили на решение заданий меньше всего времени. Если остальным потребовалось в среднем 30 минут, то 1 и 13 потратили 12 и 8 минут соответственно.

Участники второй группы показали достаточно гомогенные результаты – четыре участника показали уровень ниже среднего, пять – средний. Участник 8 получил результат выше среднего, что выбивается из общей картины, однако, в связи с очевидными ограничениями онлайн-тестирования, объяснить такое аргументированно невозможно. Данные можно увидеть на рисунке 1.

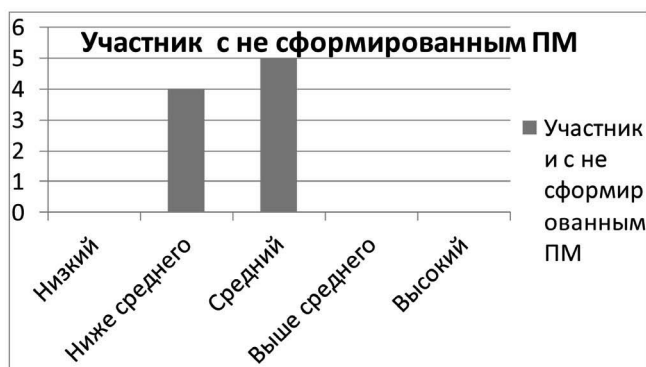

Рис.1. Результаты решения текстовой задачи

Картина решения аудиовизуальной задачи несколько иная – участники в целом справились с этой задачей успешнее, чем с текстовой задачей. То есть, если при решении текстовой задачи только один участник со

сформированным понятийным мышлением получил 10 баллов – высокий уровень результата, то теперь уже три участника со сформированным понятийным мышлением показали высокий результат, двое участников показали результаты «средне», никто не получил результат «ниже среднего».

Результат «средне» показали участники 1 и 13. При решении текстовой задачи именно они показали результат «средне» и «ниже среднего» соответственно. Интересно, что в этот раз данные участники затратили на выполнение меньше времени, чем остальные – 10 и 8 минут. Вкупе с предыдущими результатами можно сделать вывод о низкой мотивированности на выполнение решение кейсов.

Участники с несформированным понятийным мышлением справились с данной задачей в целом успешнее, чем с задачей текстовой. Так, два участника показали результат «выше среднего», семь участников – средний результат и лишь один – результат ниже среднего, тогда как при решении текстовой задачи результат ниже среднего показали четыре участника.

При этом участники со сформированным понятийным мышлением справились с аудиовизуальной задачей лучше, чем участники с несформированным понятийным мышлением – у них преобладают результаты «выше среднего» и «высокий». Данные можно увидеть на рисунке 2.

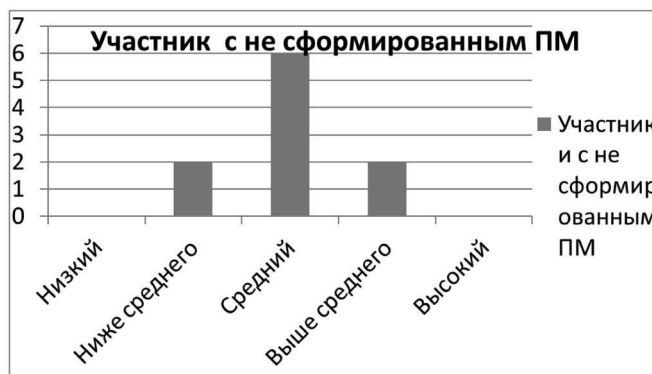

Рис.2. Результаты решения аудиовизуальной задачи

Гипотеза подтвердилась на высоком уровне значимости - у студентов со сформированным понятийным мышлением количество успешно решенных клиповых (аудио-визуальный способ предъявления материала) и понятийных (текстовый способ предъявления материала) задач будет выше, чем у студентов с не сформированным понятийным мышлением.

По результатам опросника МСИА у всех участников преобладает, либо находится на средней степени выраженности познавательная мотивация. Мы предпола-

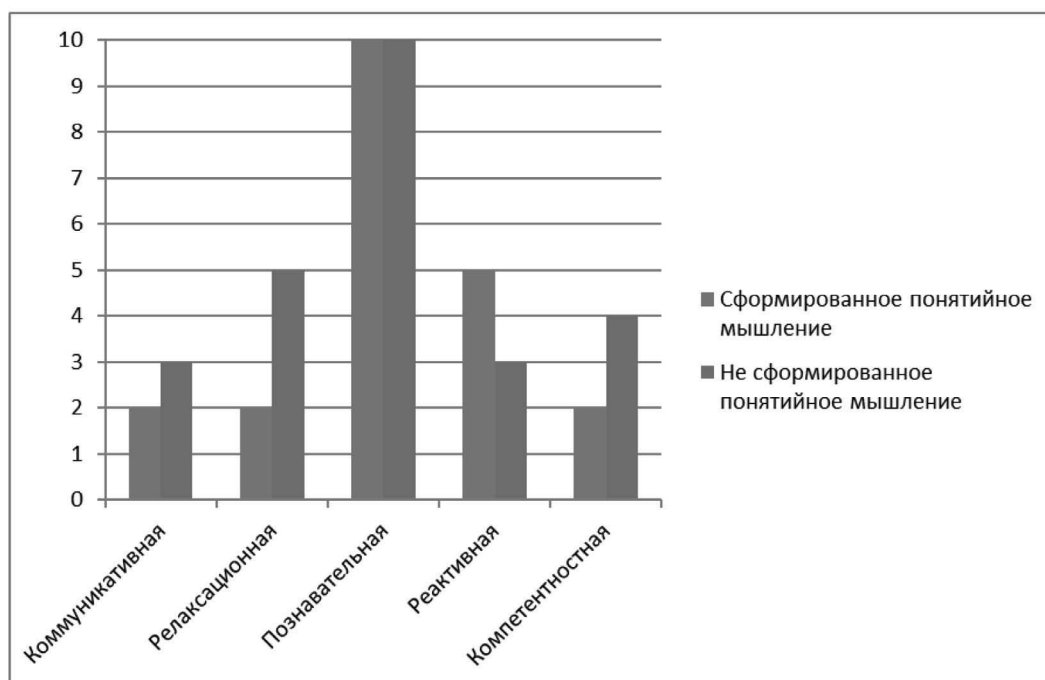

Рис.3. Представленность мотиваций медиапотребления у двух групп участников

гаем, что данная ситуация связана с тем, что участники - студенты и находятся в ситуации обучения и необходимости готовиться к семинарам, контрольным, писать собственное исследование. Данные можно увидеть на рисунке 3.

Данная гипотеза также подтвердилась - у студентов с клиповым мышлением и у студентов с понятийным мышлением действительно не будет различий в особенностях медиапотребления – и у тех и других выражена познавательная мотивация медиапотребления.

Заключение

У студентов со сформированным понятийным мышлением количество успешно решенных клиповых (аудио-визуальный способ предъявления материала) и понятийных (текстовый способ предъявления материала) задач будет выше, чем у студентов с не сформированным понятийным мышлением.

Студентам с не клиповым мышлением свойственны такие особенности мышления как способность формулировать мнение на основе поверхностного изучения объекта или явления; неумение развернуто пересказать воспринятую информацию, четко и адекватно изложить мысль, сделать логически правильные, непротиворечивые выводы; неумение концентрироваться на одной задаче в конкретном отрезке времени; конкретность, дискретность (отсутствие целостности, отсутствие потребности в содержательной объяснительной причинности); наличие низкого уровня обработки, анализа и синтеза воспринятой информации и осознания изучаемого материала.

У студентов со сформированным понятийным мышлением количество успешно решенных клиповых (аудио-визуальный способ предъявления материала) и понятийных (текстовый способ предъявления материала) задач будет выше, чем у студентов с не сформированным понятийным мышлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко Г.В., Михайлова Т.М. Феномен «клипового»: идентификация вида когнитивной деятельности // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH сборник статей IX Международной научно-практической конференции: в 2 частях. «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.). 2017. С. 268-271. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29340687> (дата обращения: 19.09.2020).
2. Березовская И.П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2. С. 133-138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metodologicheskogo-obosnovaniya-kontsepta-klipovoe-myshlenie> (дата обращения: 19.09.2020).

3. Веккер Л.М. Психические процессы. В 3 т. Т.2: Мышление и интеллект // Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. Т. 2. 344 с. URL: <http://psylib.org.ua/books/vekk101/index.htm> (дата обращения: 19.09.2020).
4. Выготский Л.С. Психология // Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с. URL: <https://may.alleng.org/d/psy/psy100.htm> (дата обращения: 19.09.2020).
5. Горобец Т.Н., Ковалев В.В. «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти // Мир психологии. 2015. № 2. С. 94-100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23826337> (дата обращения: 19.09.2020).
6. Зыкова Н.Е. Конструктивное клиповое мышление как ответ на вызовы информационной среды XXI века // Гуманитарные науки в условиях социокультурной трансформации: практики медиаобразования. Материалы Всероссийского семинара для стипендиатов Оксфордского Российского Фонда. 2017. С. 20-24. Изд-во: Пермский государственный национальный исследовательский университет. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30104001> (дата обращения: 19.09.2020).
7. Крайникова Т.С. Медиапотребление: обзор рецептов явления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2013. -№ 2. С. 167-170. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20375689> (дата обращения: 19.09.2020).
8. Леонтьев А.Н. Мышление / Философская энциклопедия: в 5 т. // Советская энциклопедия. 1964. Т. 3. С. 514—519. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1557.html> (дата обращения: 19.09.2020).
9. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего // Академ. Проект. 2005. 496 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan=galaktika_gutenberga.pdf (дата обращения: 19.09.2020).
10. Микляева А.В., Безгодова С.А. «Клиповое мышление» в структуре стиливых характеристик познавательной деятельности студентов // Ярославский пед. вестн. 2017. № 5. С. 223-227. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-v-strukture-stilevyh-harakteristik-poznavatelnoy-deyatelnosti-studentov> (дата обращения: 19.09.2020).
11. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске // АСТ. 2005. 624 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/peresl/index.php (дата обращения: 19.09.2020).
12. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Науковедение: интернет-журнал. 2014. № 5 (24). 134 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede> (дата обращения: 19.09.2020).
13. Смирнов В.М., Коповой А.С. Психология медиа-безопасности: учебное пособие // Саратовский источник. 2012. . 93 с. URL: https://www.koob.ru/kopovoy/media_security (дата обращения: 19.09.2020).
14. Старицына О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований : педагогика и психология. - 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 270 - 274. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-vs-obrazovanie-kto-vinovat-i-chto-delat> (дата обращения: 19.09.2020).
15. Тетерин И.И. Мышление в условиях современного информационного пространства: существенные характеристики, пути развития // Время науки – The Times of Science. 2014. № 2. С.74-78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myshlenie-v-usloviyah-sovremennogo-informatsionnogo-prostranstva-suschestvennye-harakteristiki-puti-razvitiya> (дата обращения: 19.09.2020).
16. Фельдман А.Б. Клиповое мышление // Портал «LiveJournal». URL: <https://wowavostok.livejournal.com/9487906.html> (дата обращения: 19.09.2020).
17. Ясюкова Л.А. В быстро меняющемся мире нужно понятийное мышление // Психологическая газета. 2020. URL: <https://psy.su/feed/8101/> (дата обращения: 19.09.2020).
18. Prensky, M. From digital natives to digital wisdom: Hopeful essays for 21st century learning // Thousand Oaks, CA: Corwin Press. 2012. 240 p. URL: <https://us.corwin.com/en-us/nam/from-digital-natives-to-digital-wisdom/book237857> (дата обращения: 19.09.2020).

© Потапова Екатерина Вадимовна (potarowa.catia2011@yandex.ru), Рудакова Яна Викторовна (olapola_1996@mail.ru), Калиновская Ксения Сергеевна (kartashovaks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MODEL OF PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF PRESCHOOL TEACHER

E. Rakova

Summary: The article emphasizes the importance of the psychological component of the pedagogical process. The definition of the psychological competence of a preschool teacher is given. The existing models of the teacher's psychological competence are characterized. The author's model of psychological competence of a preschool teacher is proposed.

Keywords: psychological competence, preschool education, model, value-semantic component, cognitive component, emotional-volitional component.

Ракова Екатерина Константиновна

Заведующий, МБОУ «Детский сад №302»; Аспирант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при президенте
Российской Федерации
ketmir@mail.ru

Аннотация: В статье подчёркивается важность психологической составляющей педагогического процесса. Дается определение психологической компетентности педагога дошкольного образования. Характеризуются имеющиеся модели психологической компетентности педагога. Предлагается авторская модель психологической компетентности педагога дошкольного образования.

Ключевые слова: психологическая компетентность, дошкольное образование, модель, ценностно-смысловой компонент, когнитивный компонент, эмоционально-волевой компонент.

Современная образовательная ситуация характеризуется повышенным вниманием к психологической составляющей педагогического процесса, в том числе в рамках дошкольного образования. Это означает, что на передний план выходит не только способность и готовность педагога передать определённую совокупность знаний воспитанникам, но и понимание психологической основы педагогической деятельности. Иными словами, речь идёт о владении психологической компетентностью.

В науке нет единого общепризнанного определения психологической компетентности – разные исследователи трактуют его с различных позиций, выделяя наиболее значимые, по их мнению, особенности. Так, А.Д. Алфёров определяет психологическую компетентность как сумму необходимых психологических знаний [1]; И.С. Якиманская делает акцент на совокупности психологических умений [8]; М.Е. Бершадский выделяет степень соответствия знаний, умений и навыков решению задач на психологическом уровне [3]; С.Н. Чаткина трактует психологическую компетентность как интегрированный личностный ресурс в форме психологических функций [6]; по мнению Т.Н. Щербаковой, это субъектное или психическое образование, интегральная акмеологическая характеристика педагога [7].

На наш взгляд, психологическая компетентность педагога дошкольного образования является сложным интегративным личностным образованием, характеризующимся теми внутренними условиями, которые приводят специалиста к воспроизведению психологически грамотных и культурных способов взаимодействия в соци-

окультурной среде дошкольного учреждения и с самим собой, что приводит к росту его психологических ресурсов, к его личностному и профессиональному развитию.

Исследователями предпринимались и продолжают предприниматься попытки создания как обобщённых, так и частных моделей психологической компетентности педагога в зависимости от образовательной сферы и педагогической специализации. Так, примером обобщённой модели может служить модель психологической компетентности учителя, предложенная Н.В. Андроновой. По мнению исследовательницы, в ней выделяются два блока:

1. интеллектуальный, или когнитивный (психологические знания и психологическое мышление);
2. практический, или действенный (психологические умения и навыки) [2].

Ещё одним примером обобщённой модели может служить модель психологической компетентности педагога, предложенная Ю.В. Варданян и Т.А. Кильмашкиной. Она включает в себя систему из трёх взаимосвязанных элементов, каждый из которых проявляется в конкретных профессиональных умениях и действиях по их реализации:

1. субъектный элемент выражает уровень собственной активности педагога по актуализации, применению, сохранению и восполнению психологической компетентности;
2. объектный элемент отражает психологическое оснащение (профилактическое, диагностическое, консультативное, развивающее, коррекционное) процесса построения и осуществления педагогиче-

ческой деятельности;

3. предметный элемент характеризует уровень достигаемых промежуточных и итоговых результатов использования психологической компетентности) [4].

Примером частной модели может служить разработанная А.А. Фалеевой и соавторами модель психологической компетентности педагога-психолога, включающая в себя следующие компоненты:

1. диагностическая компетенция (умение диагностировать и использовать диагностический материал + умение анализировать и направлять психическое развитие учащихся);
2. коммуникативная компетенция (владение навыками педагогического общения + коммуникативные навыки и способности);
3. компетенция личностного самосовершенствования (ценностно-смысловой компонент + когнитивный компонент + операциональный компонент);
4. психолого-консультирующая компетенция (владение навыками диалогического общения + умение вести психолого-педагогическую консультацию + владение навыками коррекционно-реабилитационных методов) [5].

При всём различии представленных моделей, у них есть общая черта: акцент сделан на практических знаниях, умениях и навыках педагога в сфере психологии, его готовности и способности использовать их в работе с учащимися, но, фактически, отсутствует (или присутствует лишь номинально) ценностно-смысловой компонент, представляющий собой базис как личностного, так и профессионального развития педагога. На наш взгляд, построение модели психологической компетентности педагога, в том числе дошкольного образования, необходимо конструировать именно на основе ценностно-смыслового компонента.

По нашему мнению, модель психологической компетентности педагога дошкольного образования представляет собой системное единство трёх компонентов, среди которых в качестве системообразующего выступает ценностно-смысловой компонент, определяющий психологическую направленность когнитивного и эмоционально-волевого компонентов, представленных в са-

мосознании (Я-концепции) личности и обеспечивающих личности реализацию психологически грамотных способов взаимодействия с собой и окружающим миром.

Ценностно-смысловой компонент определяется гуманистической направленностью личности, системой её смыслов и потребностей, проявляющихся в ценностном отношении к труду, профессиональным обязанностям, к детям и коллегам как сосубъектам её трудовой деятельности, к другим людям, к природе и культурному наследию общества. Когнитивный компонент включает осведомлённость педагога о закономерностях психологического развития дошкольников, познавательную позицию по отношению к окружающим, наличие разнообразных психолого-педагогических интересов. Эмоционально-волевой компонент включает навыки и умения построения эффективной коммуникации с детьми и их родителями, грамотного реагирования на сложности в профессиональной деятельности, создания положительного эмоционального настроения в группе.

Между компонентами образуются многофункциональные связи, придающие целостность и единство данному личностному образованию. Высокий уровень развития психологической компетентности обеспечивается формирующимися в процессе её развития, личностными образованиями, её способностями, включая аутоспособности, позволяющими человеку оказывать развивающее воздействие на самого себя.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что психологическая компетентность является своеобразным этапом развития психологической культуры человека, организуя не только психологически грамотное выполнение своих профессиональных действий, но поведение и деятельность в социуме и природной среде, в таком качестве психологическая культура может выступать своеобразным её венцом. Это значит, что человек становится носителем психологической культуры, воплощенной в его профессиональной деятельности, в качестве его компетентностной характеристики. Условием становления психологической компетентности являются личностные образования в качестве личностно-профессиональных качеств, позволяющих запустить внутренний процесс поэтапного присвоения новых поведенческих характеристик и способов профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфёров А.Д. Опыт и проблемы повышения психологической компетентности учителя // Вопросы психологии. – 1999. №4.
2. Андропова Н.В. Психологическая компетентность как компонент профессиональной компетентности учителя // Вестник Мордовского университета. – 2011. №2. – С. 166 – 172.
3. Бершадский М.Е. Дидактические и психологические основания образовательной технологии. – М., 2003. – 256 с.
4. Варданян Ю.В., Кильмашкина Т.А. Становление в вузе психологической компетентности педагога // Письма в Эмиссия.Оффлайн. – 2007. №3. – С. 1149.

5. Фалеева А.А., Сабирова Ж.Н., Койшыгулова Л.Е., Шугаева Г.К. Модель психологической компетентности будущих педагогов-психологов // Наука и мир. – 2020. – Т. 2. №3. – С. 74 – 77.
6. Чаткина С.Н. Моделирование психологической компетентности учителя начальных классов // Современное начальное образование: проблемы и перспективы развития: Материалы научно-практической конференции. – Саранск, 2008. – С. 38 – 40.
7. Щербакова Т.Н. Психологическая компетентность учителя. – Ростов-на-Дону, 2005. – 320 с.
8. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 2000. – 112 с.

© Ракова Екатерина Константиновна (ketmir@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА У ПЕРЕНЕСШИХ ИНСУЛЬТ ПАЦИЕНТОВ С ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

PECULIARITIES OF BIOELECTRIC BRAIN ACTIVITY IN STROKE PATIENTS WITH ANXIETY-DEPRESSIVE DISORDERS

A. Trofimova
A. Chernorizov
G. Ivanova
E. Silina

Summary: A prospective study was carried out to study the bioelectric brain activity in patients with ischemic hemispheric stroke, with anxiety and depressive disorders and without them. In the course of the study, the patterns of electroencephalography (EEG) of anxiety-depressive disorders (ADD) were revealed, affecting the power indices of different EEG rhythms, but this was most illustrative of beta and theta rhythms. The data obtained can become the basis for assessing the severity and dynamics of ADD, as well as for building psychological rehabilitation programs.

Keywords: anxiety-depressive disorders, stroke, electroencephalography, rehabilitation, neurophysiology.

Трофимова Александра Константиновна
Аспирант, ФГБОУ ВО Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
sandratrofimova@gmail.com

Черноризов Александр Михайлович
Д.псх.н., ФГБОУ ВО Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
amchern53@mail.ru

Иванова Галина Евгеньевна
Д.м.н., профессор, ФДПО ФГБОУ ВО РНИМУ
им. Н.И. Пирогова
reabilivanova@mail.ru

Силина Екатерина Владимировна
Д.м.н., профессор, ФГАОУ ВО «Первый московский
государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва)
silinaekaterina@mail.ru

Аннотация: Проведено проспективное исследование, цель которого - изучить биоэлектрическую активность мозга у перенесших ишемический полушарный инсульт пациентов, имеющих и не имеющих тревожные и депрессивные расстройства. В ходе исследования были выявлены паттерны электроэнцефалографии (ЭЭГ) тревожно-депрессивных расстройств (ТДР), затрагивающие показатели мощности разных ритмов ЭЭГ, но в наибольшей степени это было характерно для бета- и тета- ритмов. Полученные данные могут стать основой для оценки тяжести и динамики ТДР, а также для построения программ психологической реабилитации.

Ключевые слова: тревожно-депрессивные расстройства, инсульт, электроэнцефалография, реабилитация, нейрофизиология.

Введение

Большое депрессивное расстройство характеризуется наличием изменений настроения, когнитивных и сенсомоторных функций, причем около половины пациентов с депрессией не реагируют на различные методы лечения [7, 3]. В данной связи актуальным является поиск новых методов для прогнозирования и контроля депрессивных расстройств [15].

Электроэнцефалография (ЭЭГ) по-прежнему остается одним из основных неинвазивных методов получения информации о работе человеческого мозга. Исследования биоэлектрической активности аффективных расстройств Дэвидсона [8], анализ характеристик ЭЭГ при депрессии, являлись ключевыми открытиями нейрофизиологических основ психических расстройств в 20 веке

[11, 2, 10]. Обширный объем исследований, обобщенный Дэвидсоном [4], установил, что депрессия связана с разницей активации между правой и левой префронтальной корой. Он утверждал, что левая лобная область связана с большим количеством положительного аффекта и воспоминаний, тогда как правое полушарие больше вовлечено в отрицательные эмоции. По результатам исследований было установлено, что пациенты с депрессивными расстройствами имеют больше (по амплитуде и мощности) лобных тета-колебаний, альфа- и бета-колебаний и меньше затылочно-теменных тета- и дельта-колебаний, по сравнению с людьми без депрессии [9, 5, 1, 19]. Пациенты с тяжелыми формами депрессии имеют латерализацию электрической активности мозга с наблюдаемыми изменениями альфа- и тета-ритмов, которые могут быть связаны с дисфункциями эмоциональных способностей, такими как отсутствие или наличие

ответов на различные методы лечения [7, 14].

Частым спутником депрессии является тревога [17, 16]. При тревожных расстройствах наблюдается другая динамика БЭА. Так, у пациентов с высокой тревожностью мощность альфа- и тета-ритмов была значительно выше, чем у субъектов с низкой тревожностью в лобных областях обоих полушарий и в центральной теменной области левого полушария, тогда как колебания бета1-ритма были выше в центральных теменных областях обоих полушарий и в затылочной области правого полушария [20, 12]. Десинхронизация с повышенной высокочастотной бета-активностью характерна для тревожных расстройств [12].

Известно, что инсульт сопряжен с развитием тяжелых форм тревожно-депрессивных расстройств [18, 13, 6], утяжеляющей состояние пациента, сводя на нет результаты различных методов лечения и реабилитации. Однако исследований, посвященных подробному анализу результатов ЭЭГ у перенесших инсульт пациентов с психо-эмоциональными расстройствами, в открытых источниках нет. В данной связи цель настоящего исследования - провести анализ биоэлектрической активности у постинсультных больных, имеющих тревожные и депрессивные состояния, и выявить общий паттерн ЭЭГ для дальнейшего построения программ психологической реабилитации.

Материал и методы

В проспективное исследование было включено 84 пациента в возрасте 40-75 лет (медиана 57 лет), госпитализированных в реабилитационный центр для инвалидов «Преодоление» для прохождения месячного курса комплексной реабилитации после перенесшего 1-3 года назад инфаркт головного мозга в системе средней мозговой артерии, подтвержденного методами нейровизуализации (КТ/МРТ). Все больные были консультированы различными специалистами мультидисциплинарной реабилитационной бригады, в том числе психиатром и психологом.

Оценка состояния пациентов проводилась в динамике с использованием психологических шкал (шкала депрессии Бека, шкала самооценки Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина) и 19-канального цифрового электроэнцефалографа «Энцефалан-131-03» (Мединком, Россия) в соответствии с международной системой «10-20» с определением показателей мощности альфа, бета-1, бета-2 и тета ритмов. Электроэнцефалографию (ЭЭГ) исследовали в двух функциональных пробах: при открытых глазах (ОГ) и при закрытых глазах (ЗГ).

Анализ эмоциональной сферы показал актуальность психологической реабилитации вследствие высокой

распространенности у перенесших инсульт пациентов тревожно-депрессивных расстройств (ТДР). С помощью шкалы Бека было установлено, что депрессия различной степени выраженности установлена у 71,4% (n=60) пациентов. Легкая степень депрессии диагностирована у 33,3%, умеренная – 11,9%, выраженная – 16,7%, тяжелая – у 9,5% пациентов. То есть в трети случаях депрессия была выраженной или тяжелой. Средний балл по шкале Бека составил $13,7 \pm 0,9$ (Me=12, межквартильный интервал [9 : 17]). Тревожность определяли у всех пациентов. При этом низкий уровень тревоги был зарегистрирован всего в 2 (2,4%) случаях, остальные 97,6% больных имели тревогу умеренной или высокой степени. Личностная тревога преобладала над реактивной (средний балл составил $47,2 \pm 1,3$ и $44,9 \pm 1,0$ соответственно; $p < 0,05$). Уровень реактивной и личностной тревожности чаще был умеренным (66,7% и 61,9% соответственно).

Исходя из данных, полученных при анализе шкал Бека и Спилберга-Ханина, пациенты были разделены на 2 подгруппы: (1) имеющие и тревожные, и депрессивные расстройства (группа ТДР; по МКБ-10 код F41.2) – 60 человек (71,4%); (2) без ТДР, включая пациентов с изолированным тревожным синдромом (без депрессии) невысокой степени тяжести – 24 человека (28,6%).

Исходно обе группы были сопоставимы по полу, возрасту, степени инвалидизации и локализации очага инсульта ($p > 0,05$). Программа реабилитации была одинаковой у всех пациентов и включала лечебную физкультуру, эрготерапию, массаж, рефлексотерапию, физиотерапию, занятия с применением роботизированных комплексов.

Результаты

Анализ биоэлектрической активности головного мозга выявил у пациентов с ТДР повышение мощности тета-ритма, наиболее значимо в центральных отделах правого полушария (С4), височных отделах левого полушария (Т5), в теменных (Р4, Р3), лобных (F4, F3) и затылочных отделах (О1, О2) обоих полушарий и по центральной линии (Pz, Fz). В указанных отведениях мощность тета-ритма в пробах с ЗГ по сравнению с ОГ была на 20-36% выше ($p < 0,05$). У пациентов без ТДР повышение мощности тета-ритма было менее выраженным и определялось только в лобных (F3, F7) и центральных отделах (С3) левого полушария в функциональной пробе закрытых глаз по сравнению с пробой с открытыми глазами. Таким образом, определено повышение тормозных процессов при ТДР одинаково во всех полушариях.

Мощность бета1-ритма у пациентов без ТДР повышалась в теменных отделах правого полушария (Р4) и по центральной линии (Сz). Понижение мощности бета1-ритма наблюдалось в височных отделах правого полушария (Т4). У пациентов с ТДР мощность бета1-ритма была

достоверно повышена при ЗГ по сравнению с ОГ во всех отделах головного мозга, кроме передне-височных обоих полушарий (Т4, Т3) и задне-лобных отделов правого полушария (F8) ($p < 0,05$). Наличие ТДР сопровождалось значимым повышением мощности бета1-ритма одинаково в левом и правом полушариях во всех отделах головного мозга (О1, О2, P3, P4, С3, С4, Т5, Т6, Pz, Fz, Cz). При отсутствии ТДР закономерных изменений бета1-ритма при ОГ и ЗГ не выявлено, что также говорит об относительной стабильности высоко частотных диапазонов биоэлектрической активности мозга при выраженных психических нарушениях.

Анализ мощности бета2-ритма у постинсультных больных показал, что наличие ТДР сопровождается значимым повышением мощности бета2-ритма на всей площади головного мозга, с акцентом в правом полушарии. Исключением являются лобные отделы обоих полушарий (F4, F3, F8), в которых наблюдалось снижение мощности бета2-ритма. В группе пациентов без ТДР мощность бета2-ритма снижалась в лобных и височных отделах правого полушария при ЗГ по сравнению с ОГ. Мощность бета2-ритма у пациентов без ТДР понижалась в височных (Т4) и лобных отделах (F8) правого полушария ($p < 0,05$) при ЗГ по сравнению с ОГ. Группа с ТДР характеризовалась разнонаправленной динамикой мощности бета2-ритма. Повышение отмечалось в затылочных (О2), височных отделах (Т6) правого полушария, в теменных отделах обоих полушарий (P4, P3) и по центральной линии (Pz). Понижение же мощности этого ритма было свойственно передне-височным (Т4), лобным отделам (F8) правого полушария и передне-лобным от-

делам (F4, F3) обоих полушарий в функциональной пробе ЗГ, по сравнению с ОГ.

Спектр мощности альфа-ритма при ЗГ у пациентов с ТДР был существенно ниже, чем у пациентов без ТДР. Диапазон альфа-ритма у пациентов с ТДР характеризовался низкой мощностью (снижение на 12-40%) на всей поверхности головного мозга, но наиболее значимо это проявлялось в левой затылочной области, в лобной области правого полушария, в височной области справа и слева, а также в центральной зоне. При ОГ у группы пациентов с ТДР мощность альфа-ритма имела тенденцию к снижению относительно группы сравнения. В значимой степени это проявлялось в левой затылочной области, а также в височной области справа и слева

Заключение

Таким образом, в ходе исследования была определена высокая распространенность ТДР у перенесших инсульт пациентов (депрессия 71,4%, тревога – 97,6%, при этом преобладают ТДР выраженной или тяжелой степени тяжести). Это актуализирует целесообразность психологической реабилитации. Установлены электрофизиологические паттерны психо-эмоциональных расстройств. При ТДР изменяются показатели мощности разных ритмов ЭЭГ, но в наибольшей степени это было характерно для бета- и тета-ритмов. Полученные данные дают основание предположить целесообразность использования ЭЭГ для оценки тяжести и динамики ТДР, в том числе при планировании программы психологической реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ahn J., Han D.H., Hong J.S., et al. Features of Resting-State Electroencephalogram Theta Coherence in Somatic Symptom Disorder Compared With Major Depressive Disorder: A Pilot Study// *Psychosom Med.* – 2017. – Vol.79, №9 – P.982-987. doi:10.1097/PSY.0000000000000490
2. Alexopoulos G.S., Meyers B.S., Young R.C., Campbell S., Silbersweig D., Charlson, M. «Vascular depression» hypothesis. // *Arch Gen Psychiatry.* - 1997a. – Vol. 54 - P. 915-922
3. Davidson R.J., Pizzagalli D., Nitschke J.B., Putnam K. Depression: perspectives from affective neuroscience.// *Annu Rev Psychol.* – 2002. – Vol.53 – P.545–574.
4. Davidson R. J., Chapman J. P., & Chapman L. J. Task-dependent EEC asymmetry discriminates between depressed and non-depressed subjects.// *Psychophysiology.* – 1987. – Vol.24 – P. 585.
5. de Aguiar Neto F.S., Rosa J.L.G. Depression biomarkers using non-invasive EEG: A review. // *Neurosci Biobehav Rev.* – 2019 – Vol.105. – P.83-93. doi:10.1016/j.neubiorev.2019.07.021
6. Fei K., Benn E.K., Negron R., Arniella G., Tuhim S., Horowitz C.R. Prevalence of Depression Among Stroke Survivors: Racial-Ethnic Differences. // *Stroke.* – 2016 – Vol.47, №2. – P.512-515. doi:10.1161/STROKEAHA.115.010292
7. Fernández-Palleiro P., Rivera-Baltanás T., Rodrigues-Amorim D., et al. Brainwaves Oscillations as a Potential Biomarker for Major Depression Disorder Risk. // *Clin EEG Neurosci.* – 2020 – Vol.51, №1 – P.3-9. doi:10.1177/1550059419876807
8. Heller W., Etienne M. A., Miller G. A. Patterns of Perceptual Asymmetry in Depression and Anxiety: Implications for Neuropsychological Models of Emotion and Psychopathology. // *Journal of Abnormal Psychology* – 1995 – Vol.104, № 2 – P.327-333
9. Leuchter A.F., Cook I.A., Hunter A.M., Cai C., Horvath S. Resting-state quantitative electroencephalography reveals increased neurophysiologic connectivity in depression. // *PLoS One.* - 2012 – Vol.7, №2 – P.e32508. doi:10.1371/journal.pone.0032508
10. Pezard I., Nandrini J.L., Renault B., Massiou F., Allilaire J.F., Muller J., Varela F.J., Martinerie J., 1996. Depression as a dynamical disease. // *Biol Psychiatry.* – Vol. 39 – P.991-999.

11. Reid S.A., Duke L.M., Allen J.J.B. Resting frontal electroencephalographic asymmetry in depression: Inconsistencies suggest the need to identify mediating factors. // *Psychophysiology* – 1998 – Vol.35, №4 – P. 389-404
12. Ribas V.R., Ribas R.G., Nóbrega J.A., et al. Pattern of anxiety, insecurity, fear, panic and/or phobia observed by quantitative electroencephalography (QEEG). // *Dement Neuropsychol.* – 2018 – Vol.12, №3, – P.264-271. doi:10.1590/1980-57642018dn12-030007
13. Salinas J., Beiser A., Himali J.J., Rosand J., Seshadri S., Dunn E.C. Factors Associated With New-Onset Depression After Stroke. // *J Neuropsychiatry Clin Neurosci.* – 2016 – Vol.28, №4 – P.286-291. doi:10.1176/appi.neuropsych.15110388
14. Schiller M.J. Quantitative Electroencephalography in Guiding Treatment of Major Depression. // *Front Psychiatry.* – 2019 – Vol.9 – P.779. doi:10.3389/fpsy.2018.00779
15. Shusharina N.N., Bogdanov E.A., Botman S.A., Silina E.V., Stupin V.A., Patrushev M.V. Development of the brain-computer interface based on the biometric control channels and multi-modal feedback to provide a human with neuro-electronic systems and exoskeleton structures to compensate the motor functions. // *Biosciences Biotechnology Research Asia.* – 2016 – Vol.13, №3 – P.1523-1536. doi:10.13005/bbra/2295
16. Stevanovic D., Bagheri Z., Atilola O., et al. Cross-cultural measurement invariance of the Revised Child Anxiety and Depression Scale across eleven world-wide societies – ERRATUM. // *Epidemiol Psychiatr Sci.* – 2016 – Vol.26, №4 - 441. doi:10.1017/S2045796016000512
17. Trombello J.M., Pizzagalli D.A., Weissman M.M., et al. Characterizing anxiety subtypes and the relationship to behavioral phenotyping in major depression: Results from the EMBARC study.// *J Psychiatr Res.* - 2018 – Vol.102 – P.207-215. doi:10.1016/j.jpsychires.2018.04.003
18. Tsuchiya K., Fujita T., Sato D., et al. Post-stroke depression inhibits improvement in activities of daily living in patients in a convalescent rehabilitation ward. // *J Phys Ther Sci.* – 2016 - Vol.28, №8 – P.2253-2259. doi:10.1589/jpts.28.2253
19. Woźniak-Kwaśniewska A., Szekely D., Harquel S., Bougerol T., David O. Resting electroencephalographic correlates of the clinical response to repetitive transcranial magnetic stimulation: A preliminary comparison between unipolar and bipolar depression. // *J Affect Disord.* – 2015 – Vol. 183 – P.15-21. doi:10.1016/j.jad.2015.04.029
20. Xing M., Lee H., Morrissey Z., et al. Altered dynamic electroencephalography connectome phase-space features of emotion regulation in social anxiety. // *Neuroimage.* – 2019 – Vol. 186 – P.338-349. doi:10.1016/j.neuroimage.2018.10.073

© Трофимова Александра Константиновна (sandratrofimova@gmail.com), Черноризов Александр Михайлович (amchern53@mail.ru), Иванова Галина Евгеньевна (reabilivanova@mail.ru), Силина Екатерина Владимировна (silinaekaterina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ

Ушанова Наталья Викторовна

Аспирант, Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова
ushanova_nata@mail.ru

FACTORS AND CONDITIONS FOR THE FORMATION OF CHILD CRUELTY

N. Ushanova

Summary: The article analyzes scientific research devoted to the psychological characteristics of the formation of child cruelty. The article highlights theoretical approaches to the study of the process of cruelty, describes the psychological characteristics of child cruelty. Aggressiveness and sadism, emotional and behavioral components that form the image of a cruel child, psychological characteristics of their relationship and the process of their formation are considered.

Keywords: "cruelty", "aggression", "digitalization", "violence", "rudeness", "egoism", "indifference", "mercy", "hyperactivity".

Аннотация: В статье анализируются научные исследования, посвященные психологическим особенностям формирования детской жестокости. Выделяются теоретические подходы к изучению процесса жестокости, описываются психологические особенности детской жестокости. Рассматриваются агрессивность и садизм, эмоциональный и поведенческий компоненты, формирующие образ жестокого ребёнка, психологические особенности их взаимосвязи и процесс их формирования.

Ключевые слова: жестокость, агрессия, диджитализация, насилие, грубость, эгоизм, «равнодушие, милосердие, гиперактивность».

Постановка проблемы

Стремительное развитие современного мира, диджитализация и распространение информационных технологий, казалось бы, должны идти на пользу обществу, способствовать его культурному и нравственному развитию, вследствие доступности образования и самообразования, возможности обогащать свою жизнь посредством культуры и искусства. Подрастающее поколение в данный момент не только не стремится к развитию, но подвергается системной деградации, что характеризуется увеличением количества детей с агрессивными проявлениями в характере и поведении [1]. Агрессия выражается в форме жестокости со стороны ребенка, которая направлена на другой объект.

Жестокость становится обыденной и не вызывает удивления. Благодаря ей возникают незначительные конфликты и масштабные войны. Жестокость взрослых оставляет отпечаток на детях, которые склонны копировать поведение значимых для них людей [4].

Целью статьи является теоретический анализ психологических исследований, посвященных проблеме формирования и развития детской жестокости.

Основное изложение материала

Жестокость взрослых, в отличие от детей, развивается на основе межличностных отношений, подвержена влиянию различных внешних факторов, в некоторых случаях может возникать безосновательно. Ребенок, в

силу своего возраста и неразвитого эмоционального интеллекта, проявляет эмоции отлично от взрослого. Согласно исследованиям, жестокость выступает одним из самых распространенных нарушений норм поведения детей, с которыми сталкиваются родители и отдельные специалисты областей педагогики, психологии и социальной работы (воспитатели, учителя, социальные работники, психотерапевты и т.д.). Возрастным диапазоном, в котором возможно наиболее сильное проявление жестокости, принято считать 8-17 лет [2].

Дети склонны испытывать достаточно большой спектр эмоций, который они иногда не могут определить и объяснить, в силу неразвитого эмоционального интеллекта. Достаточно часто в поведении ребенка возможно наблюдать проявления непослушания, раздражительности, капризности, гиперактивности или склонности к конфликтному поведению с применением силы [6]. Для того, чтобы определить, действительно ли ребенок проявляет жестокость, а не транслирует негативные эмоции с целью самозащиты и отстаивания личных границ, необходимо выяснить этимологию понятия «жестокость» [9].

Под «жестокостью» следует понимать такую черту личности, которая определяется как безразличие к страданиям живых существ или стремление навредить и причинить страдания другим. Итак, исходя из данного определения, мы понимаем, что проявление жестокости человеком нельзя оправдать защитой своих личных границ, скорее, наоборот, это грубое нарушение границ других людей, которое выражается в физическом и моральном насилии и причиняет другому значительный вред [8].

Когда мы говорим об агрессивном поведении, следует отметить две его основные формы:

1. Непатологическую, которой характерна незначительная, не слишком грубая выраженность поведенческих нарушений, которая может быть скомпенсирована при попадании ребенка в благоприятные для него условия.
2. Патологическую, которой присущи качественные изменения в характере ребенка, насильственные проявления в его поведении, возникновение озлобленных реакций на внешние раздражители, стремление к мести и садизму, проявление жестокости к кому-либо.

Согласно возрастной периодике, у мальчиков и у девочек отмечаются несколько пиковых периодов, при которых проявление жестокости может быть максимально проявленным. В основном, этот период затрагивает предпоздниковый и подростковый возраст: мальчики достигают пика агрессивности и жестокости, как правило, в 12 лет и в 14-16 лет; девочки – 11 лет и 13 лет. Пиковые скачки проявлений жестокости и агрессии, как видно, связаны с периодом пубертата – полового созревания подростков, при котором происходит гормональный всплеск, а контроль и регуляция личного поведения снижается до минимального уровня. При этом, жесткость не оправдана гормональными изменениями в организме ребенка, это, скорее, сопутствующий, усиливающий агрессивность, фактор, нежели первопричина соответствующего поведения.

Различают детскую жесткость двух видов - вербальную и физическую. Под вербальной жесткостью понимают косвенные проявления в виде жалоб на кого-либо, желание передразнить, оскорбить и прямые проявления жестокости в виде серьезных оскорблений, угроз расправой. Физическая косвенная жесткость проявляется в форме преднамеренного желания порчи чужого имущества: разорвать одежду другого, разбить его посуду, сломать игрушки и т.д., В целом, при косвенной физической жестокости, вред наносится личным вещам другого, что может достаточно его ранить, т.к. вещь может быть любима и значима [15]. При физической прямой агрессии наблюдается уже физическое насилие, направленное на другое лицо: провоцирование и совершение драки, избивание, плевки и кусание, т.е. все то, что нарушает физические границы другого человека, причиняет ему боль и вредит жизни и здоровью. Стоит отметить, что данное жестокое поведение преднамеренное, активное и инициативное и именно поэтому может быть опасно для социума, в котором находится ребенок. Выраженность компонентов агрессивности показывает, что юноши преобладают в численности в проявлениях прямой физической агрессии, а девочкам более присуща жестокость косвенная (как вербальная, так и физическая) [11]

Как и у взрослых, у детей наблюдается жестокость в следующих своих формах: целенаправленная и враждебная. Целенаправленная жестокость проявляется в ситуациях, когда ребенку необходимо адаптироваться к внешним условиям. Здесь срабатывает инстинкт, который заложен в «рептильном» мозге человека – «бей или беги» и ребенок выбирает агрессию и жестокость для того, чтобы добиться своей цели, удовлетворить какие-либо возникающие желания. В целом, данный механизм, отчасти, имеет и положительные последствия, т.к. стимулирует ребенка конкурировать, отстаивать свое место в окружающем мире, транслировать личные интересы и права, учит полагаться на себя в различных ситуациях, приобретать навыки и развивать имеющиеся способности. Но, это возможно лишь тогда, когда эти механизмы не направлены на других людей, с целью причинения им вреда. Вторая форма проявления жестокости не просто основывается на злобных, агрессивных и враждебных проявлениях в поведении личности, но трансформируется в целенаправленное желание причинить вред другой личности (как физический, так и моральный) и получить от этого удовлетворение. Зачастую, результат проявления враждебной жестокости проявлен в виде конфликтов, драк, издевательств, что еще больше укореняет жестокость в структуре личности ребенка и ведет к снижению его же адаптивных возможностей [5].

Для того, чтобы распознать наличие черт жестокости в личности ребенка, необходимо проводить диагностику его агрессивности. Наибольший диагностический эффект возможен при условии работы квалифицированно-го психолога. Обращения к специалисту требуют случаи, которые предполагают наличие очевидных проявлений у ребенка следующих особенностей поведения:

1. Ребенок часто теряет над собой контроль, ему трудно совладать с негативными эмоциями, он не может найти им объяснения.
2. Ребенок достаточно часто провоцирует конфликтные ситуации со сверстниками и даже взрослыми, применяет физическое насилие в процессе конфликтов.
3. Ребенок преднамеренно отказывается от выполнения просьб взрослых, игнорирует установленные границы.
4. Ребенок склонен обвинять в своем плохом настроении и поведении других людей и не берет ответственности за личные действия на себя.
5. Ребенок слишком мнителен, может проявлять неуверенность в себе, а также зависть по отношению к сверстникам.
6. Ребенок намеренно причиняет физическую боль другим людям (в особенности, другим детям) и животным.
7. Ребенок проявляет очень низкий уровень сочувствия во взаимоотношениях с другими людьми и по отношению к животным.

8. Ребенок проявляет симптомы невралгии (рассеянность внимания, неустойчивость в запоминании, низкий уровень оперативной памяти и т.д.).
9. Ребенок не может спрогнозировать последствия, которые повлекут его действия и закичивается эмоционально на проблемных ситуациях.

Человек – социальное существо, которое нуждается во взаимодействии с себе подобными, а также стремится к удовлетворению базовых потребностей в любви, дружбе и безопасности. Жестокость не возникает безосновательно, ребенок не рождается жестоким или агрессивным, но может стать таковым, вследствие влияния определенных факторов, раскрытых в данной работе.

1. Семья как первопричина жестокости ребенка.

Все, чем напуган ребенок, что он транслирует и как видит и понимает окружающий мир – произрастает из семьи, в которой он живет. Отношения членов семьи, их взаимодействие транслирует ребенку ценности, которыми он будет руководствоваться в течение своей жизни. Существует значительное количество факторов, которые сформированы в пределах семьи и имеют прямое влияние на степень развития жестокости у ребенка [12]. Самыми распространенными являются следующие:

- отсутствие сплоченности всех членов семьи, что ребенок воспринимает как ситуацию небезопасности;
- отсутствие эмоциональной близости между членами семьи, в особенности – между родителем и ребенком;
- повышенный уровень конфликтности в семье (как между взрослыми, так и во взаимоотношениях взрослых и детей);
- негативный характер взаимоотношений между детьми в рамках одной семьи;
- жестокость и агрессивность во взаимоотношениях родителей;
- отсутствие адекватного стиля воспитания, наличие гиперопеки или, напротив, гипоопеки над ребенком.

Отдельно стоит отметить особенности, которые наблюдаются в семьях, дети которых имеют проявления жестокости в поведении [10]:

1. Эмоциональная разобщенность между членами семьи приводит к постепенному снижению уровня привязанности. Родители в таких семьях не имеют общих ценностей или не разделяют ценностей детей. В последствии это приводит к возникновению негативных эмоций по отношению друг к другу. Ребенок научается жить в постоянной небезопасной атмосфере, не чувствует безопасной атмосферы в семье, приобретает паттерны поведения готовности к защите в каждый момент вре-

мени, поэтому его психика находится в состоянии мобилизации, что стимулирует ребенка всегда быть готовым к «нападению».

2. Агрессивное поведение с элементами жестокости, которое транслируется в семье, воспринимается ребенком как норма и формирует его отношение к окружающим людям не только в детском возрасте, но и закрепляется во взрослой жизни. Дети, которые испытывали семейное насилие, в большинстве случаев закрепляют данный паттерн и транслируют его на окружающий социум. При этом, они не имеют вариативности решения конфликтных ситуаций, кроме как тех моделей, которые были получены ими из семейных сценариев. Зачастую можно встретить ситуации, в которых родители поощряют проявления жестокости в своих детях, культивируя тем самым отрицательное поведение (например, отцы склонны поощрять в своих сыновьях агрессивность и жестокость, тем самым пытаясь воспитать настоящего мужчину). Ребенок, который воспринимает родительскую фигуру как безусловного авторитета, несомненно будет стремиться соответствовать таким ожиданиям значимого для него человека, что, опять же, закрепить такую модель поведения, как единственно верную.
3. Родители в рамках одной семьи применяют модели воспитания детей, которые противоречат друг другу. В результате, требования, которые предъявляются к ребенку, могут быть диаметрально противоположными, что вызывает у ребенка чувство дестабилизации, непонимания и тревоги. На основании этого могут сформироваться невротические проявления, а также ребенок закрепит модель такого оппозиционного и вызывающего поведения, которое будет транслировать на окружающий социум, но уже посредством личных проявлений в поведении.
4. Для семьи характерны методы воспитания, предполагающие угрозы, физические наказания, запреты и лишения определенных привилегий ребенка, жесткие ограничения, полное отсутствие поощрительной системы, намеренная изоляция ребенка в воспитательных целях, а также осознанное лишения ребенка заботы, любви и общения в случае его ошибки или проступка. Такие недолюбленные дети растут в атмосфере страха, который, впоследствии, порождает гнев, агрессию и жестокость, ребенок проявляет асоциальное поведение и совершает аморальные поступки.

2. СМИ как фактор формирования жестокости у ребенка [14].

Современное информационное поле стремительным потоком обрушивается на человека. И если взрослый,

обладая критическим мышлением, способен отсеять ненужную и вредную информацию, то ребенок не в силах с этим справиться по причине отсутствия или недостаточной развитости этого критического фильтра. Так, СМИ, в особенности телевидение, формирует агрессивное и жестокое поведение детей, посредством телепередач, а также художественных фильмов, которые демонстрируют откровенные сцены насилия, убийства и издевательств. Наиболее опасными для психики детей являются триллеры и фильмы ужасов, которые могут травмировать психику ребенка и спровоцировать у него психические расстройства.

3. Сеть «Интернет» как источник жестокого поведения ребенка

Нынешнюю жизнь современных детей достаточно сложно вообразить без пользования интернетом. Ребенок достаточно умело использует гаджет с младенческого возраста. Естественно, невозможно оградить ребенка от интернета полностью, но это стоит делать частично, т.к. бесконтрольное пользование интернетом является первопричиной порождения жестокости у детей. Социальные сети, в которых открыто демонстрируется абсолютно разный, в том числе и находящийся под запретом для лиц, младше 18 лет, контент, жестокие игры, с элементами насилия, убийств, крови, фильмы, которые транслируют сцены насилия – все это в открытом доступе ребенок может получить в любой момент. Но, по данным социологических групп, наибольшее влияние на формирование жестокости детей, является наличие в интернете жестоких видеороликов со сценами насилия над животными, детьми, сексуального насилия и домогательств, избиений, драк и т.д. Ребенок, который имеет доступ к просмотру такого контента, воспринимает его как руководство к действию, т.к. если это безнаказанно делают другие, значит это возможно делать и ему. Наиболее опасным в данном случае является тот факт, что такие видеоролики подаются под видом «современной жизни», независимости, силы. Иными словами, модно

проявлять себя так, а не иначе, проявить силу, поставить кого-либо «на место», показать, «кто здесь главный». Ребенок понимает, что исключительно посредством подобного поведения он может завоевать авторитет среди сверстников и быть принятым в компанию, не стать в ней «белой вороной». Огромное количество детских и подростковых убийств происходит именно потому, что ребенок следовал за сверстниками, не хотел показаться иным, выделиться [15].

Итак, тема детской жестокости требует глубокого и детального изучения, т.к. из жестокого ребенка вырастает жестокий взрослый, который может быть потенциально опасен для общества. Именно поэтому работа со специалистами помогающих профессий необходима как для детей, демонстрирующих жестокость в своих проявлениях, так и для их семей, в целом.

1. Теоретический анализ публикаций по теме детской жестокости показал, что на данном этапе развития научной мысли существует множество факторов формирования детской жестокости.
2. Проанализировав публикации и литературу, мы видим, что тема детской жестокости важная, распространенная и актуальная. Жестокость среди детей растет с огромной скоростью.
3. Согласно многочисленным исследованиям, сейчас проявления детской жестокости являются одной из наиболее распространенных форм нарушения поведения, с которыми приходится иметь дело взрослым - родителям и педагогам.
4. Исследователи выделяют следующие факторы жестокого поведения детей: биологически обусловленные (особенности нервной системы), психологические (направленность личности, мотивация, дефекты характера, наличие установок на девиантное поведение, неудовлетворенность базовых потребностей), социальные (нарушение процесса социализации в семье, нарушение направленной деятельности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрияшина Л.О. Психологическая профилактика агрессивных поведений школьников-подростков: Дис. ... канд. психол. наук. - Тверь, 2003. - 202 с.
2. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением / под ред. М.И. Рожкова. - М.: Владос, 2006. - 239 с.
3. Воспитание экологической культуры у детей и подростков. - М.: Педагогическое общество России, 2013. - 64 с.
4. Жуина Д.В. Особенности тревожности младших школьников и подростков из неполных семей / Д.В. Жуина, Р.Р. Юсупова // Евразийский Союз Ученых. - 2015. - №11-2 (20). - С. 116-117. - Электрон. копия доступна на сайте науч. электрон. б-ки Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-trevozhnosti-mladshih-shkolnikov-i-podrostkov-iz-nepolnyh-semey> (дата обращения: 8.06.2020).
5. Заостровцева, М.Н. Агрессивность дошкольников: коррекция поведения : пособие / М.Н. Заостровцева, Н.В. Перешеина. - Москва : Сфера, 2006. - 112 с.
6. Иванова И.В. Влияние переживаний на развитие личностной идентичности у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. - М.: Просвещение, 2001. - 265 с.
7. Козырева Е.В. Дифференциально-психологические аспекты ауто- и гетероагрессивности в подростково-юношеском возрасте и в период ранней взрослости: Дис. канд. психол. наук. - СПб., 2006. - 154 с.
8. Лачугина Ю.Н. Агрессивность в структуре личности и профессиональной деятельности руководителя: Дис. ... канд. психол. наук. - Ульяновск, 2003. - 162 с.

9. Можгинский, Ю.Б. Агрессивность детей и подростков. Распознавание, лечение, профилактика / Ю.Б. Можгинский. - М.: Когито-Центр, 2006. - 184 с.
10. Музыченко Г.Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». - СПб.: Речь, 2012. - 560 с.
11. Суворова О.В. Влияние родительского общения и структуры семьи на самооценку младшего школьника / О.В. Суворова, С.Н. Сорокоумова, И.В. Ивенских // Педагогика и психология образования. - 2017. - № 3. - С. 179-188 – Электрон. копия доступна на сайте науч. электрон. б-ки Киберленинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-roditelskogo-obscheniya-i-struktury-semi-na-samootsenku-mladshego-shkolnika...> (дата обращения: 8.06.2020).
12. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие. Диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. - М.: Речь, 2007. - 480 с.
13. Чижова С.Ю., Калинина О.В. Детская агрессивность. - Ярославль. 2005. 89-91 с.
14. Шипунова Т.В. Агрессия и насилие как элементы социальной реальности // СоцИс. - 2002. - № 5. - С.23-25.
15. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. - М.: ЛКИ, 2008. - 360 с.
16. Яньшин П.В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. - СПб : Питер, 2004. - 336 с: ил. - (Серия «Практикум по психологии»).

© Ушанова Наталья Викторовна (ushanova_nata@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ ЖИТЕЛЕЙ МЕГАПОЛИСА НА РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ

FEATURES OF THE INQUIRY FOR PSYCHOLOGICAL HELP IN THE EMERGENT SITUATION OF THE COVID-19 PANDEMIC

*N. Tsvetkova
S. Pokrovskaya*

Summary: The article considers the main three types of stress caused by the emergent situation of the new COVID-19 virus pandemic. This is the stress of excessive fear for health, financial stability, and relationships with loved ones. As well as the stresses of a value crisis and long-term uncertainty. The reasons for differences in individual responses to these stresses are described. The most popular areas of psychological assistance to stabilize the emotional state are indicated.

Keywords: consultative psychological assistance, stress and value crisis, the hut-the exact fears.

Цветкова Наталья Афанасьевна

*К.псх.н., доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
mynatulechka@mail.ru*

Покровская Светлана Викторовна

К.псх.н., доцент, Московский городской психолого-педагогический университет, г. Москва

Аннотация: В статье рассмотрены основные три типа стрессов, вызванных эмерджентной ситуацией пандемии нового вируса COVID-19. Это стресс избыточного страха за здоровье, финансовую стабильность и отношения с близкими. А также стрессы ценностного кризиса и долговременной неопределенности. Описаны причины различия индивидуальных реакций на указанные стрессы. Указаны наиболее востребованные направления оказания психологической помощи с целью стабилизации эмоционального состояния.

Ключевые слова: консультативная психологическая помощь, стресс, ценностный кризис, избыточные страхи.

Пандемия ковида оказалась ситуацией эмерджентной, что потребовало от каждого человека достаточно быстрой адаптации к тому, с чем прежде сталкиваться не приходилось. В полном соответствии с идеей выдающегося психофизиолога Николая Бернштейна «задача рождает орган» [3], ковидная и пост-ковидная жизнь требует от каждого человека самостоятельно или с помощью психолога осознать свои резервные возможности, которые были не осознаны и не востребованы, а теперь могут помочь найти выход из затяжного кризиса. Зачастую сделать это самостоятельно человек не может – отсюда и объясняется рост запросов на психологическую помощь. Будучи достаточно высоким в последние десятилетия [1, 2, 3], запрос существенно вырос как непосредственно в период самоизоляции, обусловленный угрозами пандемии вируса COVID-19, так и после его завершения.

Наши наблюдения, получаемые в процессе консультативной практики, позволяют сделать вывод о том, что ковидная опасность привнесла в жизнь три стресса.

Во-первых, это стресс избыточного страха относительно трех важнейших сфер жизни: страх потери здоровья, своего и близких; страх потери финансового благополучия; страх потери близких отношений в свете первого и второго страхов. Во-вторых, это стресс ценностного и когнитивного диссонанса. И, в-третьих, это стресс неопределенности.

Эти стрессы в той или иной мере испытали на себе все. Боялись даже те, кто говорил, что не боится. Самые отчаянные ковидные диссиденты, отрицатели ковидных угроз, не могли не реагировать на общий климат в социуме. Как известно, жить в обществе и быть свободным от него невозможно.

Но индивидуальные реакции были разные. Почему? С нашей точки зрения, различия в индивидуальных реакциях на стрессы ковидной опасности обуславливают три фактора:

1. фактор *психофизиологический* (уровень собственной человеку психологической адаптивности, наличие врожденной способности нервной системы «держать удар», не впадать в панику, не терять способность мыслить рационально и конструктивно);
2. фактор *психологический* (привычные копинг-стратегии, адекватность и устойчивость самооценки, навыки эмоциональной саморегуляции),
3. фактор *социальный* (наличие поддержки на уровне микросоциума – семьи и макросоциума – коллег по работе или бизнесу и представителей других значимых для индивидуума социальных групп).

Запрос на преодоление избыточных страхов за свое здоровье в период март-июль текущего года был наиболее выражен в консультативной практике. Избыточными принято называть страхи, превышающие по своей вы-

раженности те адекватные страхи, которые необходимы человеку в его повседневной жизни для обеспечения своей безопасности. Без адекватных страхов человечество просто не выжило в процессе своего эволюционного развития: они позволяют быстро и адекватно среагировать на опасность. Тогда как избыточные страхи мешают сориентироваться в ситуации, отвлекают восприятие ситуации от реальности, уводя в область фантазий. Их главная особенность - рождение неуверенности в будущем: а) в будущем вообще (иррациональная уверенность по типу «Так хорошо, как раньше, у меня в жизни уже не будет!»); б) в себе самом (иррациональные убеждения по типу «Мне еще никогда так трудно не было; во времена предыдущих кризисов я был моложе; я был более мотивирован; у меня были связи другого, более высокого уровня»); в) в окружающих, поскольку многие значимые люди из микро- и макро- социума не проявили достаточно лояльности и поддержки.

Некоторые люди с особенно лабильной подвижной психикой испытали в период самоизоляции появление фобий – страхов, которые никак не соотносятся с реальной угрозой, сосредотачивая человека на одной теме или ситуации, и даже панических атак.

Надо отметить, что после выхода из режима самоизоляции резко уменьшилось количество проявлений фобических страхов и панических атак. Побеждают здоровые реакции адекватного страха, особенно в отношении страха за здоровье. Но вот в отношении работы или развития бизнеса (многие бизнесы получили в период самоизоляции тяжкие травмы и продолжают их получать) страхи зачастую остаются на уровне избыточных.

Стресс ценностного и когнитивного диссонанса во время периода самоизоляции был частично обусловлен тем, с какой амбивалентностью нашему обществу подавалась информация о режиме самоизоляции. С одной стороны, государство через СМИ говорило о смертельных опасностях пандемии и категорически утверждало, что в этом кризисе жить нельзя и от него необходимо самоизолироваться. Но в то же время, с другой стороны, людям рассказывали о том, что вот наступили «каникулы», можно сидеть дома и расслабляться. То есть люди получали две взаимоисключающие команды: «Опасно, замрите в самоизоляции!» А, с другой стороны: «Не волнуйтесь и расслабьтесь!» Было похоже, что государственные СМИ предполагали наличие в каждом человеке двух разных личностей, утративших связи между собой. В ответ у потребителей такого двойного сигнала возник когнитивный и ценностный диссонансы.

В результате по окончании самоизоляции появилось много людей, пересмотревших свои системы жизненных ценностей. Можно выделить две группы. Первая группа: это люди, которые осознали, что жизнь - это «миг

между прошлым и будущим», и в нем надо больше заниматься собой; они не хотят оставаться трудоголиками и их запрос к психологу: «Как перестроить свою трудовую активность в сторону большей свободы для спорта, путешествий, отношений, секса, развлечений». Вторая группа: это люди, которые утвердились в мысли «будут деньги – мы все купим, здоровье в первую очередь»; они возвели в ранг главной незаменимой ценности деньги. Их запрос к консультанту «как перестроить свою трудовую активность в сторону большей доходности?» Вектор, указывающий направление консультативной помощи в этих случаях – побудить клиента оставаться честным с самим собой и не присваивать ценности окружающих.

Третий из упоминавшихся выше стрессов – это стресс неопределенности. Он был вызван отсутствием информации о длительности периода самоизоляции, о сроках окончания лок-дауна, когда закрыто перемещение через границы, приостановлена деятельность заведений общепита, закрыты для посетителей музеи, театры, выставки и парки. Особенность индивидуальной реакции по отношению к рискам, по отношению к неопределенности определялось характеристиками индивидуального психотипа. Их условно можно назвать «инноватор», «стабилизатор» и «консерватор».

По нашим наблюдениям, инноваторы составляют самую малочисленную группу. Это люди, которые всегда пытаются найти новое, умеют жить в ситуации неопределенности и непредсказуемости, предлагают непривычные решения, не боятся рисковать и дают себе право на ошибку. Более того, комфортно они чувствуют себя только в движении. Они как будто едут по жизни на двухколесном велосипеде: стоит им остановиться, и они упадут. Инноваторы в ситуации самоизоляции наслаждались тем, как быстро они перевели свои офисы на работу в удаленном режиме, какие схемы придумали на будущее. Те инноваторы, чей бизнес принципиально не переводился в он-лайн формат, успели за период самоизоляции придумать для себя новые бизнес идеи и воплотить их в жизнь.

Значительно более многочисленные группы составляют «консерваторы» и «стабилизаторы». Метафорически выражаясь, «консерваторы» едут по жизни на «трехколесном велосипеде», на котором очень удобно стоять на месте. Ключевая особенность их реакции на неопределенность – страх войти в новую дверь. Этот стресс действует на них губительно: они не хотят и очень боятся любых перемен. А «стабилизаторы» – это люди, у которых ярко выражена потребность все контролировать. В самоизоляцию они были озабочены, в основном, тем, что работа их сотрудников (учеников, студентов и т.д.) «на удаленке» уменьшает возможность контроля. А потому были сосредоточены, больше, чем раньше, на выстраивании новых систем контроля и новых мер наказания.

Анализ консультативных историй позволил сделать вывод, что большинство людей не использовали такой важный инструмент управления негативными эмоциями, как физическая нагрузка, несмотря на обилие советов в СМИ и в соцсетях заняться гимнастикой ци-гун, йогой, танцами – всем тем, что дает физическую активность, позволяющую эвакуировать стресс из тела.

Оставались мало использованы горизонтальные связи – семейные, личные, профессиональные. Поддержка близких не использовалась в полную силу. Это происходит, вероятно, потому, что во многих современных семьях отсутствует атмосфера взаимопонимания и поддержки друг друга [5]. Создать ее в ситуации самоизоляции многие супруги не сумели.

Остается неосознанным и такой инструмент перестройки реакции на кризис, как поиск и освоение новых

форм поведения. «Залипание» на старых способах поведения опасно именно отсутствием ресурсности. Обстоятельства изменились – значит, появилась возможность освоить новые способы поведения. Однако, большинство людей (из обратившихся за консультативной помощью) этой возможностью не воспользовалась.

Анализ показал и дефицит развитых навыков саморегуляции. Монотонность ежедневных действий, отсутствие творческих идей – вот что подлежит осознанию и коррекции.

Задача психолога – помочь клиентам развивать разнообразие и двигаться вперед необщими неизбитыми путями. Развивать креативность. Научиться генерировать новое, создавать свои варианты развития. С точки зрения личностного развития наступил удачный момент для того, чтобы выйти на следующий уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветкова Н.А. Консультирование семьи в трудных жизненных ситуациях. – Развитие личности, 2016. - №2, С. 157 – 178.
2. Зырянова Е.В., Цветкова Н.А. Консультативная работа с семьями в ситуации развода методом визуализации социально-психологических сетей. – Развитие личности, 2013 - № 4, С. 160 – 170.
3. Зырянова Е.В., Цветкова Н.А. Семья в ожидании ребенка: латентно-критический период // Теория и практика общественного развития// 2014. № 19. С. 238-240.
4. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды. 3-е изд., стер. Бернштейн Н. А. (сборник) - Серия: Психологи России - Издательство: МПСИ, 2008.
5. Цветкова Н.А. Трансформация семейных ролей как ведущая тенденция современного этапа развития института семьи. - Школа будущего. – 2018. – №4. – С. 41–46.

© Цветкова Наталья Афанасьевна (mynatulechka@mail.ru), Покровская Светлана Викторовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЩНОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONS ESSENCE TRANSFORMATION IN THE POSTMODERNITY CONTEXT

N. Ravochkin

Summary: In this work, the author makes an attempt at a socio-philosophical analysis of the main vectors of essential transformations of political and legal institutions in the postmodern world. The theoretical and methodological foundations were the concepts of M. Foucault, J. Agamben and M. de Certeau. Theories of everyday life and biopolitics are analyzed. The influence of each direction is noted. In accordance with the logic of the work, the influence of the considered grounds on the transformation of political and legal institutions is determined. The necessary explanations and clarifications are given. In conclusion, the author defines summarizes the work.

Keywords: political and legal institutions, transformation, biopolitics, everyday life, power, society, Postmodernity.

Равочкин Никита Николаевич

*К.ф.н., доцент, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева
nickravochkin@mail.ru*

Аннотация: В настоящей работе автор предпринимает попытку социально-философского анализа основных векторов сущностных трансформаций политико-правовых институтов в постсовременном мире. Теоретико-методологическими основаниями послужили концепции М. Фуко, Дж. Агамбена и М. де Серто. Проанализированы теории повседневности и биополитики. Отмечено влияние каждого направления. В соответствии с логикой работы определено влияние рассматриваемых оснований на трансформацию политико-правовых институтов. Даются необходимые пояснения и уточнения. В заключение автор определяет подводит итоги работы.

Ключевые слова: политико-правовые институты, трансформация, биополитика, повседневность, власть, общество, Постсовременность.

Современные социально-философские концепции, теория сборки М. Деланда, биополитика М. Фуко и Дж. Агамбена и учение об институтах М. де Серто приобретают значимость в сегодняшней (гео)политической ситуации для очень многих стран мира. В каждой из них реализуется тот неповторимый подход к процессу реализации властных интенций. Поэтому в настоящей работе мы рассмотрим практическое применение каждой из этих концепций и постараемся определить влияние их идейного содержания на политико-правовые институты.

Известно, что концепция биополитики, основные положения которой в явной форме выявил М. Фуко, а позже развил Дж. Агамбен, в своем основании предполагает утверждение о распространении властных отношений на витальные стороны жизнедеятельности людей. При этом биополитический подход к сущности и реализации властных отношений состоит в использовании человека как ресурса, причем не только в качестве субъекта различных отношений, но и как способа производства и воспроизводства самого себя. Таким образом, биологические основания человеческого существования становятся одним из существенных способов принуждения человека к необходимым паттернам поведения, что способствует проникновению и распространению властных акторов на все стороны многообразия социальных отношений. Политико-правовые институты переходят из области внеш-

него поведения (принуждения со стороны) в различные области не-политических форм принуждения [2]. На этом основании власть и соответствующие институты становятся средствами биологического принуждения.

Помимо этого, в данной концепции человек рассматривается как предмет самовоспроизводства. Здесь мы регистрируем отголоски марксистской традиции, проявляющиеся в форме практической реализации и трансформации идеи о политической экономии. В рамках данной идеи тело человека становится предметом, которое необходимо постоянно воспроизводить. Именно по этой причине М. Фуко и Дж. Агамбен, как и многие другие теоретики-приверженцы концепции биополитики, стремились анализировать формы и способы реализации биологического контроля над человеком через медицинские учреждения, ритуальные и другие услуги.

В частности, А.И. Желнин отмечает, что для Хардта и Негри «субъектом биовласти является глобальный капитал, ищущий все новые пути извлечения прибыли и далеко не всегда имеющий политическое (государственное или надгосударственное) «лицо». Биовласть – это по своей природе экономическая власть, целью которой является явная или скрытая эксплуатация в рамках производства, понимаемого предельно широко как производство жизни, «жизненного мира» в его целокупности» [1, 322]. Выходит, практическое применение концепции

биополитики состоит в том, что человек воспринимается в качестве биокапитала, содержание которого можно усмотреть посредством взгляда на его используемые значимые свойства. При этом используются методы и приемы, позволяющие задействовать не социальные свойства человека, поскольку это достаточно затратно с точки зрения соотношения вкладываемых ресурсов и получаемого результата, но биологические стороны. Кроме того, приемы реализации последней куда менее затратны, но в то же время они приносят несоразмерно более высокий властный результат. Сущность биокапитала заключается в том, что при сохранении иллюзии внешних свойств свободы и равенства людей, последняя служит интересам власть имущих, т.е. интересам накопления капитала, главным методом которого становится максимальная оптимизация людских ресурсов и формирование ее полезности для рыночных механизмов. Так получает свое развитие идея Большого Брата, существование которого скрыто для обыденного мышления от непосредственного восприятия. Любопытно, но даже критики биополитики признают, что такое понимание биовласти является феноменом современного понимания трансформаций политический в целом и властных – в частности отношений. Таким образом, М. Фуко и Дж. Агамбен указали на тенденции изменений политических отношений именно в современном мировом обществе.

В рамках концепции биополитики и биовласти существенными становятся основания рассматриваемых институтов, поскольку отныне применяются не внешние формы принуждения (силовые методы и способы заставить человека выполнить желаемые действия), но внутренние, тесно связанные с психологическими приемами. Так, можно утверждать, что одним из оснований биополитической концепции политико-правовых институтов становится система французского психоаналитика и постструктуралиста Жака Лакана, в которой мыслитель выделяет идею так называемого «Большого Другого».

В лакановской концепции данный интеллектуальный конструкт реализуется в форме трансформации и актуализации ставших традиционными для гегелевской диалектики отношений рабства и господства. Французский мыслитель переводит эту диалектику в плоскость бессознательного, показывая, что основные принципы отношений между двумя противоположностями сохраняются не только на внешнем, но и на внутреннем уровне. Центральным здесь становится тезис о расхождении реального субъекта, являющимся адресатом сознательно-дискурсивного Другого как реципиента бессознательной речи. Через аналитику отношений между двумя данными началами Лакан констатирует моменты диалектики борьбы за признание. Появление этих двух структурных элементов объясняется Лаканом через «стадию зеркала», когда сознание становится результатом первоначального отчуждения. Структура «Я» формируется в про-

цессе присвоения внешнего образа в качестве гештальта как модели правильного поведения, которое свойственно для вполне конкретного человека [8]. Такой гештальт становится основанием синтеза разрозненных психических переживаний: человек отождествляет себя с объектом, который реализует функцию воображения. Это значит, что мы отождествляем себя с тем, что воспринимаем в качестве приятного.

Как результат из вышеописанного – расщепление на реального оппонента, с которым мы себя соотносим, и, соответственно, оппонента бессознательного, к которому мы делаем запрос в логике «являйся похожим на вполне конкретный и приятный мне образ». Подобным образом человек признает нехватку идеального, того желанного образа, на который он хочет быть похож. По итогу такое желание формируется в форме прибавочного смысла, при помощи которого мы можем организовать полноту бытия. Можно провести еще одну аналогию и отметить, что в рамках лакановского психоанализа и предлагаемой им «стадии зеркала» реализуется идея К. Маркса об эксплуатации угнетенного класса синтезом экономических и психологических средств. То есть используется совсем не-телесное принуждение, а скорее навыки властных структур создавать привлекательные образы, которые каждый эксплуатируемый раб стремится сделать «своими», не осознавая при этом, что желанные образы никогда не будут таковыми. Однако понимание этих механизмов человеческих устремлений может быть использовано для подчинения человека. Концепция микро-макро-сверхвласти М. Фуко предполагает тенденцию трансформации методов исполнения властных полномочий. Ее суть заключается в том, какие именно ресурсы используются для контроля над человеком. Микровласть суверена направлена на конкретного человека со всеми его правами как то, что приносит доход в казну. Такая власть затратна, поскольку каждый отдельный человек требует больших ресурсов принуждения во всех ветвях власти. Принуждается человек как социальное существо с помощью преодоления его социальных свойств и навязывание ему, человеку, новых, выгодных для властных структур, социальных свойств.

Макровласть в форме паноптикума [9] оказывается менее затратной, поскольку принуждается отдельный человек, выполняющий функцию без обладания гражданскими и естественными правами. Люди становятся телами, обладающими функционалом, обращение к использованию которого допускается в самых разнообразных формах. В таком случае человек уже изначально подчиняется заранее заданным функциям, поскольку теперь он принимает это положение дел в качестве «нормального». Данное принятие основывается на том, что человек осознает невозможность его принятия в общество без выполнения определенных социальных функций. Нормальность отождествляется с набором

функций, который определяется и задается принципами властных структур. В целом, такая логика облегчает возможность функционирования политико-правовых институтов, да еще и при условии меньших затрат. Макровласть в форме биовласти направлена на толпу [4]. Осуществляется контроль за биологическими процессами, свойственными всем людям как живым существам. Рождение, смерть, воспроизводство, болезнь – все они становятся ресурсами власти. Использование желаний и потребностей людей (психологических и биологических) дает возможность переложить ответственность за выполнение необходимых функций на самих людей, которые автоматически признают необходимость «правильных» действий в форме «заботы о себе».

На основании выявленных ресурсов М. Фуко утверждает, что властные структуры формируют желательный образ человека, который формируется с помощью психологически привлекательного образа. Такой способ властвования требует минимальных ресурсов принуждения. В качестве примера можно взять идею М. Фуко об эндемии: если ранее эпидемии рассматривались в качестве чего-то смертельного, то в современности эпидемия рассматривается как эндемия – то, что можно изучать, контролировать, регулировать, заниматься профилактикой [4]. Одновременно с этим формируются правила в форме нормативных актов и рекомендаций со стороны международных организаций здравоохранения, с помощью которых осуществляется контроль над населением целых стран и континентов. Например, описывая идею Большого Другого и символического порядка, М. Фуко сказал бы, что существуют рекомендательные характеристики (со стороны Всемирной организации здравоохранения или же отечественного Роспотребнадзора), через которые осуществляются властные полномочия, цель которых – регламентация поведения человека на всей Земле. Таким образом, политические и правовые институты используют механизмы привлекательного образца, который становится желательным для исполнения всеми людьми. При этом политико-правовые институты переходят из области принуждения в область рекомендаций, к примеру, со стороны медицинских организаций.

Однако здесь также используются такой тип рассматриваемых институтов, который оказывается свойственным и для традиционного общества: «право меча» становится одним из центральных методов регуляции общественных отношений. Суть этого инструмента социального контроля состоит в том, что суверен обладает возможностью заставить умереть или позволить жить. Будучи субъектом подчинения, индивид теряет самостоятельность собственной телесности, которая переходит в подчинение суверена. Более того, право меча, как показывает Д.В. Попов, «дополняют учреждения образования и здравоохранения, пенитенциарная система нового типа, ярмарки, цирки, кинематограф и несколько позже гипермаркеты, Дисней-

ленды и социальные сети» [3, 92]. В результате в психологии человека закрепляется привлекательный образ, а правовые институты трансформируются из области социальных в область биологических и даже некроинститутов, поскольку суверен позволяет человеку не только жить, но и умереть привлекательным образом. Теперь смерть желаемая людьми, из нее производят шоу, продавая право на расставание с жизнью в интересах властных акторов.

Совершенно иной подход к современной трансформации сущности политико-правовых институтов реализуется в концепции социальных практик М. де Серто. Этот мыслитель использует образ высотных зданий для описания определенных интеллектуальных установок, детерминирующих принципы построения общества как системы. Девизом формирующегося институционального устройства становится тезис о том, что «на высоте невозможно быть в подавленном состоянии», поскольку именно такое положение определяет разницу в миропонимании «верхов» и «низов». Подавленные низы не способны осознать и увидеть всю полноту реализованных институциональных преобразований, «верхи» же пользуются этим, буквально опираясь на ограниченные потребности «низов» в целях реализации интересующих их трендов.

Центральной у де Серто становится мысль о темпоральности принципов построения общественного и городского пространства. Так, вместо традиционной повседневности, основанной на географическом или геометрическом пространствах (основание которых составляют визуальные, паноптические и теоретические конструкции), появляется кочевая повседневность, фундированная метафоричностью городской жизни. Общеизвестно, что традиционное понимание пространства выражается в форме правильно сформированную структуру, поскольку в ее рамках город трактуется как универсальный автономный субъект, в котором все построено на принципах рациональности, в то время как нерациональное (безумие, преступность, болезнь и смерть) отбрасывается и маркируется как «бесполезное» [6]. Следовательно, практическая реализация и функционирование политико-правовых институтов в рамках данного подхода происходит на основании линейной причинно-следственной логики.

Изменение базовых мировоззренческих установок общества влечет за собой трансформацию пространственной организации политико-правовых институциональных структуры, вследствие чего трансформируются и сами способы государственного управления. Содержание властных практик и их реализация определяют интересами населения, которые стремятся обрести комфорт благодаря различным конфигурациям своей жизни. Как утверждает автор рассматриваемой концепции, общество, понимаемое как множество практик, позволяет каждому отдельному индивиду реализовать

конкретные возможности и определить способ(ы) совершения конкретных действий. Именно в связи с этим возникает дискретность социального и политико-правового пространств: одни события теряют актуальность, другие восходят на вершину значимости. При этом М. де Серто указывает на существование в городе множества разнообразных призраков, одним из которых является «национальное наследие». Французский мыслитель считает, что определенные властные практики в конгруэнтны принципам институционального строительства, поскольку имеют своим основанием нормативно-правовые акты прошлого. Но де Серто отмечает их неэффективность, отождествляя их с архаичными способами регламентации социального порядка, которые неадекватны возникающим вызовам Постсовременности [7]. Здесь сталкиваются две тенденции, одна из которых состоит в стремлении постоянных инноваций, вторая же направлена на сохранение традиционных ценностей.

Центральным моментом становится постоянное обновление идейного содержания, отражающего принципы построения и организации всего социального пространства и, как следствие, системы политико-политических институтов. В постсовременном мире пространство организуется главным образом на основании «устной речи» и «пешеходных прогулок», что выражает определенным образом внутренний мир человека. Раз так, значит, по утверждению М. де Серто, возможно столкновение между персональными и социальными формами миропонимания, заключенного в способах организации городского пространства. «Легендарные» объекты крайне скептически относятся к нововведениям, которые не чтут устоявшихся традиций, позволяющих бороться с внешним принуждением, в том числе со стороны властных структур и социальных идей.

В свою очередь сторонники модернизации заявляют о необходимости постоянного обновления облика города, влекущего за собой постоянные трансформации всех форм и способов мышления. В результате возникают новые пути реализации властных отношений, которые М. де Серто образно определяет в качестве «терапевтических инструкций». Власть медиализируется, становясь все более и более «ухаживающей» за подчиненными: акторы берут на себя ответственность за здоровье социального тела, добиваясь реализации «правильных», т.е. соответствующих рекомендациям, социальных практик. В качестве примера французский философ утверждает, что в случае возникновения кризисных явлений зданиям, способным сопротивляться времени, придается тот

статус, в котором в частности отказывают пожилым людям. Таким образом, реализуется манипулятивный потенциал политико-правовых институтов по отношению ко всей социальной действительности, в которой ценность необходимых форм социально приемлемого поведения признается исходя из контекстуальных реалий.

Рассматриваемые нами институты прекращают использовать принудительную силу в буквальном смысле этого слова, теперь переходят к применению методологии повседневных практик, в которой критерий правильности определяется скорее ситуативно, напрямую завися не от всей сложной внешней конъюнктуры, но от восприятия конкретного элемента реальности или целого института [5]. Именно подобная точка зрения определяет критерии «нормативности» и «правильности» поведения индивидов и, как следствие, способы оценки его действий со стороны властных акторов и структур. В таком прочтении власть детерминирована набором самых разнообразных практик, что отныне не позволяет однозначно установить какой-либо единый центр, следовательно, это затрудняет определение локации политико-правовых институтов – и это придает их присутствию трансграничный характер.

В целом же отмечаем, что политико-правовые институты в реалиях Постсовременности переходят из области фундаментальных субъектов в сферу повседневности, а основными причины этих трансформаций можно представить двумя большими группами:

- существенная минимизация ресурсов, используемых в процессах реализации властных полномочий, поэтому отныне для обеспечения функционирования органов законодательной, исполнительной и судебной властей не требуется прежних, прежде всего финансовых, огромных затрат;
- большее доверие со стороны подчиненных. Люди, с которыми индивиды сталкиваются в повседневности, оказываются гораздо ближе, нежели виртуальные политические субъекты и институты. Закономерно, что они способны глубже понять их интересы и потребности.

Таким образом, переход власти из области конкретных властных структур в повседневность позволяет добиться не только удешевления реализации политических технологий, но также и достигнуть более высокого исполнения решений, принимаемых политико-правовыми институтами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желнин А.И. Биополитика и биополитическая экономика: сущность концептов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 3. – С. 320-330.

2. Попов Д.В. Амбивалентность биополитики в современном мире // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (21). – С. 35-39.
3. Попов Д.В. Кризис реципрокности: трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. – 2019. – № 1 (88). – С. 91-99.
4. Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – №1. – С. 114-126.
5. де Серто М. Общее место: обыденный язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/4/obshhee-mesto-obydennyj-yazyk.html> (Дата обращения: 10.06.2020)
6. де Серто М., Космарский А. По городу пешком // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 24-38.
7. де Серто М. Призраки в городе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html> (Дата обращения: 10.06.2020)
8. Фантеева О.В. О категории «Другой» в структурном психоанализе // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 58-61.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ: ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, СУДЬБА И САМОУБИЙСТВО

Сиверцев Евгений Юрьевич

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Emden1914@mail.ru

ANCIENT GREECE: MAN, SOCIETY, FATE, AND SUICIDE

E. Sivertsev

Summary: The article deals with one of the aspects of understanding suicide in ancient culture. Factors that could justify suicide and factors that could prevent suicide are considered. The main attention is focused on the correlation of social debt and individual interests of a particular person. It is shown that the mechanism of suicide prevention, triggered by social necessity, is less reliable protection against suicidal intentions than the idea of the uniqueness of the individual, which the ancient culture does not yet have in due measure.

Keywords: suicide, personality, justification of suicide, condemnation of suicide, autoaggressive behavior, policy, fate, duty.

Аннотация: В статье рассмотрен один из аспектов понимания суицида в античной культуре. Рассматриваются факторы, которые могли оправдать суицид и факторы, которые могли удержать от суицида. Основное внимание сосредоточено на соотношении социального долга и индивидуальных интересов конкретного человека. Показывается, что механизм предотвращения суицида, запускаемый общественной необходимостью, является менее надёжной защитой от суицидальных намерений, нежели представления об уникальности личности, которыми античная культура пока не обладает в должной мере.

Ключевые слова: суицид, личность, оправдание самоубийства, осуждение самоубийства, аутоагрессивное поведение, полис, судьба, долг.

Самоубийство – с точки зрения современного европейского менталитета – одна из величайших трагедий, какие только могут постигнуть человека. По степени драматичности самоубийство стоит в одном ряду с несчастным случаем, гибелью в результате преступления или смертью в молодом возрасте от неизлечимой болезни.

Почему современный европейский мир негативно относится к самоубийству? Одна из главных причин – доминирующая трактовка этого шага. Смерть человека – это гибель целой Вселенной! Самая большая трагедия, какую только можно вообразить. Тем более трагично самоубийство: самоубийца эту Вселенную уничтожает сам, уничтожает путём добровольных действий.

Есть ли причины, по которым можно *оправдать* самоубийство психически здорового человека? С точки зрения современного европейского менталитета – есть. Но их очень мало. Смертельная неизлечимая болезнь, опасность попасть в плен к незаконным (или нецивилизованным) вооружённым формированиям – вот, собственно, и всё. Есть ли причины, по которым можно осудить самоубийство (или рационально обосновать отказ от него)? Тоже есть. И список этот практически исчерпаем.

Мы видим, что список причин, оправдывающих самоубийство, весьма короток, противоположный список – весьма обширен. Но это сейчас. Чтобы европейское человечество пришло к такому соотношению, оно должно было пережить и осмыслить определённые мотивы как

оправдания самоубийства, так и *осуждения* его. Пережить, осмыслить и понять, что оправданий самоубийству практически нет, а причин отказаться от этого шага – более чем достаточно. Начало такому пониманию закладывает Древняя Греция. В Элладу классических времён (полисный период - XI – IV вв. до н.э.) добровольный уход из жизни не то, чтобы вполне допускается – скорее даже осуждается, однако, список *оправдывающих* факторов несколько превышает современный европейский. В то же время список причин *осуждения* самоубийства не очень велик, а его пункты разнообразием не отличаются.

Чтобы разобраться в мотивах осуждения самоубийства, выделим четыре комплекса проблем. Первый комплекс – понимание личности, второй комплекс – существование человека после физической кончины его тела, третий комплекс – соотношение человека и государства и четвёртый комплекс – непосредственная рефлексия самоубийства. По первому впечатлению, эти комплексы никак не связаны. Однако, на самом деле именно рефлексия самоубийства оказывается звеном, связующем воедино тему человека, загробной жизни и общественного долга.

Начнём с первого комплекса – с личности. Поиск определения этой категории ни к чему не приводит: категория «личность» в современном её понимании отсутствует. Она отсутствует даже на словесном уровне: греки используют слова «человек», «душа», «тело» – но никогда мы не найдём слова, которое можно было бы перевести на сегодняшний язык именно как личность и чтобы

оно содержало все более или менее привычные нам оттенки значения: «В древнегреческом языке нет эквивалента современных понятий «воля» или «личность» как индивидуального и целостного субъекта деятельности» [6, с.147]. Древний грек не ощущает себя существом, свободно генерирующим собственное миропонимание, а также свободно говорящим и действующим. Ощущает он себя скорее восприимчивым и преобразователем императивных потоков и побудительных мотивов, не им порождённых, но сквозь него проходящих. Причём восприимчивым в гораздо большей степени, нежели преобразователем: «древнегреческая судьба мыслится как слепая, тёмная. Судьба («мойра», ...) действует не только извне; она присутствует и в самом человеке как его «даймон», двойник, от которого индивид не может избавиться» [6, с.149]. Ценность человека определяется исключительно ценностью его деяний для общества: «... для античности характерно, что ценность и достоинство человека определялись исключительно его принадлежностью к государству, вне ... Афин или Спарты личность теряла своё значение. В античную эпоху зарождается понятие гражданского достоинства, которое преимущественно не связывается с индивидуальной самобытностью человека» [3, с.46]

Загробная судьба человека во многом зависит от того, насколько он был внимателен, воспринимая и преобразуя императивные потоки. И здесь мы переходим ко второму комплексу проблем – существование человека после физической кончины тела. Что же всё-таки его ждёт? Если обратиться к древним поэтам, то их мнение довольно расплывчато. С точки зрения Гомера, человек после смерти существует в Аиде в виде бесплотного призрака, причём лишённого сознания и памяти. [См.: 5, с.36]. Относительно подробное описание Аида («Гадеса») мы можем встретить у Гесиода. Ландшафт этого места довольно мрачен, населён же Гадес весьма несимпатичными существами: Орфсобака, Цербер, Лернейская Гидра, Немейский лев и другие. [См.: 4, с.200-201.] Более конкретен Платон. Его учение о посмертном существовании можно условно разделить на три пункта. Первый – рациональное доказательство бесконечного существования человеческой ментальности («души»). Второй пункт – описание возможных перспектив существования души после её расставания с телом. И третий пункт – рекомендации, следуя которым, душа обеспечит себе наиболее комфортные условия.

Рациональные доказательства бессмертия души содержатся в разных частях его сочинений, но к систематическому изложению они сведены в диалоге «Федон». Всего их четыре, общая идея такова (цитируем по «Апологии Сократа»): смерть – «это какая-то перемена для души, ее переселение из здешних мест в другое место» [8, с.95].

Для описания возможных перспектив посмертного существования обычно используется повествование Эра, приводимое в десятой книге диалога «Государство». По словам Эра, «его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то божественному месту, где в земле были две расселины, одна подле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди между ними восседали судьи. После вынесения приговора они приказывали справедливым людям идти по дороге направо, вверх по небу, и привешивали им спереди знак приговора, а несправедливым — идти по дороге налево, вниз, причем и эти имели — позади — обозначение всех своих проступков» [10, с.413-414]. Также можно добавить и некоторые места из «Тимея». Те души, которые прожили свой век надлежащим образом (каким – не уточняется), после физической кончины возвращаются «в обитель соимённой звезды» [10, с.445]. Те, кто существовал на земле не слишком достойно, обретают «такую животную природу, которая будет соответствовать его порочному складу» [10, с.445]. Люди незлобивые, но легкомысленные, склонные «умствовать о том, что находится над землёй» становятся птицами, глупцы превращаются в сухопутных животных, «самые скудные неучи» превращаются в животных водяных. [10, с.498 – 499]

Что касается рекомендаций, то они, по сути, сводятся к одной: чтобы после физической кончины попасть в те места, где пребывают «... души, которые провели свою жизнь в чистоте и воздержанности» [9, с.69] нужно сохранять в себе четыре добродетели: мудрость, мужество, *σωφροσύνη* и справедливость.

Под «мудростью» понимается полнота знаний, совершенство ума. Иными словами – знание подлинного мира, мира совершенных сущностей.

Мужество и «*σωφροσύνη*» рассматриваются Платоном в двух ранних диалогах: «Лакет» и «Хармид». Схема анализа примерна одинаковая. Идёт диалог, в развитии которого собеседники Сократа предлагают разные варианты определения обсуждаемой категории. Сократ при этом всё убедительно раскритиковывает и в итоге никакого приемлемого определения не получается. Однако – как считают многие исследователи творчества Платона – нельзя считать, что результат чисто негативный. Все предлагаемые варианты надо рассмотреть совместно: «все они необходимы, все они действительно способствуют получению подлинного определения, но все они односторонни. Определяемое выше всех этих отдельных определений...» [7, с.21]

К предлагаемому совместному рассмотрению следует прибавить ещё и мысли, развиваемые в поздних диалогах Платона. И тогда можно делать определённые предположения. Под мужеством следует понимать

стойкость в следовании нравственному закону, а также (если говорить современным языком) подчинение собственных интересов интересам общества и государства. Σωφροσύνη – наука о науке, наука о благе и зле, а также способность к рассудительности и здравому смыслу.

Справедливость является добродетелью, которая, в некоторой степени объединяет, поддерживает и поясняет предыдущие три. Ключевое слово в определении справедливости – соответствие.

Справедливый человек «прилаживает друг к другу три начала своей души» он «связует вместе и так из множественности достигает собственного единства, рассудительности и слаженности».[10, с.218-219]. Тремя началами души являются разумное начало, яростное начало и начало страстное. Если предположить, что разумному началу души соответствуют такие добродетели, как мудрость и σωφροσύνη, а мужество в определённой мере распространяется на ярость и страсть, то получается, что справедливость есть способность правильно соотносить иррациональные, идущие от «дионисийского начала» желания и рациональные, «аполлонические» программы действия.

Сам собой возникает вопрос: что значит «правильно соотносить»? Что вообще есть правильное? В самом общем плане – соответствие своей природе. Конкретнее – единение собственных желаний и побуждений с одной стороны и интересов общества – с другой: «Справедливый человек несколько не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливости, но, напротив, будет с ним схож» [10, с.207]. Т.е. ключевым словом, раскрывающим понятие «справедливость» будет слово *синтез*. Синтез трёх начал человеческой души и возникающий на его основе синтез индивидуально-человеческого и государственного.

Таким образом мы вернулись к тому, с чего начали наш разговор о Древней Греции – к отсутствию чёткого понимания личностного начала и растворению человека в интересах социума. Такое понимание сказывается и на понимании суицида.

Очевидно, можно вести речь о двух типах суицида – аутоагрессивное поведение и собственно сознательное добровольное самоубийство. Аутоагрессивное поведение – сознательное подвержение своей жизни смертельной опасности. Где грек может подвергнуться смертельной опасности? Разумеется, на войне. Война – это всегда выполнение долга перед социумом и самый достойный способ добровольного подчинения высшей необходимости. С.С. Аверинцев пишет по этому поводу следующее: «... гибель героя без остатка входит в баланс его победной судьбы, и поэтому о погибших героях не следует всерьез жалеть» [1, с. 68].

Аутоагрессивное поведение воина принимается довольно благосклонно, при этом чёткой грани между аутоагрессивным поведением и самоубийством, совершённым – по видимости – ради интересов общества, не проводится. А вот добровольный уход из жизни при вполне мирных обстоятельствах, да ещё и осуществлённый собственным деянием, отнюдь не приветствуется. Аристотель в «Никомаховой этике» утверждает, что, убивая себя, человек преступает закон и поэтому виновен перед собой как афинский гражданин и перед государством, оскверненным пролитой кровью [2, с.11]. Мы видим, что самоубийство осуждается не потому, что это страшная трагедия для человека, для его близких. Самоубийство – это пренебрежение общественным долгом, это произведённое по доброй воле прерывание социально-необходимых процессов, осуществлённое в одном конкретном месте и в определённый момент времени.

Возвращаемся к вопросу, поставленному в начале: по каким причинам самоубийство древними греками осуждается и какие факторы его оправдывают? Причина осуждения, в общем, одна: самоубийца выводит тело и душу из процессов, в которых осуществляется необходимость. Необходимость космическая (Логос), необходимость социальная (полис) и необходимость частная (рок, судьба).

Какие факторы *оправдывают* самоубийство?

Первый фактор – это, скорее, даже не оправдание а некое средство снятия страха перед смертью и – следовательно – перед самоубийством: совершение самоубийства в полном объёме невозможно. Человек властен только над телом, душа же его ему не подвластна. Тело можно умертвить, но душа продолжит существование.

Второй фактор: отсутствие понимания того, что совершается именно *самоубийство*. Чтобы *самоубийство* состоялось, человек должен уничтожить свою *личность* – ну а личность как таковая в мысли древних греков просто отсутствует.

Гражданин античного полиса не боится умереть – чего бояться, если душа бессмертна? Гражданин античного полиса не спешит умирать – никакой точной информации о посмертной судьбе души у живущего нет, соответственно, можно *там* ожидать и массу неприятностей. Гражданин античного полиса не должен умирать раньше времени, предусмотренного судьбой – он обязан выполнить всё, предназначенное ему обществом и богами.

Дальнейшее развитие европейской мысли будет изменять вектор осознания человеком жизни, долга и места в социуме. Жизнь начнёт осознаваться как *своя*, долг

начнёт осознаваться как *свой*, а место в социуме начнёт осознаваться тоже как *своё*. Всё это произойдёт благодаря формированию такой категории, как личность. Личность (вернее, понимание себя как личность) позволит

увидеть факторы, оправдывавшие самоубийство совсем в ином свете: убивая тело, убиваешь и душу, а убивая душу, убиваешь целый мир, сосредоточенный в своей личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. 352 с.
2. Аристотель Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т.4. 830 с.
3. Власова О.В. Формирование представлений о чести и достоинстве личности в истории развития общества: эволюционно-правовое измерение // Вестник ПАГС 2011. №3 (28). С.44 – 50.
4. Гесиод О происхождении богов. М.: Советская Россия, 1990. 320 с.
5. Гомер Одиссея. М.: Детская литература, 1987. 336с.
6. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367с.
7. Лосев А.Ф. Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы. Вводная статья // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С.3-65
8. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1990. Т.1. 860 с.
9. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1990. Т.2. 528 с.
10. Платон Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1994. Т.3. 654 с.

© Сиверцев Евгений Юрьевич (Emden1914@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Bartul E. – Postgraduate, Far Eastern Federal University

Beissova Zh. – post-graduate student, RUDN University (Moscow)

Belopolskaya N. – Dr. Psychol. Sci., Moscow Institute of psychoanalysis

Chernorizov A. – Doctor of Psychological Sciences, Moscow State University M.V. Lomonosov

Ermusheva A. – Assistant, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University) (Moscow)

Gorbachev I. – Adjunct, Military University of the Russian defense Ministry

Isakova T. – clinical psychologist, Higher School of Economics, Moscow

Ivanova G. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow)

Kalinovskaya K. – candidate of psychological Sciences, associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Konovalova A. – Russian State University for the Humanities, senior lecturer

Kostrigin A. – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Kosygin Russian State, Moscow

Kuts A. – PhD, Associate Professor, Penza State University

Litvyakova O. – psychologist, teacher-researcher, Chukotka Autonomous district Department of the Russian red cross (Red Cross of Chukotka), (Anadyr).

Machukha A. – Applicant, Southern Federal University

Mast S. – Graduate student, State Autonomous educational institution of higher education of the Leningrad region «Leningrad state University named after A. S. Pushkin»

Nazarevich O. – PhD in Psychology, Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University

Nikolskaya A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kosygin Russian State University, Moscow

Pisarevsky K. – Senior Lecturer, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management

Pokrovskaya S. – Candidate of Psychology, Associate Professor, Moscow City Pedagogical and Psychological University, Moscow

Potapova E. – candidate of psychological Sciences, associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Rakova E. – Head of the Municipal budget educational institution «Kindergarten No. 302»; Post-graduate student, Russian presidential Academy of national economy and public administration

Ravochkin N. – Kuzbass state agricultural academy; Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

Rudakova Ya. – educational psychologist, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Silina E. – Doctor of Medical Sciences, Professor, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow)

Sivertsev E. – PhD in Philosophy, assistant professor, St Petersburg University

Trofimova A. – PhD student, Moscow State University M.V. Lomonosov

Tsvetkova N. – Ph.D. Candidate of Psychology, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Ushanova N. – postgraduate student, State Budget Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University

Vasilyeva O. – candidate of biological Sciences, Professor, Southern Federal University

Vorobieva K. – Penza State University

Zakirzyanov A. – Dr in Philology, Associate Professor, Institute of language, literature and art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Zekeryaev R. – Lecturer, State budgetary educational institution of higher education of the Republic of Crimea «Crimean engineering and pedagogical university»

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).